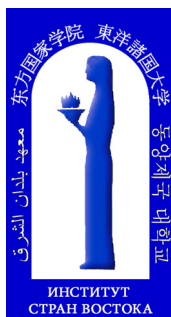

«Институт стран Востока»

Скоробогатых Н.С.

ИСТОРИЯ АВСТРАЛИИ

Учебник

Москва
2011

ББК 63.3(8)
С44

Утверждено ученым советом Института стран Востока в качестве учебника.

Скоробогатых Н.С.

С44 История Австралии – М., Институт стран Востока, 2011. – 240 с.

ISBN- 978-5-98196-025-3

Учебник охватывает историю Австралии от появления на ее территории первоначальников – аборигенов – до начала XXI века. В трех разделах анализируются основные проблемы традиционного общества коренных австралийцев, британской колонизации континента, становления Австралийского Союза как полностью самостоятельного государства – одного из лидеров Южно-Тихоокеанского региона; прослеживаются главные вехи в становлении австралийской культуры и российско-австралийских контактов. Особое внимание уделено современному периоду, когда на рубеже XX–XXI вв. страна вступила в новый этап своей истории, связанный с отходом от традиционных для австралийцев устоев.

Учебник предназначен для студентов высших учебных заведений и широкого круга читателей.

ISBN- 978-5-98196-025-3

© Скоробогатых Н.С., 2011
© Институт стран Востока., 2011

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	6
 Раздел I	
Австралия в до- и раннеколониальный период	
 Глава 1. Австралия до появления европейцев.	
Начало британской колонизации (1788–1820-е гг.)	
Особенности географического положения	8
Коренные жители страны – аборигены	10
Европейцы у берегов Южного континента	15
«Колонии бесчестья» – первые ссыльные поселения в Новом Южном Уэльсе	18
«Ромовый корпус» у власти.....	22
«Эра Маккуори»: 1810–1821 гг.	25
Законы об управлении колониями 1820-х гг.	27
 Глава 2. От колониального общества к гражданскому (1830–1850-е гг.)	
«Систематическая колонизация» Э. Уэйкфилда.....	31
Социально-экономическое развитие колоний. Акт об управлении 1850 года.....	32
Австралийское общество в первой половине XIX в.	36
 Глава 3. Социально-политические процессы в колониях во второй половине XIX века	
«Золотая лихорадка» и ее последствия.....	39
Роль государственного регулирования.....	43
Демографическая ситуация.....	45
Борьба за равноправие. Эврикское восстание 1854 г.	51
Демократизация управления в 1850–1900 гг.	52
Аграрные реформы второй половины XIX в.	54
Трудовое законодательство.....	56
Австралийское общество в конце колониального периода: политический срез..	58

Глава 4. Движение за создание федерации колоний в Австралии

Социально-экономические и политические предпосылки федеративного движения.....	60
Процесс согласования интересов: 1880–1890 гг.	67
Основные положения Конституции АС.....	71

Раздел II

От самостоятельности к государству всеобщего благоденствия

Глава 5. Австралийский Союз в 1900-х – 1920-х гг.

Строительство федерации в 1900–1920-х гг.	75
Внешняя политика в начале XX в.; участие в первой мировой войне.....	84
Мировая война и австралийское общество.....	88
Австралия в период послевоенного бума.....	91

Глава 6. Австралия накануне и в период второй мировой войны

Мировой экономический кризис в АС.....	98
В преддверии войны: внешняя политика АС.....	106
Австралийский Союз во второй мировой войне.....	109

Глава 7. Послевоенная реконверсия и «эра Мензиса» (конец 1940-х – середина 1960-х годов)

Возвращение к мирной жизни.....	116
Правление либерально-аграрной коалиции: от «золотых пятидесятих» к тревожным шестидесятым.....	122

Глава 8. Развитие Австралии накануне рыночных реформ (вторая половина 1960-х – 1970-е годы)

Наследники Мензиса.....	134
Возвращение АЛП: кабинет Г. Уитлема.....	139
Конституционный кризис 1975 г. и его последствия.....	149
Премьерство М. Фрейзера.....	150
Изменения в общественном сознании страны.....	155

Раздел III

Время смены парадигм

(последняя четверть XX – начало XXI века)

Глава 9. «Перестройка по-австралийски» - проект АЛП

Лейбористы начинают реформы..... 159

Внешняя политика лейбористов..... 165

Смена руководства в АЛП в 1991 г. 168

Глава 10. Эпоха Говарда (1996–2007)

Реформы по версии оппозиции..... 173

Начало «неолиберальной эры»..... 176

Проблемы отношений с аборигенами..... 182

Коррекция мультикультурализма..... 186

Референдум по республике 1999 г. 191

На пути к региональному лидерству (внешняя политика на
рубеже XXI столетия)..... 193

Глава 11. Австралия вступает в XXI век

Конец эпохи Говарда..... 200

Лейбористы у руля АС: политика кабинета К. Радда..... 202

Первая женщина – премьер министр Австралии..... 210

Культура страны в конце XX – начале XXI в. 216

Заключение..... 221

ХРОНОЛОГИЯ..... 225

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА..... 233

ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСЫ..... 235

Приложение 1.

Премьер-министры Австралийского Союза..... 236

Приложение 2.

Карта Австралийского Союза..... 239

Предисловие

Данный учебник является практически первым в отечественной историографии опытом изложения истории Австралии от появления на территории континента первых его насельников – аборигенов до начала XXI века. В его основу положен курс лекций, который автор на протяжении ряда лет читала в Восточном университете (учредитель – Институт востоковедения РАН) и учебное пособие «История Австралии», изданное в 2006 г.

Главная задача учебника – дать целостную картину становления современного австралийского общества, выделить ключевые этапы его исторического пути, предоставить сжатую информацию по основным аспектам развития общественно-политических институтов страны. В связи с тем, что события последних десятилетий XX – начала XXI вв. пока еще не получили в российской историографии систематизированного освещения, этому периоду в истории страны уделено особое внимание.

Исходя из этого, учебник составлен из трех крупных разделов, охватывающих весь исторически обозримый путь этой страны. Раздел I посвящен особенностям заселения Австралии аборигенами и появлению здесь первых европейцев, а также специфике британской колонизации континента в конце XVIII – XIX вв. Раздел II касается основных этапов истории Австралийского Союза (АС) в XX в. В Разделе III рассматриваются главные векторы изменений, происходивших в стране в последние десятилетия XX – начале XXI вв.

Учебник снабжен списком литературы, рекомендуемой для самостоятельной работы, а также приложениями, цель которых – облегчить студентам знакомство с отдельными компонентами политической системы АС и хронологией ключевых событий австралийской истории.

Активизация политики России в восточном направлении и особенно развитие отношений со странами Азиатско-

Тихоокеанского региона (АТР) диктуют необходимость подготовки высококвалифицированных профессионалов, способных самостоятельно разрабатывать программы внешнеэкономических, политических и культурных связей с находящимися там государствами, в том числе – с Австралийским Союзом, занимающим ныне ведущее положение в Южно-Тихоокеанском регионе (ЮТР). В последние десятилетия усилился и общественный интерес к данной стране. Если во времена СССР, исключая узкий круг ученых и дипломатов, мало кто из наших соотечественников мог поделиться знаниями в области австраловедения или похвастаться визитом в Австралию, то в наши дни положение изменилось в лучшую сторону. Электронные СМИ уделяют все больше внимания положению дел в АС; на эту же тему стали чаще появляться содержательные материалы на российском телевидении и страницах периодики. Туристические фирмы регулярно организуют поездки на курорты австралийского побережья, где все желающие могут полюбоваться красотами тамошних национальных парков и познакомиться с уникальной природой этой далекой страны. Немалое число россиян видят в Австралии и «землю обетованную», выбирая ее как место своего будущего постоянного проживания. Этот учебник призван в числе прочего восполнить сохраняющуюся пока в РФ нужду в систематизированном изложении исторического пути этой удивительной страны.

Раздел I

Австралия в до- и раннеколониальный период

Глава 1. Австралия до появления европейцев. Начало британской колонизации (1788–1820-е гг.)

Особенности географического положения. Современный Австралийский Союз – единственная в мире страна, полностью занимающая территорию целого континента и прилегающих к нему островов в акватории Тихого и Индийского океанов, общей площадью около 7,7 миллионов кв. км. Сами австралийцы шутят, что они проживают на самом маленьком из континентов или на самом большом из островов. Ближайшие их соседи – Новая Гвинея к северу и Новая Зеландия к востоку – отделены соответственно Торресовым проливом и Тасмановым морем; расстояния до Америки, Европы и даже Юго-Восточной Азии измеряются в тысячах км. Географическая изолированность оказала самое серьезное влияние на развитие Австралии: она позже всех остальных континентов была обнаружена, исследована и освоена европейцами.

Еще одна особенность этой страны – она находится к югу от экватора, поэтому смена климатических поясов и времен года здесь противоположна тем, что наблюдаются в северном полушарии. Немудрено, что для жителей Старого Света этот регион стал землей «антиподов», где тропики находятся на севере, а наиболее холодный субтропический район – расположенный к югу от континента остров Тасмания. Самые жаркие летние месяцы здесь – декабрь, январь и февраль; самые прохладные – июнь, июль, август. В целом климат страны теплый и здоровый; здесь не бывает морозов, и снег выпадает только изредка в Тасмании и горных районах юго-востока материка, но и здесь держится недолго.

Австралия – один из наиболее плоских участков суши: большая ее часть – равнины; горные массивы, занимающие около 5%

всей поверхности материка, расположены на востоке и на западе, придавая ему форму огромной чаши. Самый крупный среди них – Большой Водораздельный хребет, проходящий вдоль всего восточного побережья континента. Самая высокая его точка – гора Костюшко в Австралийских Альпах поднимается на 2,2 тыс. м, самая низкая – соленое озеро Эйр находится на 16 м ниже уровня моря. В центральной части расположен уникальный монолит Айерс-Рок, или Улуру, образованный древними кристаллическими породами.

Австралия – наиболее засушливый и жаркий регион Земного шара: $\frac{2}{3}$ центральной ее части занимают пустыни, где летние температуры достигают $+45^{\circ}$ по Цельсию в тени. Растительность встречается главным образом в прибрежных зонах и в бассейнах немногочисленных рек, крупнейшие из которых – Дарлинг, Муррей и Маррамбиджи – протекают на юго-востоке. Большинство из 800 озер Австралии – соленые, многие из них наполняются водой только в сезон ливней. В связи с неравномерностью выпадения осадков для рельефа центральной Австралии характерно понятие «крик» (*creek*)¹ – пересохшее русло реки, по которому поток воды устремляется лишь во время редких в этих местах дождей. Частые природные катаклизмы континента – засухи, пылевые бури, лесные пожары, мощные грозы и тропические циклоны на побережье, которые могут привести к серьезным наводнениям. Землетрясения случаются достаточно редко.

Фауна и флора Австралии уникальны. Это – один из древнейших континентов: палеонтологи находят здесь останки животных, датируемые 130 млн. лет. Около 20 тыс. лет тому назад поднявшиеся воды Мирового океана отрезали эти территории от ближайших соседей. В результате в наши дни растительность и животный мир Австралии по большей части состоит из эндемиков: из 12 тыс. видов растений более 9 тыс. не встречается больше нигде. То же самое можно сказать и о 9/10 видов животных, среди которых особенно известны представители отряда сумчатых: кенгуру, коала, вомбат, утконос, ехидна и другие. В лесах живут различные виды попугаев и других уникальных местных птиц, из которых особой популярностью пользуется кукабарра; в

¹ Здесь и далее *курсивом* в тексте выделены специфические австралийские культурно-исторические термины (понятия).

саваннах обитают страусы эму, на водоемах можно встретить черных лебедей и представителей других водоплавающих. Здесь почти нет млекопитающих хищников; зато на севере континента обитают крокодилы, а множество ящериц и ядовитых змей распространено по всей территории. В прибрежных водах можно встретить немало акул, а вдоль северо-восточного побережья протянулся Большой барьерный риф с его уникальной морской экосистемой. Символами современной Австралии стали кенгуру и эму, попавшие на государственный герб АС; всеобщим любимцем является коала.

Большинство плодородных почв на материке – красноземы и бурые породы, которые в пустынной зоне сменяются солончаковыми сероземами. Пышная растительность характерна для тропического пояса, южнее ее сменяют эвкалиптовые леса и саванны на границе с пустынями. В период дождей они покрываются богатой травянистой растительностью, служащей прекрасным кормом для скота. Флористические эмблемы страны – многочисленные виды акации и эвкалиптов, а также уникальные цветы растений-эндемиков: акации, эвкалипта, банксии, красной кенгуриной лапки и других.

Помимо достаточно больших массивов земель, пригодных для сельскохозяйственного использования, и наличия пресной воды в реках и Большом артезианском бассейне, а также богатств прилегающей к континенту акватории, недра Австралии представляют собой гигантскую подземную кладовую, в которой можно обнаружить практически все известные нам полезные ископаемые. Кварцевые жилы богаты золотом, велики месторождения бокситов, полиметаллических и железных руд, олова, меди и других металлов. По запасам каменного угля Австралия занимает первое место среди стран Южного полушария. Газ, нефть, сланцы, уран, алмазы, опалы и другие драгоценные камни продолжают этот далеко не полный список природных сокровищ этих земель.

Такие особенности географического положения и природных условий Австралии во многом определили историческую судьбу континента и его сегодняшнее состояние.

Коренные жители страны – аборигены. Хотя Южный материк никогда не входил в ареалы антропо-социогенеза, история

его заселения уходит далеко вглубь веков, и до сих пор до конца не уточнено, когда же здесь появились первые люди. Принято считать, что это произошло около 40 тыс. лет тому назад; но в середине 1990-х гг. появились сообщения о находках австралийских археологов, которые позволяют сдвинуть эту дату еще на 10–20 тыс. лет назад. Как бы то ни было, на территории континента не обнаружено пока остатков ископаемых гоминидов, то есть предки современных аборигенов – первонасельников материка – были пришлыми и представляли собой, если можно так выразиться, первую волну «несанкционированной иммиграции» в Австралию.

По мнению специалистов, эти люди могли придти сюда из Индии, из Юго-Восточной Азии или с островов Тихого океана. Предположительно несколькими основными волнами они прошли весь континент с севера на юг и заселили освоенные ими территории Австралии и о. Тасмания. Примерно 20 тыс. лет т.н. подъем уровня вод Мирового океана привел к изоляции Австралии от остального мира и способствовал консервации материальной и духовной культуры обосновавшихся здесь народов.

Они представляли собой множество племен, чье количество установить можно лишь путем приблизительных подсчетов и экстраполяций. Общепринятая цифра – порядка 500 крупных племен, общей численностью около 300 тыс. человек. В антропологическом отношении большинство из них принадлежали к особому типу большой австралоидной расы и внешне несколько походили на папуасов, веддов и меланезийцев. Однако языки аборигенов совершенно самостоятельны и не имеют аналогов с языками их ближайших соседей. До наших дней сохранились 144 языка, которые ученые объединяют в 6 групп. Все они достаточно примитивны в лингвистическом отношении и дополняются языком жестов. Изучение их затруднено тем, что их носители были бесписьменны, и серьезное внимание им было уделено лишь в исторически недавнее время – немногим более 100 лет тому назад, когда европейцы начали изучать уникальную культуру первонасельников Австралии.

Племена австралийских аборигенов представляли собой «рыхлую совокупность общин», внутри которых не сложилось четкой социальной структуры в лице вождей и старейшин. При-

нято считать, что к моменту появления у берегов Австралии первых европейцев в XVI–XVIII веках большинство племен находилось на уровне мезолита, осваивая отдельные черты неолитической техники; жители Тасмании стояли на уровне палеолита. По единодушному мнению современных ученых, они были одними из самых примитивных и миролюбивых народов, известных истории. Впрочем, если судить их не по сравнению с европейцами, а по историческим реалиям жизни коренных австралийцев, такая оценка будет несколько комплиментарной. Как и у остальных народов, находившихся на ранней стадии развития, в быту аборигенов можно найти множество примеров жестокости, характерных для такого образа жизни.

Каждое племя, делившееся на локальные группы во главе с наиболее опытными охотниками, вело полу бродячий образ жизни, передвигаясь внутри слабо очерченных ареалов кочевки по четко обозначенным маршрутам, обусловленным поисками пищи. Границы земель, находившихся в совместном общинном пользовании, определялись наличием священных мест каждого племени, знания о которых в мифологической форме хранились мужчинами племени. Плотность населения составляла около 1 человека на 25 кв. км, что также снижало возможности столкновений и конфликтов между отдельными группами. Однако довольно часто случались как отдельные стычки между соседями, вызванные главным образом проблемами с женщинами и дележом земли и воды, так и затяжные конфликты, принимавшие форму кровной мести. Впрочем, существовали и способы примирения враждующих группировок.

Ученые определяют уклад жизни аборигенов как культуру экологической ниши, то есть идеально приспособленный к природным и климатическим условиям Австралийского континента. Прекрасное знание местных особенностей позволяло им выживать не только в благоприятных условиях юго-востока Австралии, но и в пустынных центральных районах и в тропиках севера материка. Половозрастное разделение труда отводило каждому члену племени его конкретную роль в процессе жизнеобеспечения. Аборигены не знали земледелия и скотоводства, не строили постоянных жилищ, не умели использовать металлы. Взрослые мужчины занимались охотой, на долю женщин выпадало соби-

рательство и воспитание детей, молодое поколение уже с 8 лет начинало приобщаться к жизни взрослых. Отсутствие понятия частной собственности обеспечивало распределение всего, что добывалось в ходе ежедневного труда, среди всех членов племени. Примитивные орудия производства (изготовленные из дерева и камня копья, бумеранги, палицы и щиты; палки-копалки, корзины и сетки из травы или коры) и практическое отсутствие домашнего скарба способствовали быстрым передвижениям в поисках продуктов питания.

Корробори

Столь нехитрый образ жизни не мог обеспечить ни высокого уровня благосостояния, ни долголетия. Средняя продолжительность жизни у аборигенов составляла около 40 лет; порой практиковался обычай инфантицида – насильственного умерщвления детей с целью искусственного регулирования численности населения в случаях, когда количество членов племени превышало возможности прокормления на принадлежавшей им территории. Нормой было существование полигинных семей, где взрослый мужчина был обладателем целого гарема разновозрастных жен, которые в случае его смерти переходили к более молодым соро-

дичам. Заключение браков подчинялось строго регламентированным системам родства, а вступление во взрослую жизнь сопровождалось целым комплексом сложных обрядов инициации, завершавшихся празднествами – *коррбори*, для проведения которых рядом со святилищами собирались все члены племени. Такого рода общинные собрания, сопровождавшиеся ритуальными песнями, плясками и игрой на музыкальных инструментах (наиболее интересный из них – *диджериду*) сопровождали все основные события в жизни этих людей.

Хранителями традиций были главным образом мужчины, которые держали в строгой тайне сакральные знания о прошлом своих народов и навыки первобытной магии. Мифология аборигенов не только отражала основы их мировоззрения, но и была средством передачи практической информации от поколения к поколению. В соответствии с представлениями аборигенов, в период «времени сновидений» – эпохи создания мира прародителями людей – их предки были связаны теснейшими узами прямого родства с различными животными, ставшими священными для потомков. Различные тотемические табу играли важную роль в сохранении экологического баланса на континенте и отражали глубокие связи аборигенов с их землей. В мифах можно найти упоминания и об их происхождении, предках и героях, и о появлении тех или иных природных явлений – от рек, озер и небесных светил до драгоценных минералов, и сакральные знания о мироздании и общественных устоях. Традиционное искусство аборигенов, дошедшее до наших дней в виде рисунков на скалах и на коре эвкалиптов, также пропитано тематикой и сюжетами из легендарного прошлого коренных австралийцев и во многом заменяло им отсутствие письменности. Своеобразие живописной манеры аборигенных художников сделало их работы чрезвычайно популярными в современной Австралии и во многих странах мира.

Влияние аборигенной культуры в наши дни ощущается не только в этом. Многие современные топо- и гидронимы, названия животных и типично австралийские термины заимствованы из аборигенных языков. В последние годы все чаще в меню ресторанов включаются блюда из кулинарного рациона **коренных австралийцев**, а опыт выживания в экстремальных условиях ав-

стралийской глубинки – *буша* – давно взят на вооружение белыми жителями континента. К 2006 г. численность представителей аборигенных групп и лиц, определяющих себя как аборигенов, превысила 517 тыс. человек – около 2,5% от общего состава населения страны.

Европейцы у берегов Южного континента. До XV в. знания жителей Старого Света о Южном континенте ограничивались главным образом догадками и гипотезами о существовании некой Terra Australis Incognita, которая должна была служить противовесом материкам Северного полушария. О ней писали греческие географы, арабские путешественники, однако рассказы эти были разрозненными и не всегда рисовали эти земли с положительной стороны. Малайцы называли эти территории «землей мертвых».

Эпоха великих географических открытий подтолкнула европейских мореплавателей к поискам золота и пряностей и в районах к югу от экватора. В XVI в. португальцы вплотную приблизились к северному побережью Австралии, но не сохранилось документальных свидетельств об их высадке на побережье Австралии. В начале XVII в. испанцы прошли вдоль берегов Новой Гвинеи, оставив свои имена на карте окружающих Австралию вод: Торресов пролив – наиболее известный из них, названный в честь Луиса Ваэза де Торреса, капитана одного из их кораблей.

Вслед за ними сюда приплыли голландцы, которым и принадлежит честь стать первыми европейцами, которые высадились на землю Южного континента. На деньги нидерландской Ост-Индской торговой компании были организованы несколько экспедиций по поиску Южной земли. Их участники нанесли на карты практически все северное побережье материка, обогнули его с запада и прошли вдоль южного берега о. Тасмания, окрестив все открытые ими земли Новой Голландией. Залив Карпентария, полуостров Арнемленд и Земля Ван Димена (так Абель Янссен Тасман – самый знаменитый из голландских мореплавателей XVII в. вначале обозначил на карте открытый им остров, позже переименованный в его честь в Тасманию) в своих названиях сохранили память о тех днях. Но не найдя на негостеприимных берегах ни золота, ни специй, голландцы потеряли всякий интерес к обнаруженным ими землям..

На смену им в конце XVII в. пришли англичане. Знаменитый авантюрист, путешественник и исследователь Уильям Дампир дважды посетил западное побережье Новой Голландии. Написанные им книги об увиденном во время этих путешествий стали бестселлерами и познакомили его соотечественников с австралийскими реалиями, а архипелаг поблизости от мест, о которых он рассказал миру, носит его имя. Впрочем, его впечатления о «безводной пустыне», где «почти нет ни животных, ни людей», не подвигли англичан к более тесному знакомству с далеким материком. Только развернувшееся в следующем веке англо-французское соперничество в борьбе за новые земли подстегнуло интерес британской короны к этим территориям. Во второй половине XVIII в. восточное побережье материка было исследовано в ходе экспедиции капитана Джеймса Кука, который объявил все найденные им земли английским владением под именем Новый Южный Уэльс (НЮУ). Разразившаяся буквально вслед за возвращением Кука война за независимость в Северной Америке не только лишила Великобританию ее американских владений, но и заставила начать планомерное заселение и освоение Южного континента с перспективой превращения его в новые колонии английской короны.

Таким образом, в конце XVIII в. Австралия вступила в новую фазу своего исторического развития, непосредственно связанную с Великобританией и выходцами из ее земель, превратившими ее в часть Британской империи. При этом права аборигенов на землю не учитывались, а вся территория континента считалась *terra nullius* – «ничейной землей», так как ее обитатели не создали государственных или иных общественных институтов или органов, с которыми можно было заключать договоры о передаче земельного фонда в руки новых владельцев. Представления о внутренних частях материка у европейцев практически отсутствовали.

Процесс британской колонизации Южного материка в XVIII–XIX вв. сопровождался систематическим исследованием его побережья и глубинных областей. В первые же годы существования здесь поселений их губернаторы снарядили несколько экспедиций по исследованию близлежащих территорий. Наиболее важными открытиями стали обнаруженный пролив между НЮУ

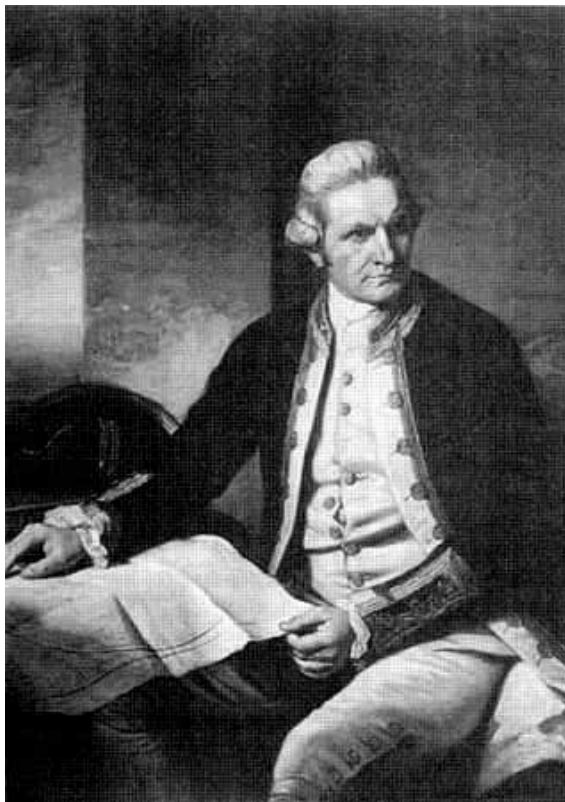
и Землей Ван Димена, получивший имя открывшего его врача и гидрографа Джорджа Басса, а также результаты плаваний капитана Мэтью Флиндерса, доказавшего, что Земля Ван Димена – это остров, а Новая Голландия и Новый Южный Уэльс составляют единый материк, который он предложил назвать Австралия.

Началом следующего этапа стала экспедиция вглубь континента, в ходе которой в 1813 г. был найден проход через Голубые горы к плодородным равнинам к западу от Большого Водораздельного хребта. Прекрасные пастбища в этой части материка подстегнули начавшийся процесс «земельной лихорадки» и способствовали заселению этих районов, а участники этого путешествия – Грэгори Блэксленд, Уильям Лоусон и Уильям Ч. Уэнтворт – получили здесь по одной тысяче акров земли. В течение первой половины XIX в. были исследованы бассейны крупнейших рек Австралии и прилегающие к ним земли и предпринимались первые попытки проникнуть в пустыни центральной части континента. Наиболее известными из исследователей этого периода стали Чарльз Стерт и Томас Ливингстон Митчелл, с легкой руки которого территория нынешнего штата Виктория получила название «счастливой Австралии».

Середина XIX столетия стала свидетелем двух трагических страниц в истории изучения внутренних районов страны. Первая из них связана со второй экспедицией к центру Австралии под руководством Людвига Лейхгардта, бесследно исчезнувшей в песках пустыни Симпсона; вторая – с экспедицией Роберта О'Хары Берка, пытавшегося пересечь континент с юга на север и погибшего на обратном пути. Впрочем, это не остановило других путешественников, и тогда же Джон Макдауэлл Стюарт открыл географический центр Австралии и успешно проложил путь к северному побережью. Его последователи – братья Огастес и Фрэнсис Грегори, Александр и Джон Форресты, Эрнст Джайлс и другие – в конце века нанесли на карту большинство районов западной части материка.

Однако полностью «белые пятна» на карте Австралии были заполнены лишь в 1930-х гг., когда развитие автомобилестроения и авиации позволило относительно безопасно передвигаться по глубинке и достичь самых отдаленных ее уголков. В наши

дни весь континент и прилегающие к нему острова тщательно изучены, а имена их исследователей прочно вошли в историю страны.

Джеймс Кук

«Колонии бесчестья» – первые ссыльные поселения в Новом Южном Уэльсе. Появление на берегах Австралии выходцев из Великобритании знаменовало собой начало нового, письменного этапа ее истории, на ранних стадиях самым теснейшим образом связанного с историей метрополии. Освоение Нового Южного Уэльса проистекало из неотложных нужд Соединенного Королевства, которое в XVIII в. переживало период промышленной революции и становления капиталистического уклада в экономике, сопровождавшийся разорением фермеров, массовым пауперизмом и суровыми законами, призванными остановить

неизбежный в таких условиях рост преступности. В какой-то мере разгрузить переполненные британские тюрьмы помогали транспорты с заключенными, регулярно отправлявшиеся в заморские владения короны по ту сторону Атлантики. Однако образование США положило конец этой практике, и правительство Великобритании вынуждено было подыскивать новые места для организации каторги. В 1786 г. в ходе специальных заседаний парламента сэр Джозеф Бэнкс, участник экспедиции Д. Кука и советник короля Георга III, предложил использовать для этих целей земли, которые он посетил и описал в своих трудах. Его поддержали видные политические деятели Великобритании, и вскоре министр внутренних дел лорд Сидней подписал указ о создании каторжной колонии на берегах залива Ботани Бей, названных Бэнксом вполне пригодными для проживания подданных его величества.

Джозеф Бэнкс

Первым губернатором колонии был назначен капитан Артур Филлип, в чьих руках, согласно королевскому указу, сосредоточивались такие полномочия, которыми в то время в метрополии уже не обладал и сам монарх. Губернатору вменялись в обязанность организация каторжных работ и перевоспитание попавших под его управление людей; благоустройство колонии и хозяйст-

венное освоение близлежащих земель; распоряжение всеми вооруженными силами на территории НЮУ и проведение судебных действий на вверенной ему территории. Таким образом, создавалась строго централизованная военно-административная система управления, когда все три ветви власти (административная, военная и судебная) были фактически сосредоточены в руках одного человека, подотчетного лишь правительству и парламенту в Лондоне.

В состав первой флотилии, отправившейся к берегам Австралии, входили около 250 человек охраны и порядка 750 заключенных всех возрастов, зачастую не обремененных серьезными профессиональными навыками. На 11 судах люди с запасами продовольствия, рассчитанными на первые два года жизни на новом месте, за 8 месяцев преодолели два океана, высадились чуть севернее Ботани Бей на берегах бухты Порт Джексон. В торжественной обстановке здесь 26 января 1788 г. был поднят государственный флаг и тем самым положено основание первой британской колонии на территории континента. Этот день стал ныне государственным праздником АС – Днем Австралии.

Первые годы существования каторжного поселения были, пожалуй, самыми тяжелыми. Устанавливать дисциплину и смирять дикие нравы своих подопечных Филлипу – человеку глубоко порядочному лично – приходилось с помощью самых жестоких мер. Порка, оправка рецидивистов на остров Норфолк и смертная казнь входили в арсенал администрации. В то же время губернатор имел право помилования и досрочного освобождения заключенных. Его основными помощниками стали моряки и офицеры охраны, ставшие членами судов по уголовным и гражданским делам. В принятии решений они руководствовались британскими законами, а за губернатором сохранялось право выносить окончательный вердикт.

Трудноразрешимой проблемой было и самообеспечение продовольствием. Привезенные припасы быстро истощились, климат новой страны оказался гораздо суровее, чем предполагалось, местные аборигены были настроены весьма враждебно, и в колонии все чаще наблюдались случаи голодной смерти. Спасли оставшихся в живых снаряженные Филлипом экспедиции в Кейптаун и Джакарту, но с прибытием в 1790 г. новой партии

каторжников стала ясна необходимость опоры на собственные силы и привлечения сюда свободных поселенцев с навыками фермеров и ремесленников. Сам губернатор возглавил несколько экспедиций по поиску новых плодородных земель вокруг первых поселений и просил власти метрополии о помощи в деле обеспечения колонии специалистами в различных отраслях хозяйства.

Каторжник в Новом Южном Уэльсе

Главной ценностью и средством вознаграждения стали земельные пожалования, правом распределения которых обладал глава колонии. Участки размером от 30 акров и более раздавались практически безвозмездно офицерам охраны и свободным поселенцам, а впоследствии и отработавшим свои сроки наказания бывшим каторжникам – *эмансипистам*. Роль рабочей силы на этих землях отводилась приписанным к ним каторжникам, трудившимся на полях администрации и частных лиц, строившим дороги и обще-

ственные здания. Эти люди за хорошую работу могли получить право на досрочное освобождение. За ними сохранялись права британских подданных, рабочий день строго регламентировался: 9 часов в течение 5 дней и 5 часов по субботам с перерывами на завтрак и обед; за свой труд на частное лицо заключенные получали небольшую плату. Но в целом условия подневольного труда воспринимались ими как тяжелая обязанность, и нередко были случаи как повторных наказаний за различные правонарушения, так и попыток побега, как правило, неудачных.

Тем не менее, в годы правления А. Филлипа колония постепенно вставала на ноги: были построены жилые дома и склады; проведена дорога между ее административным центром – Сиднеем и соседним поселением Парраматтой; налажены контакты с метрополией и решены проблемы со снабжением. Хозяйственная деятельность колонистов развивалась успешно. Никогда больше они не сталкивались с голодом первых лет существования колонии, и в этом была немалая заслуга губернатора, не отказывавшего в помощи своим подопечным. Роль государства в лице местной власти в НЮУ изначально была определяющей: она формировала как лицо колонии, так и уровень жизни ее обитателей.

«Ромовый корпус» у власти. В 1791 г. в Сидней прибыл новый полк охраны – полк Нового Южного Уэльса. Майор этого полка Фрэнсис Гроуз фактически сменил заболевшего и уехавшего в Англию А. Филлипа и исполнял обязанности губернатора до 1795 г. Два распоряжения Гроуза по сути дела превратили его ближайших помощников в полновластных хозяев колонии. Первым приказом он раздал около 10 тыс. акров земли своим офицерам с единственным условием – сдавать часть урожая на склады администрации для создания запасов на случай ЧП. Согласно второму, эти же офицеры получили монопольное право на посредническую торговлю со всеми судами, заходившими в НЮУ, что привело к появлению практически новой валюты в колонии – ром превратился в реальное средство расчетов, а полк Нового Южного Уэльса и его руководство вошли в историю Австралии как «ромовый корпус». Попытки назначавшихся новых губернаторов обуздать всевластие военных, получавших до 500% прибыли только от торговли спиртным, были безуспешны, и в течение почти 18 лет колония жила по законам «ромового корпуса»,

когда система военной администрации фактически служила для удовлетворения нужд главным образом входивших в нее чиновников.

В условиях бесконтрольного получения баснословных доходов и отсутствия налогов офицеры полка за короткие сроки наживали колоссальные состояния и вкладывали полученные средства в развитие сельского хозяйства и инфраструктуры колонии, становясь хозяевами новых ферм, магазинов, постоянных дворов и т.п. Самым ярким примером удачи колониальных нуворишей может служить судьба Джона Макартура – лейтенанта полка Нового Южного Уэльса. Он прибыл сюда с 500 ф. ст. долга, а к 1800 г. стал обладателем состояния в 20 тыс. ф. ст. и по праву заслужил титул «отца австралийского овцеводства» – единственного на тот момент занятия, которое в климатических условиях Австралии давало огромные прибыли при минимальных затратах. Макартур был не одинок, его сослуживцы, в том числе и капеллан колонии Сэмюел Марсден, быстро сколотили состояние на поставках шерсти на фабрики в Англии, и их пример стал весьма притягательным. В начале XIX в. в НЮУ жили уже 7,5 тыс. британцев, среди которых все больше появлялось свободных людей, привлеченных поисками лучшей доли. Более половины населения колонии сконцентрировалось в городе Сиднее, ставшем ее административным и торговым центром. С 1803 г. здесь начала издаваться «Сидни Гэзетт», чей девиз звучал вполне оптимистически: «Так мы надеемся достичь процветания». Основой хозяйства территории было разведение овец и земледелие, на базе которых постепенно развивалась местная обрабатывающая промышленность. Впрочем, мирное течение жизни прерывалось порой и серьезными инцидентами, такими как, например, восстание ирландских заключенных, вспыхнувшее в марте 1804 г. и подавленное военными. Однако всевластие офицеров полка и их злоупотребления своими полномочиями в ущерб большинству населения колонии вызывали постоянное беспокойство как среди свободных колонистов, так и в метрополии, куда от них регулярно поступали жалобы на местную администрацию.

Сэмюел Марсден

Первая серьезная попытка изменить порядки «ромового корпуса» была предпринята прибывшим в Новый Южный Уэльс в 1806 г. новым губернатором Уильямом Блаем. Человек твердого, но тяжелого характера и нрава, он быстро заслужил у подчиненных прозвище «Калигула». Его попытки ограничить торговлю спиртным и заставить офицеров продавать в казенные хранилища их урожай по установленным государственным ценам создали ему целую армию врагов. Ссора с Дж. Макартуром – одним из столпов местной элиты послужила лишь катализатором событий, получивших название «ромового бунта» – ареста губернатора в январе 1808 г. Блай был отправлен в тюрьму на Землю Ван Димена, и в течение следующих двух лет власть по-прежнему принадлежала верхушке «ромового корпуса». Захватившие ее Дж. Макартур и его сослуживцы раздавали огромные участки земель своим сторонникам из числа крупных торговцев и распоряжались трудом каторжников по своему усмотрению,

фактически подрывая авторитет британской государственности. Только назначение очередного губернатора – Лаклана Маккуори коренным образом изменило создавшееся положение.

Лаклан Маккуори

«Эра Маккуори»: 1810–1821 гг. С именем этого человека связана новая ступень в развитии колонии и дальнейшем освоении континента. Подполковник британской армии Л. Маккуори прибыл в Новый Южный Уэльс вместе со своей опорой – 73 пехотным полком шотландских стрелков, которые заменили расформированный и высланный в Англию вместе с зачинщиками мятежа «ромовый корпус». В задачу этого главы администрации входило, прежде всего, восстановление порядка и справедливости, но его деятельность далеко превзошла заданные рамки.

За десять лет пребывания у власти Маккуори удалось упорядочить финансы колонии: был создан первый банк и введен налоговый кодекс, принесший дополнительные средства в бюджет местной власти. Стремясь обеспечить занятость заключенных и прибывавших в НЮУ новопоселенцев из разоренной наполеоновскими войнами Европы (в 1819 г. в колонии проживали уже

26 тыс. человек, из них 38% составляли заключенные), он организовал масштабные общественные работы. В Сиднее были возведены госпиталь, маяк и смотровая башня, названные потомками именем губернатора. Возводил большую часть этих сооружений талантливый архитектор из заключенных Фрэнсис Гринуэй. К новым поселениям, возникавшим по окраинам быстро расширявшейся колонии, были проложены удобные дороги, везде возводились общественные здания, больницы, мосты. Доныне на площади Маккуори сохранился обелиск, на котором обозначены расстояния до ближайших населенных пунктов. Примечательно то, что в каждом из таких поселений губернатор приказал строить церковь, школу и здание суда, представлявших ему неотъемлемыми атрибутами жизни цивилизованного человека. Он всячески поддерживал благотворительную и иную деятельность различных христианских и миссионерских организаций, упорядочил регистрацию браков, заботился о превращении подрастающего поколения в добропорядочных граждан. Супруга губернатора стала его ближайшей помощницей и одной из первых женщин, немало сделавших для процветания НЮУ и заботившихся о преумножении красоты здешних мест. В 1816 г. в Сиднее были открыты Королевские ботанические сады, где находилась каменная скамья с мемориальной плитой, и в наши дни одна из дорожек здесь носит имя Элизабет Маккуори.

В результате быстро менялся моральный климат в колонии, и молодые урожденные австралийцы ощущали себя хозяевами своей новой родины. Предпринимались попытки изменить сложившееся к тому времени негативное отношение белых колонистов к коренному населению страны: создавались школы, где вместе обучались дети поселенцев и юные аборигены, поощрялся переход чернокожих австралийцев в христианство – губернатор брал их под свою судебную защиту.

Появились новшества в управлении колонией: создана полицейская служба, расширялись права магистратов. Параллельно шло развитие судебной системы. В 1814 г. в дополнение к уголовному суду, остававшемуся в ведении и под контролем губернатора, в НЮУ появились еще две гражданские судебные инстанции: верховный суд рассматривал иски по делам свыше 50, а губернаторский – по делам до 50 фунтов стерлингов. Судопроиз-

водство велось в полном соответствии с законами Соединенного Королевства, отличаясь тем, что на места судей назначались офицеры, а институт присяжных отсутствовал. Таким образом, начинался медленный отход от сугубо военно-административной системы, характерной для первых лет существования каторги в Австралии.

Однако попытка Маккуори опереться на эмансипистов и широкое привлечение бывших каторжников к общественной деятельности вызвали самое ожесточенное сопротивление сложившейся к этому периоду колониальной элиты в лице богатых овцеводов. Эти люди видели будущее Австралии как государства крупных плантаторов по типу юга США или Бразилии и не желали делиться властью и доходами с кем бы то ни было. В Лондон ими была отправлена петиция с жалобами на губернатора, и в 1819 г. в Сидней прибыл уполномоченный британского правительства судья Дж. Т. Бигг. По возвращении в Англию он подготовил три доклада с рекомендациями в духе требований колониального бомонда, что послужило поводом к отзыву Маккуори из Австралии и длительному разбирательству, в ходе которого бывший губернатор пытался отстоять свою точку зрения.

Несмотря на то, что до конца своей жизни Маккуори так и не оправился от чувства глубокой обиды, в памяти австралийцев он остался как «отец Австралии», и будущее подтвердило правоту его идей. За время его пребывания на посту губернатора население колонии выросло в 3 раза, площади обработанных земель – в 4 раза, поголовье скота – в 10 раз. Все исследователи признавали, что «ни один другой губернатор не сделал столько доброго для судеб Нового Южного Уэльса». Тенденции, заложенные Маккуори, определили будущий путь Австралии, кто бы в дальнейшем ни возглавлял ее правительство.

Законы об управлении колониями 1820-х гг. Губернатор Томас Брисбен прибыл в колонию с указанием изменять систему управления Новым Южным Уэльсом чрезвычайно осторожно, сохраняя максимально возможную дистанцию между свободными поселенцами и бывшими заключенными. Британские власти встали на сторону судьи Бигга и его советников из НЮУ. Сохранение системы каторжного труда в колониях было во многом выгодно властям метрополии. Ссылая в Австралию нежелатель-

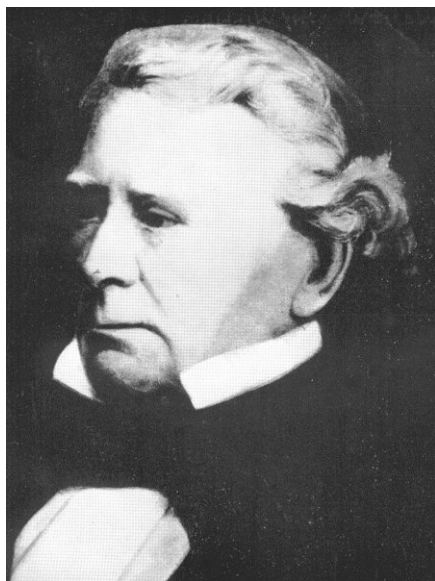
ные элементы – как преступников, так и политических смутьянов, Британия освобождалась от потенциала социальной взрывоопасности. Содержание одного заключенного в английской тюрьме обходилось британской казне приблизительно в 24 ф. ст. в год на человека, а в колонии – только 14 ф. ст., и часть этой суммы выплачивали сами колонисты – те, кто использовал труд приписанных каторжников на своих угодьях. Поставки шерсти из НЮУ обеспечивали дешевым сырьем промышленность Британии. Не было веских причин в одночасье менять сложившуюся и оправдавшую себя систему управления в Австралии.

В результате принятый в 1823 г. Акт об усовершенствовании управления Новым Южным Уэльсом и Землей Ван Димена сохранял пост губернатора и большинство его полномочий, но создавал при нем Законодательный совет из 5–7 человек, которые наделялись совещательными функциями и назначались из лучших людей колонии. Верховный суд НЮУ рассматривал каждый новый закон колонии с точки зрения его соответствия законам Соединенного Королевства, а британский парламент имел право в течение 3-х лет объявить любой принятый таким образом закон колонии недействительным. Вводилась также полная административная самостоятельность Земли Ван Димена, которая становилась второй колонией Британии в этом регионе, и обе административные единицы получали новый статус: не ссыльное поселение, а британские королевские колонии.

Большинство жителей Австралии восприняли этот закон с энтузиазмом. Однако он не решал существовавших противоречий между стремившейся к большей власти элитой колоний и пытавшейся контролировать эти амбиции британской администрацией, а также оставлял практически без гражданских и имущественных прав эмансипистов, число которых увеличивалось по мере освобождения каторжан, отработавших сроки наказания. Именно тогда и начинают складываться их групповые корпоративные требования: введение суда присяжных; снятие ограничений на торговлю; снижение налогов на импорт шерсти в метрополию, превратившегося в основной источник денежных поступлений в Новый Южный Уэльс, – словом, равноправие колонистов с остальными подданными Великобритании. На это накладывались сложности, возникавшие по мере прибытия сюда ма-

лоимущих британцев, привлеченных развернутой в Соединенном Королевстве пропагандой широких возможностей приложения сил и капиталов в новых землях Южного полушария. Этот клубок трудностей и старались разрешить администрации колоний в течение второй трети XIX в.

В 1825 г. при губернаторе сэре Ральфе Дарлинге в дополнение к законодательному совету был создан исполнительный совет колонии. Его члены назначались британским правительством, ни одно решение губернатора не могло быть принято без консультации с ними, и два раза в год протоколы заседаний исполнительного совета отправлялись на проверку в Лондон. Таким образом, представители элиты колониального общества получили еще один рычаг власти.

Уильям Ч. Уэнтворт

Под давлением эмансипистов и их лидера Уильяма Ч. Уэнтворта, участника знаменитой экспедиции через Голубые горы, ставшего одним из самых популярных журналистов и общественных деятелей Австралии в эти годы, в 1828 г. был принят Закон об обеспечении управления и правосудия в Новом Южном Уэльсе и Земле Ван Димена. Согласно этому документу, состав

Законодательного совета увеличивался до 15 человек, из которых 10 были членами администрации колонии, а 5 – представителями ведущих землевладельцев и торговцев. Ни один предложенный губернатором законопроект не принимался теперь без их одобрения, и краткое содержание законопроектов должно было быть обязательно опубликовано в местной прессе. Допускалось создание суда присяжных по гражданским делам, но сохранялись все полномочия губернатора в уголовном законодательстве и делопроизводстве под прежним контролем властей метрополии. Таким образом, вновь несколько расширились возможности колонистов влиять на местное управление.

К концу 1820-х гг. британские власти контролировали почти всю территорию Земли Ван Димена, земли вокруг Сиднея и ряд островов близ берегов Нового Южного Уэльса. Каторжные поселения были созданы на окраинах этой маленькой ойкумены в районе Мортон Бей (территория нынешнего Квинсленда) и на о. Норфолк, где заключенные по-прежнему составляли значительную часть населения. Первая попытка организации колонии свободных поселенцев на берегах реки Суон в Западной Австралии в 1829 г. окончилась практически полным провалом. Суровый климат, отсутствие рабочих рук и изолированность от всего цивилизованного мира привели к тому, что немногие оставшиеся здесь жители в 1840-х гг. умоляли британское правительство спасти их, прислав хотя бы каторжников в качестве дополнительной рабочей силы. Эта неудача, надолго обусловив отставание Западной Австралии от соседних колоний, не остановила дальнейшего освоения континента, которое продолжилось в более благоприятных его районах, расположенных на юге и востоке. В те годы под административным управлением НЮУ находились и британские поселения, основанные в Новой Зеландии. Так, через 30 лет после начала британской колонизации континента наметился поворот от использования Австралии только как места каторги. Тюремные порядки постепенно уступали место общегражданским институтам.

Глава 2. От колониального общества к гражданскому (1830–1850-е гг.)

«Систематическая колонизация» Э. Уэйкфилда. Новый этап в истории британской колонизации Австралии был связан с именем Эдварда Г. Уэйкфилда – скромного лондонского клерка, мечтавшего стать членом британского парламента. В конце 1820-х гг. он опубликовал статью «Письмо из Сиднея», из основных положений которой выросла концепция, названная впоследствии теорией систематической колонизации. Уэйкфилд предлагал новый принцип освоения континента: заселение его представителями среднего класса Великобритании. С этой целью необходимо было продавать земли в Австралии по умеренным ценам всем состоятельным «добропорядочным гражданам». Полученные от продаж средства распределялись по трем каналам: на пополнение британской казны за счет налогов с земельных торгов, на благоустройство колоний и на субсидируемую иммиграцию в Австралию малоимущих жителей Соединенного Королевства, которые по прибытии туда пополняли бы местный рынок рабочей силы. То есть на новом месте воспроизводилась политически и социально стабильная модель английского общества, быстро осваивались новые земли, и создавался еще один форпост Британской империи на стыке Индийского и Тихого океанов.

Мысли Уэйкфилда быстро приобрели широкую популярность в Великобритании, и вскоре в Лондоне были организованы несколько обществ по претворению его идей в жизнь. Наибольшую известность приобрела Южно-Австралийская земельная компания, полномочия которой были утверждены актом парламента в 1834 г. Два года спустя первая партия ее акционеров прибыла на отведенные им территории, но начальные годы новой колонии свободных поселенцев были омрачены неурядицами, связанными с распределением участков между ее жителями и административными трудностями. Преодолеть все эти проблемы удалось только в первой половине 1840-х гг., когда Южную Австралию возглавил губернатор Джордж Грей, остановивший финансовые злоупотребления и земельные спекуляции. Открытие на ее территориях богатых залежей медной руды и трудолю-

бие колонистов сделали «колонию фермеров» одной из наиболее зажиточных и процветающих. К середине XIX в. здесь проживало около 6 тыс. человек, в большинстве своем трудившихся в сельском хозяйстве, которое остается основой экономики этих территорий и до наших дней. Приехавшие сюда немецкие колонисты привезли с собой не только свою религию и пунктуальность, но и виноградную лозу, положив начало виноделию в Австралии.

В те же годы шло интенсивное освоение соседних с Южной Австралией районов – той самой «счастливой Австралии» Т. Митчелла, куда направился массовый поток переселенцев из Нового Южного Уэльса и Земли Ван Димена. Специально созданная Ассоциация Порт Филлипа (таково было первоначально официальное наименование центра заселения этих земель) приобрела права на освоение близлежащих территорий, и новые поселения здесь были включены в административное ведение губернатора НЮУ. Впрочем, по мере расширения поселений вокруг Порт Филлипа их жители все меньше хотели подчиняться властям «колонии бесчестья» и видели себя в качестве самостоятельной «свободной колонии, основанной на принципах мира и цивилизации, филантропии, морали и умеренности». В этом лежали истоки затяжного конфликта колонистов с сиднейской администрацией, нараставшего пропорционально увеличению местного населения. В 1836 г. Порт Филлип был переименован в Мельбурн в честь тогдашнего премьер-министра Великобритании, а к 1840 г. в его округе проживало уже порядка 40 тыс. человек.

Благодаря расширению практики субсидируемой иммиграции в 1830–1850-х гг. общая численность населения колоний почти удвоилась, составив к середине XIX в. около 400 тыс. человек. В основном в колонии переселялись в поисках лучшей доли малообеспеченные слои населения Соединенного Королевства; буржуазия составляла в общем потоке около 3%. Быстрый рост числа колонистов сопровождался серьезными экономическими сложностями, которые зачастую ставили местные администрации и британские власти в затруднительное положение.

Социально-экономическое развитие колоний. Акт об управлении 1850 года. Первой из таких проблем стало регулиро-

вание землепользования в Австралии. Вторая треть XIX столетия стала временем настоящей земельной лихорадки в колониях. Массовая скупка угодий сопровождалась невиданным дотоле размахом спекуляций. Наряду с этим широкое распространение получил самовольный захват пустующих государственных земель австралийскими овцеводами, которые по аналогии с США получили название «скваттеров». Источником их дохода служили обширные выпасы на просторах австралийского *буша* (так австралийцы называют внутренние районы материка) и стада овец, численность которых достигала нескольких тысяч голов. В климатических условиях юго-востока Австралии разведение этих животных практически не требовало финансовых затрат, а доходы от продажи шерсти, официально признанной в Лондоне лучшей в мире, в годы хорошей экономической конъюнктуры в несколько лет делали из начинающего овцевода крупного предпринимателя с капиталом и весом в обществе. Богатые скваттеры быстро вписались в состав колониальной элиты и заняли в ней порой доминирующие позиции, что позволило некоторым исследователям этого периода назвать 1830–1840-е гг. «эпохой скваттократии».

Британские же власти в метрополии и на местах пытались установить максимально возможный контроль над использованием коронных земель Австралии, каковыми по закону являлась вся территория континента. Еще в 1826 г. был издан закон об отмене земельных пожалований и проведении практики земельных продаж; однако до 1831 г. обе системы продолжали сосуществовать одновременно, а введенные тогда же границы официальных 19 округов, где было разрешено селиться владельцам предварительно купленной земли, никем, по сути, не соблюдались. В начале 1830-х г. были установлены фиксированные цены на землю в Австралии; за десять лет они выросли в 4 раза, достигнув к 1842 г. 1 ф. ст. за акр. Наряду с этим вводились первые поземельные налоги, и хотя они были весьма незначительны (в 1839 г. – 2 шиллинга за 100 акров в год), и налоги, и цены, и границы вызывали ожесточенное сопротивление скваттеров. Их ответом стало создание Ассоциации скотоводов, целью которой стала защита интересов овцеводов и в колониях, и в Лондоне.

Второй проблемой была хроническая нехватка рабочих рук. Старая практика использования труда приписанных заключенных фактически изжила себя; даже для крупных предпринимателей стала очевидной неэффективность подневольного труда. На гребне широкого общественного движения за отмену каторги в Австралии британское правительство в 1839 г. запретило принудительный труд заключенных, а в 1840 г. отменило доставку новых партий каторжников в Новый Южный Уэльс. Однако радость по поводу принятых решений оказалась преждевременной. Приезжавшие в Австралию рабочие предпочитали более комфортабельные города суровым условиям работы и жизни в буше, а перенесенные на австралийскую почву из Британии профсоюзы зорко стояли на страже интересов своих членов. В результате получался замкнутый круг: недостаток рабочих рук позволял профсоюзам поддерживать такой высокий уровень зарплаты работников, что у них появлялась возможность в течение сравнительно короткого промежутка времени скопить капитал, необходимый для открытия собственного дела, для которого опять-таки требовались все те же дефицитные рабочие руки. Предприниматели попытались насытить рынок труда за счет ввоза рабочих из стран Азии, но этому воспрепятствовали все те же профсоюзы, справедливо усмотрев в азиатских кули угрозу благосостоянию европейцев. Попытки же возобновить ввоз заключенных привели лишь к массовым волнениям в Сиднее и других городах и созданию Лиги за отмену ссылки.

На базе общественного недовольства колонистов действиями британских властей все явственнее вставал вопрос о необходимости предоставления колониям прав внутреннего самоуправления. Созданная в 1835 г. Австралийская патриотическая ассоциация объединила в своих рядах представителей практически всех слоев местного населения. Под давлением общественности британское правительство приняло в 1842 г. новый закон об управлении Новым Южным Уэльсом, который жители колонии посчитали своей первой конституцией. Этот документ вводил принципы выборного начала в управлении и ограничивал полномочия губернатора. Законодательный совет состоял теперь из 36 человек, из которых 12 назначались короной, а 24 выбирались сроком на 5 лет. Избирательные права были ограничены доста-

точно высоким имущественным цензом, допускавшим к участию в выборах всего 5% населения колонии, однако это стало реализацией одного из давних требований либерально настроенных деятелей колоний – права жителей на участие в управлении своей страной. Губернатор терял свое исключительное право законодательной инициативы, и срок вмешательства британского парламента в дела колонии сокращался с 3 до 2 лет. Кроме того, создавались органы местного самоуправления: территория НЮУ делилась на 29 графств, жители которых раз в три года выбирали местные советы во главе с председателем, отвечавшие за наведение порядка на вверенных им территориях. В 1843 г. прошли первые выборы в законодательный совет, но перемирие оказалось временным.

Аграрные законы 1840-х гг. были восприняты как продолжение прежней ограничительной практики британских властей. В ответ верный либеральным традициям У.Ч. Уэнтворт выдвигал идеи дальнейшего усовершенствования демократии в НЮУ: окончательно разделение законодательной и исполнительной ветвей власти, введение принципа ответственного правительства, четко разграничения полномочий колонии и метрополии. Лондону оставались вопросы имперского порядка (оборона, внешняя политика и т.п.), а колониальный парламент должен был самостоятельно регулировать все внутренние проблемы (землепользование, иммиграция, таможни, налоги и др.). Все большую популярность в колониях приобретали взгляды английских чартистов; идеи демократизации системы управления отстаивали такие ставшие в эти годы известными местные политики, как священник Джон Д. Лэнг, либералы Генри Паркс и Роберт Лоу; создавались многочисленные общественные организации в поддержку требований свободы торговли, прав человека, земельных реформ и т.д. Наиболее решительные из его активистов призывали последовать примеру США и объявить о своей независимости в случае отказа британских властей от уступок требованиям колонистов. Королева Виктория отказалась вначале обсуждать эти предложения как совершенно неуместные, однако парламент Великобритании пошел навстречу колониальным политикам и в 1850 г. принял новый Акт об управлении колониями в Австралии.

Согласно основным положениям этого закона, от Нового Южного Уэльса отделялся район Порт Филипп, отныне именуемый колонией Виктория – в честь правившей в то время монархини. Вводилась иерархия губернаторов: глава администрации Нового Южного Уэльса получал статус генерал-губернатора, а губернаторы Виктории, Южной Австралии и Земли Ван Димена оставались в ранге его помощников с правом непосредственной связи с метрополией. В два раза снижался имущественный ценз на выборах, и состав Законодательного совета расширялся до 54 человек, полномочия которых включали право контроля над финансовыми, земельными и судебными вопросами.

Исключение составляла лишь Западная Австралия: она присоединялась к новой системе управления только тогда, когда $\frac{1}{3}$ ее домовладельцев попросит об этом. Это откладывало введение самоуправления колонии на неопределенный срок, ибо в 1849 г. в соответствии с пожеланиями жителей этой части континента статус ее менялся: вместо колонии свободных иммигрантов Западная Австралия становилась каторжным поселением. Другого способа обеспечить местных предпринимателей рабочей силой, кроме как в лице все тех же приписанных заключенных, найдено не было. Одновременно, зная о решительных настроениях австралийцев, британские власти дали поручение губернаторам начать подготовку текстов конституций колоний, предусматривавших введение здесь парламентской формы правления.

Так, к середине XIX в. был фактически завершен переход от военно-административной системы к гражданскому управлению с предоставлением местному населению всех прав британских подданных. Методы, почерпнутые из прежнего опыта эпохи каторги, сохранялись лишь там и тогда, где и когда этого требовали конкретные сложившиеся трудные обстоятельства. Следующим шагом для австралийцев стало обретение внутреннего самоуправления.

Австралийское общество в первой половине XIX века. В целом колонии представляли собой далекую окраину Британской империи, основой экономики которой было овцеводство, а в зарождавшейся промышленности преобладали предприятия обрабатывающих отраслей. Но на континенте росли города – столицы колоний; действовали уже 7 банков; выходило все большее

число газет (только в Новом Южном Уэльсе их насчитывалось 10); появлялись первые театры. Тогда же начали складываться основные черты феномена, ставшего одним из компонентов австралийского национального характера: обостренное чувство взаимовыручки и товарищества среди белых и столь же яркое проявление ксенофобии по отношению к другим народам. Так, аборигены были либо истреблены, как на Земле Ван Димена, либо оттеснены вглубь континента, а те немногие из них, кто пытался приспособиться к новой жизни, не участвовали в политической или интеллектуальной жизни колоний.

К середине XIX в. в крупных населенных пунктах колоний были построены школы, которые существовали на государственные средства или содержались на средства христианских приходов. Однако для получения высшего образования приходилось отправляться в Европу. Огромную роль в общественной жизни играли многочисленные газеты, издававшиеся здесь, на страницах которых находили отражение господствующие настроения населения. Между тем начало британской колонизации континента стало свидетелем и рождения первых литературных опытов его жителей. Для первой половины XIX в. характерно появление дневников и публикация писем, которые отправляли жители колоний своим родным в метрополию. В эти же годы создаются романы и повести о жизни в Новом Южном Уэльсе, их авторами были британцы, которые следовали вкусам своей родины, и их произведения вполне естественно носят подражательный характер, заимствуя основные черты у представителей английской литературы. Однако в этих произведениях прослеживается повышенное внимание к австралийским деталям и реалиям: удивительной природе, аборигенам, ссылке. Появляется и местный фольклор – песни каторжников и баллады о *бушрейнджерах* – беглых заключенных и разбойниках, которые выступали в роли своеобразных местных робингудов, отстаивавших принципы личной свободы и независимости от властей.

Развивались два основных литературных мотива осмысления места колоний в мире. Первый рассматривал Австралию как «новую Британию в южных морях» и доминировал в респектабельной литературе колониального бомонда. Наиболее яркий пример – опубликованная в 1823 г. поэма У. Ч. Уэнтворта «Ав-

стралязия». Наряду с этим все чаще звучали мотивы протеста, которые облекались порой почти в форму средневековых мистерий. Так, в поэме Ф. Макнамары «Путешествие каторжника в ад» в преисподней главный герой встречает богачей, предателей и мучителей, тогда как в раю его ждут бедняки и те же бушрейнджеры.

С литературой было неразрывно связано и становление австралийского театра. Поначалу колонии не имели своих профессиональных театров: спектакли привозили из Европы и ставили заезжие гастролеры. Положение начало меняется в 1830–1840 гг., когда в Австралии появились местные профессиональные труппы, основу репертуара которых составляли пьесы У. Шекспира и инсценировки популярных тогда романов. Тогда же колонии получили и первых художников. Весьма популярны были в основном зарисовки путешественников, посетивших эти края, и творчество местных живописцев. Их кисти принадлежали парадные портреты губернаторов и представителей колониальной элиты, выполненные в духе и традициях британских образцов.

Коль скоро речь зашла о внешних контактах колоний, стоит указать на факт зарождения российско-австралийских связей. Начало XIX в. стало эпохой первых кругосветных плаваний российских моряков. Именно тогда русские военные суда регулярно появлялись у берегов Австралии. Для наших соотечественников порты Сиднея, а впоследствии Мельбурна и Аделаиды стали «райским местом», где им после многомесячного морского перехода оказывался самый теплый прием, особенно в периоды англо-русского сближения. Тогда же в Австралии появились и первые русские поселенцы. Ими, как правило, становились матросы, сбегавшие с кораблей в поисках лучшей доли, чем та, что ждала их в крепостнической России. В ответ возник и интерес австралийцев к сотрудничеству с нашей страной: в 1830-х гг. на страницах газеты «Острейлиен» У.Ч. Уэнтворт призывал установить торговые контакты с Петропавловском-Камчатским. Однако подавление польского восстания и последовавшая вслед за этим Крымская война надолго охладил порыв австралийцев.

Подводя итоги первого этапа европейской колонизации Южного континента, можно сказать, что к середине XIX столетия колонии в Австралии представляли собой не что иное, как аг-

рарно-сырьевой придаток Британской империи. Характерными чертами их хозяйственной жизни были: слабая освоенность и заселенность территории; господство крупной земельной собственности; шерсть как главный продукт экспорта и основа благосостояния элиты; зачаточное состояние промышленности в целом; практически полная зависимость от метрополии как поставщика капиталов, людских ресурсов и оборудования. В целом они представляли собой слепки с британского общества, которые постепенно обретали свою местную специфику, отличавшую их от страны исхода. Между тем Австралия стояла на пороге событий, которые резко подстегнули ход ее истории, в чем-то изменив, а в чем-то и усилив то, что закладывалось в течение предыдущих десятилетий.

Глава 3. Социально-политические процессы в колониях во второй половине XIX века

«Золотая лихорадка» и ее последствия. Говоря о грандиозных переменах в хозяйственной и общественной жизни колоний, произошедших в 1850–1900 гг., целесообразно подчеркнуть следующее. Два ключевых события определили дальнейшую судьбу этой, по словам современников, «огромной овцеводческой станции»: 1) открытие в середине XIX в. золота, давшее мощный толчок хозяйственному развитию страны; 2) экономический и финансовый кризис 1890-х гг., ускоривший переход к крупному капиталистическому производству.

Первые сведения о наличии драгоценного металла в Австралии стали появляться еще в 1830–1840-х гг., но администрации колоний предпочитали не давать хода этим слухам, справедливо опасаясь потери контроля над населением в условиях массового ажиотажа, неизбежного в таких случаях. «Золотая лихорадка» в Калифорнии в конце 1840-х гг. привлекла множество людей со всего света, среди которых был и выходец из Нового Южного Уэльса Эдвард Х. Харгрейвз. В Америке удача ему не улыбнулась, но по возвращению домой в Австралию он обнаружил удивительное сходство ландшафта в Голубых горах с тем, что он видел на приисках США. Уже в мае 1851 г. мир узнал о существовании россыпей аллювиального золота в районе Батерста, от-

крытых Харгрейвзом, а в августе того же года еще более богатые месторождения были найдены около местечка Балларат в Виктории.

Первой реакцией населения стал повальный уход людей в горы на поиски драгоценного металла. В *диггеров* (так в Австралии стали называть золотоискателей) в одночасье превратилось все взрослое население – от бродяг до полицейских. Только к концу года большая их часть вернулась в города, но в Австралию со всего света устремились искатели легкого богатства. Впрочем, жизнь диггеров была весьма трудна, и большая часть их добычи оседала в результате в руках перекупщиков золота, к которым быстро присоединилась администрация колоний. Сначала был установлен порядок скупки и транспортировки золота в города, а осенью 1851 г. были введены официальные лицензии на его добычу и на торговлю в районах приисков. Доходы от всех этих новаций значительно пополнили казну колоний.

Одним из первых ощутимых результатов произошедших событий стало быстрое накопление значительных капиталов. Только в течение первой декады 1850–1860-х гг. было добыто 25 млн. унций золота – 40% его мировой добычи на то время; более $\frac{2}{3}$ этого количества шло на экспорт. В 1890-х гг. золото было найдено и в Западной Австралии, прииски которой принесли 75% от всей его добычи на континенте и поставили некогда отстававшие земли в один ряд с остальными колониями. Эти богатства дали мощный толчок развитию Австралии и в короткие сроки преобразили ее хозяйственный облик.

Факторами, обусловившими быстрый рост экономики Австралии, стали: природные богатства континента, отсутствие здесь феодальных пережитков и крупных военных конфликтов, а также постоянная помощь со стороны метрополии. В итоге в экономическом развитии страны можно выделить несколько основных этапов: 1) 1850–1860-е гг. – быстрое накопление капиталов; 2) 1870–1880-е гг. – период промышленного бума и спекулятивной активности предпринимателей; 3) 1890-е гг. – мощный кризис в начале десятилетия и постепенное выравнивание экономических показателей к началу XX в.

Главной сферой приложения капитала по-прежнему оставалось сельское хозяйство. Для обеспечения продуктами питания

быстро увеличивавшегося населения колоний были предприняты попытки ускоренного развития земледелия, традиционно являвшегося наиболее трудоемкой отраслью в Австралии. Огромную роль в этом процессе сыграла государственная поддержка и помощь фермерам, оказанная в ходе проводившихся в 1860–1890-х гг. земельных реформ. В результате уже за этот период обрабатываемые площади выросли в 3 раза, а к 1901 г. этот показатель увеличился до 9 млн. акров, что составляло всего 0,9% всей территории континента. Южная Австралия превратилась в главный земледельческий район страны, в Квинсленде расширялись плантации сахарного тростника и хлопчатника, и ресурсы дальнейшего укрепления сельскохозяйственной базы колоний были далеко не исчерпаны.

Быстрыми темпами развивалось животноводство. В сфере овцеводства был осуществлен переход от полунатурального хозяйства середины XIX в. к крупному промышленному производству шерсти. Главными центрами этой области стали Новый Южный Уэльс, Виктория и Квинсленд. К началу XX в. поголовье овец в Австралии превышало численность ее населения: на каждого человека приходилось примерно 19 голов, что в 2–3 раза превосходило аналогичные показатели в США и России. Наблюдался процесс концентрации производства: около 60% животных принадлежало примерно тысяче скваттеров, а общий ежегодный настриг шерсти достигал 350 тонн. Из этого огромного количества только 2% потреблялись внутри страны, остальные 98% шли на внешние рынки. Торговля шерстью сосредотачивалась в руках крупных компаний, таких как, например, «Далгети и К°», чья штаб-квартира находилась в Лондоне, а отделения были разбросаны по всей Австралии. Крупнейшими центрами торговли стали Сидней и Мельбурн.

В те же годы появляется новая коммерческая отрасль – мясное и молочное скотоводство, которое особенно быстро пошло в гору с изобретением рефрижераторов, расширивших экспортные возможности поставщиков. Ряд крупных компаний осуществляли закупки и продажу мяса, и вскоре колонии стали успешно конкурировать с США, считавшимися одним из основных производителей мясной продукции. Наиболее успешно молочное производство развивалось в Новом Южном Уэльсе. Рост занято-

сти в последней декаде XIX в. в мясном животноводстве составил 29%, а в молочном – 107%. В начале XX в. стоимость отправлявшегося на экспорт масла составила порядка 3 млн. ф. ст.; Австралия стала теснить на мировых рынках традиционных поставщиков молочных продуктов – Данию и Францию.

Все финансовые операции проводились через многочисленные местные банки, часть которых располагала конторами в Лондоне. Через них проходили все коммерческие сделки, налоговые поступления и инвестиции (как частные, так и государственные) в экономику страны. Кризис 1891–1892 гг. привел к массовому банкротству большинства банков, но уцелевшие 20 сосредоточили в своих руках все финансовые рычаги в Австралии, выступая порой и в качестве владельцев акций множества предприятий на континенте.

Вторая половина XIX в. – время становления австралийской промышленности. Главное место занимала горнодобывающая отрасль. Золото сохраняло лидирующую роль до конца столетия: в начале XX в. на приисках работало 63 тыс. человек и стоимость добытого металла давала ½ доходов от добычи других полезных ископаемых. Продолжались разработки каменного угля, которые обеспечивали все потребности внутреннего рынка и поставляли ежегодно до 1 млн. тонн на экспорт. Медные месторождения Южной Австралии приносили ей доходы, в 5 раз превосходившие стоимость добычи золота. Наиболее крупным открытием конца XIX в. стали залежи полиметаллических руд в районе Броукен Хилла. Основанная на их базе «Броукен Хилл Пропрайетери» вскоре стала одной из крупнейших корпораций Австралии, чей доход только от разработок серебра составил в 1906 г. 11 млн. ф. стерлингов. Строились первые заводы по выплавке чугуна в Новом Южном Уэльсе и Тасмании, но мощности их были весьма невелики, и до появления собственной тяжелой промышленности в начале XX в. колонии импортировали железо на сумму 5–6 млн. ф. ст. ежегодно.

Быстро развивалась обрабатывающая промышленность. Общей тенденцией стал постоянный рост числа и величины промышленных объектов, на которых в конце XIX в. было занято около 27% дееспособного населения колоний. Следует помнить, что в эти годы большинство промышленных предприятий в Ав-

стралии представляли собой главным образом мелкие ремесленные мастерские; мануфактурой считалась фабрика, где трудилось более 50 наемных рабочих, и работники мануфактур составляли всего 10% от всей рабочей силы страны.

Расширялась и торговая сеть колоний, правда, вследствие относительной узости внутреннего рынка большинство сделок (58%) приходилось на внешние операции. К началу XX в. по размаху торгового оборота Австралия вышла на 5 место в мире. При этом изменилась и пополнилась география австралийского экспорта: доля метрополии в торговом обороте постепенно сокращалась, уступая место ближайшим соседям Австралии – Индии, Цейлону, Южной Африке и Новой Зеландии. Одновременно все ярче стала проявляться и неравномерность развития колоний: Новый Южный Уэльс приобретал репутацию лидера в области сельского хозяйства, а Виктория – главной промышленной базы страны. В связи с этим власти этих двух ведущих колоний придерживались различных курсов в своей экономической политике: НЮУ оставался верен принципам свободной торговли, а Виктория защищала свою промышленность мерами протекционизма. Их соседки по континенту занимали более скромные позиции и тяготели к одному из лидеров: Тасмания и Южная Австралия – к Виктории, Квинсленд – к НЮУ.

Новым для колоний явлением стали процессы концентрации и монополизации производства, которые особенно усилились после кризиса 1890-х гг. и затронули практически все отрасли хозяйства страны. К началу нового столетия в Австралии существовали все формы монополистических объединений, контролировавшие ведущие отрасли экономики. К уже упоминавшимся «Далгети и К°» и «Броукен Хилл Пропрайетери» можно добавить Табачный трест, «Колониал Шугар Рифайнинг К°», Ассоциацию владельцев пароходов, ряд торговых империй и т.п. Уже в конце XIX в. все чаще раздавались требования мелких и средних предпринимателей принять государственные меры по искоренению «нечестной конкуренции» и принятию законов по защите малого бизнеса.

Роль государственного регулирования. Одной из важнейших характеристик развития колоний в описываемый период была большая по сравнению с ведущими странами Европы и Америки

роль в этом процессе государства. Государственное регулирование и государственное предпринимательство в колониях, с одной стороны, стали логическим наследием эпохи ссыльных поселений, а с другой, – следствием слабости частного капитала на первых ступенях развития местной экономики. Фактически государство в лице колониальных администраций взяло на себя все нерентабельные и капиталоемкие отрасли хозяйства, проводя политику своего рода экономического патернализма.

Благодаря щедрой финансовой помощи властей произошла поистине революция в транспортной сети Австралии: к концу XIX в. запряженные лошадьми четырехколесные повозки сменились железными дорогами; в начале XX в. появились автомобили и трамваи в Сиднее и Мельбурне. Из этих же источников финансировались средства связи – телеграф, соединивший все столицы колоний между собой и с Лондоном, и телефон. Львиная доля в системе образования приходилась на государственные школы, предоставлявшие светское обязательное и бесплатное образования для детей в возрасте от 6 до 15 лет. Именно благодаря их усилиям к началу XX в. 84% белого населения Австралии было грамотными. Государство поддерживало местные университеты, музеи и библиотеки, которыми могли теперь похвастаться все крупные города Австралии.

Неоценима была помощь местных властей австралийским фермерам. Им не только дали землю, но и всячески поддерживали в их нелегком труде, создавая сеть ирригационных сооружений в засушливых районах, сельскохозяйственные банки, службы карантинных, ветеринарных врачей и инспекторов. Быстрое восстановление экономики страны после кризисных 1890-х гг. произошло именно благодаря государственным средствам, направленным на помощь пострадавшим. Правда, следствием столь бурной государственной активности стал рост госдолга колоний: в последние годы XIX в. 60% его было связано с займами на железнодорожное строительство и проведение общественных работ.

Можно сказать, что к концу XIX в. экономика колоний утратила свой первоначальный характер аграрно-сырьевого придатка метрополии. Здесь была создана многоотраслевая структура хозяйства, которое отличали чрезвычайно быстрые темпы разви-

тия: в 1861–1901 гг. ежегодный прирост производства совокупного национального продукта в среднем составлял 4,1%. Впереди АС по этому показателю были только США. Говоря словами одного из ведущих австралийских историков Ч. М. Кларка, страна превратилась «из колониального общества образца 1850 г. в индустриальное капиталистическое общество 1900 г.».

Демографическая ситуация. Дав мощный толчок экономическому развитию колоний, «золотая лихорадка» в значительной мере изменила там и демографическую ситуацию: их население стало расти невиданными ранее темпами. Только за период с 1850 по 1860 гг. его численность увеличилась в 2,5 раза, достигнув 1 млн. человек. Естественно, это были свободные переселенцы: главным политическим следствием золотой лихорадки 1850-х гг. стала окончательная отмена ссылки английских каторжников в Австралию. К началу XX в. на территории континента проживало уже 3,8 млн. чел. Самыми густонаселенными колониями стали Виктория и Новый Южный Уэльс; меньше всего людей проживало в Тасмании; Западная Австралия стала догонять своих соседей только в конце XIX столетия после открытия крупных месторождений золота на ее территории.

Национальный же состав австралийцев оставался в целом однородным: до 95% их было выходцами с Британских островов, по большей части англичанами и шотландцами. В 1840–1850-х гг. к ним присоединились гонимые страшным голодом беженцы из Ирландии, которые к концу столетия составили 1/5 всех жителей Австралии, пополняя собой главным образом ряды рабочего класса и придавая, по словам современника, «австралийской демократии несколько бурный и нетерпеливый оттенок». Золотые россыпи привлекли на прииски колоний представителей практически всех крупных наций Европы, Азии и Америки; часть из них осела на этих землях. Так в Виктории в середине XIX в. проживало около 5 тыс. американцев, чье влияние на судьбы страны оказалось достаточно сильным вследствие отсутствия языкового барьера и сходства ряда особенностей исторического развития. Созвучными белым австралийцам оказались как их анти-британские бунтарские настроения, так и расовые предрассудки, и суд Линча, увы, порой использовался как метод разрешения возникавших конфликтов.

В наибольшей степени это «заимствование» сказалось на судьбе китайцев пытавшихся в массовом количестве искать счастья в Виктории и Новом Южном Уэльсе. Они работали большими семейными бригадами на брошенных европейцами приисках в попытках извлечь остатки золота и переправить найденный металл в Китай для поддержания оставшихся на родине жен, детей и родственников. Неприязнь белых золотоискателей вызывали различия культур, низкий уровень жизни китайцев и боязнь, что вслед за «первыми ласточками» их соплеменники заполняют Австралию. В конце 1850 – начале 1860-х гг. по Виктории и Новому Южному Уэльсу прокатилась волна китайских погромов; на подавление беспорядков были брошены полиция и войска; вслед за этим правительства колоний приняли ряд законов об ограничении въезда китайцев на территорию Австралии.

Еще более сложной для разрешения оказалась проблема, связанная с ввозом на плантации сахарного тростника в Квинсленде островитян-полинезийцев, которых в Австралии называли *канаками*. В отличие от белых рабочих они не требовали ни хороших условий проживания, ни высокой зарплаты за поистине каторжный труд и выполняли любую работу, создавая тем самым жесткую конкуренцию европейцам. В парламент Квинсленда посыпались протесты общественности: рабочие, церковь, пресса требовали запрета ввоза дешевой цветной рабочей силы в колонию, мотивируя это тем, что плантаторы создают систему рабского труда и тем самым дестабилизируют общество. Споры по этим вопросам продолжались в течение почти 20 лет и завершились в конце XIX в. отказом от использования труда канаков. Таким образом, было положено начало этнической самоизоляции Австралии.

«Дикарями, которых надо либо замирить, либо уничтожить» оставались для большинства белых австралийцев и аборигены. Во второй половине XIX в. правительства колоний принимают ряд законов, защищавших остатки племен от физического уничтожения и вводивших начала государственной помощи аборигенам, которые оставались жить на остатках своих племенных земель под патронажем специально назначаемых чиновников. Часть аборигенов перебралась в города и перенимала привычки белых колонистов, зачастую, правда, в весьма карикатурной

форме. Былая открытая враждебность уходила в прошлое, но о каком-либо равноправии не могло быть и речи.

Вторая половина XIX столетия была и более богата контактами с Россией: в Австралию приезжали русские путешественники и журналисты, оставившие интереснейшее литературное наследие. Начало этому процессу положили труды Н.Н. Миклухо-Маклая, который долгие годы работал на Новой Гвинее и в Австралии. Хотя его идеи устройства русской переселенческой колонии на Берегу Маклая или на островах Тихого океана оказались утопией, они подстегнули немалый интерес к Австралии в России, который рос по мере укрепления самостоятельности колоний. В конце XIX в. на Южном континенте появились первые волны эмигрантов из России: евреи, татары, жители прибалтийских губерний – латыши, литовцы, эстонцы. В 1891 г. здесь постоянно проживали около 3 тыс. выходцев из Российской империи и активно действовали российские консулы, чья деятельность способствовала становлению всестороннего сотрудничества двух стран.

Конфессиональный состав колоний складывался по мере расширения национального спектра и был весьма пестрым: от верований аборигенов до конфуцианства. Большинство населения исповедовало христианство; основными деноминациями были различные направления протестантства, но по мере увеличения количества ирландцев в колониях росло влияние католической церкви. Постепенно уходило в прошлое активное вмешательство духовенства в политическую жизнь колоний; главными сферами деятельности клира становились воспитание, мораль и миссионерство. Исключение, пожалуй, составляли католические прелаты, которые открыто поддерживали лейбористских политиков в противовес их буржуазным оппонентам. Общее наблюдение современников сводилось к тому, что большинство мирян в колониях весьма прохладно относились к религии и священнослужителям и смотрели на выполнение религиозных обрядов как на формальную процедуру.

Сохранялось также и сложившееся в начале XIX в. преобладание городского населения над сельским: жизнь в буше по-прежнему была трудна, и большинство колонистов предпочита-

ло оседать в городах. Бурная урбанизация второй половины XIX столетия лишь усилила эту тенденцию.

В этот период изменилась социальная структура австралийского общества, окончательно утратившая колониальный характер. Если до середины столетия население колоний состояло главным образом из каторжников, персонала тюрем и свободных поселенцев, то к концу века здесь сложилась типичная для всех капиталистических государств того времени картина: 68% самодеятельного населения работали по найму, 8% были предпринимателями и около 20% составляли лица свободных профессий. Особенностью австралийского общества в период бурного развития экономики страны была размытость социальных границ, практическое отсутствие кастовой замкнутости, высокая степень социальной мобильности и численное преобладание средних слоев.

Наиболее многочисленной и влиятельной группой австралийского социума второй половины XIX в. стали рабочие: моряки и портовики, строители, стригали овец и разнорабочие на фермах, горняки и работники различных предприятий. Вследствие сохранявшейся перманентной нехватки рабочих рук заработная плата в Австралии была значительно выше европейских стандартов: например, сельскохозяйственный рабочий получал почти в 5 раз больше, чем в России. А в Квинсленде дополнительно к зарплате полагалось еще и трехразовое питание стоимостью 12 шиллингов, что само по себе приближалось к величине оплаты труда рабочего в Англии. С учетом низких цен на продукты питания и стоимости жилья уровень жизни австралийского рабочего был выше, чем у его собрата в Европе, а у некоторых категорий совокупный доход превышал порой доходы мелкого предпринимателя. Недаром всем, без исключения, наблюдателям Австралия конца XIX в. представлялась «раем для рабочих».

Нед Келли

Однако сохранявшееся в памяти каторжное прошлое и связанная с ним широко распространенная внутренняя оппозиционность властям, а так же присущие всем странам периодические экономические трудности и социальное неравенство породили своеобразный образ национального героя колоний. Им стал знаменитый бушрейнджер Нед Келли, банда которого наводила ужас на жителей Виктории в 1870-х гг. Многие сочувствовали молодому ирландцу, а самодельные железные доспехи, в которые Келли облачался, выходя на грабежи, во второй половине XX в. стали своего рода символом свободолюбия австралийцев в современной литературе и изобразительном искусстве страны.

Практическое отсутствие налогов и почти ничем не ограниченное поле деятельности сделали Австралию раем не только для рабочих, но и для предпринимателей. К концу XIX в. крупные бизнесмены, состояние которых насчитывало более 50 тыс. ф. ст., составляли около 0,3% всех хозяев; средняя буржуазия (владельцы недвижимости стоимостью выше 1 тыс. ф. ст.) – 60%; мелкие собственники (обладатели капитала от 200 ф. ст.) – порядка 40%. Поскольку наследственной аристократии в колониях не существовало, местная элита сложилась из крупных зем-

левладельцев и овцеводов (в том числе так называемых «отсутствующих владельцев» – английских магнатов, приобретших земли в Австралии), собственников рудников, приисков, банков и торговых компаний. Как правило, эти люди были тесно связаны между собой экономическими, политическими, а порой и матримониальными узами. Основную массу средней и мелкой буржуазии колоний составляли фермеры и владельцы мелких промышленных предприятий. Согласно статистическим данным, фабрикой в колониях считался промышленный объект, где по найму трудились 4 и более рабочих и использовались паровые механизмы. Весьма часто в те времена можно было встретить так называемых «работающих владельцев» – предпринимателей, трудившихся на своем предприятии наравне с рабочими. В эту же категорию входили владельцы лавок и магазинчиков.

Стригали, 1875 г.

В конце XIX столетия в колониях формируется слой белых воротничков – служащих и интеллигенции (чиновники государственных учреждений, юристы, журналисты, врачи, преподава-

тели, менеджеры). Преуспевающая часть этой группы играла активную роль в местной политической жизни и, достигнув признания на своем поприще, вливалась в состав колониальной элиты.

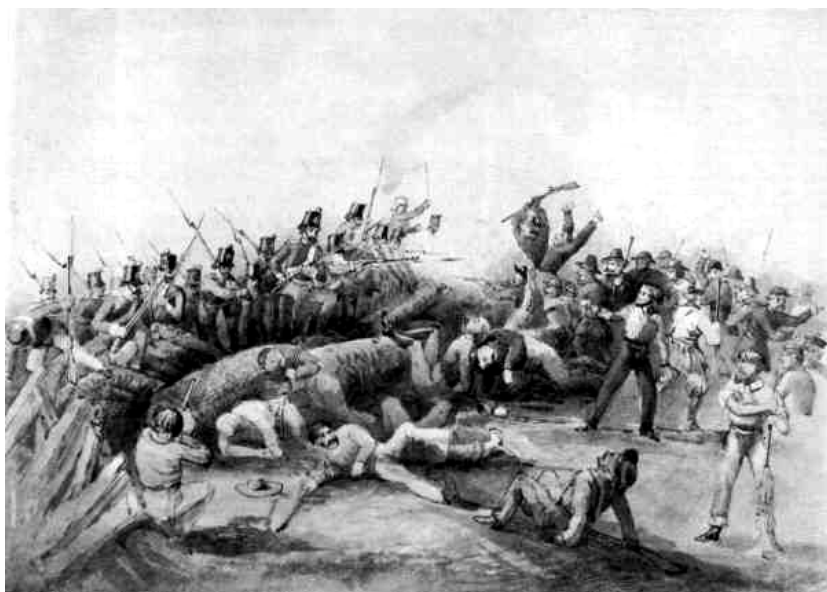
Борьба за равноправие. Эврикское восстание 1854 года. Перечисленные выше особенности социальной структуры колоний самым непосредственным образом сказались на их политической жизни. Там начали нарастать, притом куда быстрее, чем в Европе, процессы политического структурирования, охватившие практически все слои населения. Консерваторы колоний – поправевший к середине века У.Ч. Уэнтворт, Дж. Макартур и другие представители элиты – выступали за сохранение главных рычагов управления в руках состоятельных слоев общества и требовали:

- защитить «привилегии меньшинства» от «тирании большинства»;
- создать своего рода титулованную аристократию колоний;
- закрепить за ней место в верхних палатах колониальных парламентов путем введения множественного вотума и высокого имущественного ценза на выборах.

Их политические противники – либералы (Генри Паркс, Дэниел Дэнехи и другие) – высмеивали новоявленных аристократов и выступали за предоставление равных прав всем жителям Австралии вне зависимости от их общественного положения. Но позиции либералов в законодательных советах – органах, которые занимались разработкой проектов конституций колоний – были слабы, и в Лондон на утверждение короны были направлены консервативные варианты законов, регламентировавших жизнь тамошних сообществ.

Решающим обстоятельством в борьбе за равноправие стала, однако, не борьба системных политиков, а единственное в истории Австралии вооруженное восстание золотоискателей, случившегося в декабре 1854 г. в Балларате. Поводом для него стало убийство около отеля «Эврика» одного из старателей. Возмущенные несправедливым решением суда и произволом властей диггеры соорудили возле спаленного ими отеля баррикады и выдвинули ряд требований, в том числе и политического характера. Активисты Балларатской лиги реформ поддержали требования

восставших, добавив к ним лозунги всеобщего избирательного права для мужчин, отмены имущественного ценза, введения тайного голосования и жалования для депутатов парламента, что позволяло участвовать в политической жизни представителям любой категории населения. Выступление диггеров было быстро подавлено, лидер восставших Питер Лейлор вынужден был скрываться, зачинщики отданы под суд; но общественное мнение было целиком на стороне подсудимых, и приговор суда не был суров, а бело-голубой флаг Эврикской баррикады стал еще одним символом свободолюбия австралийцев. Власти же колоний предпочли пойти на уступки большинству населения страны.

Бой на Эврикской баррикаде, 1854 г.

Демократизация управления в 1850–1900 гг. Принятые в течение 1850-х гг. под давлением радикально настроенных рабочих и воспрянувших духом либералов конституции колоний носили компромиссный характер. Повсеместно верховный суверенитет оставался за метрополией, корону представлял назначенный из Лондона губернатор, а внутреннее самоуправление цели-

ком передавалось в руки колониальных парламентов, состоявших из двух палат. Первоначально верхняя палата назначалась губернатором, срок полномочий ее членов был пожизненным, а нижняя палата формировалась по результатам выборов. Избирательное право предоставлялось британским гражданам не моложе 21 года, обладавшим имуществом или доходом не менее 100 ф. ст. Исполнительная власть вверялась губернатору и исполнительному совету – правительству колонии, формировавшемуся из числа парламентариев. Иначе говоря, в Австралии вводилась хорошо знакомая ее жителям Вестминстерская модель ответственного перед парламентом правительства. В различных колониях варьировались детали: высота имущественного ценза, количество депутатов или сроки полномочий палат. Эта структура управления в основе своей сохраняется и до настоящего времени.

Необходимо отметить, что конституции колоний стали одними из самых демократичных для своего времени документов такого рода. В последующие 30 лет в их содержание были внесены еще более прогрессивные изменения. Так к началу XX в. во всех колониях на Южном континенте был отменен имущественный ценз для претендентов на депутатство в представительных органах (по крайней мере, пассивное избирательное право перестало быть цензовым!); введена система тайного голосования и жалование для депутатов. А Южная Австралия оказалась первым в истории государственным образованием, где право голоса получили и женщины. О темпах процесса демократизации политического устройства колоний дает представление следующая таблица.

Таблица

Хронология принятия основ избирательного законодательства в колониях во второй половине XIX в.

Колонии (штаты с 1901 г.)	1	2	3	4	5	6
Введение тайного голосования	1858	1856	1859	1856	1858	1877
Трехгодичный срок парламента	1874	1856	1890	1856	1885	1899

Всеобщее избирательное право для мужчин	1858	1857	1859	1856	1901	1907
Отмена имущественного ценза для депутатов нижней палаты	1858	1857	1859	1856	1900	1893
Жалование членам парламента	1859	1870	1886	1887	1890	1900
Отмена множественного вота	1893	1899	1905	1856	1901	1907
Избирательное право для женщин	1902	1909	1905	1894	1903	1899

Примечания: 1 – Новый Южный Уэльс; 2 – Виктория; 3 – Квинсленд;
4 – Южная Австралия; 5 – Тасмания; 6 – Западная Австралия.

В этой связи закономерно, что многим европейцам, обращавшимся к изучению австралийского политического опыта, колонии Великобритании в Южном полушарии представлялись «страной истинного народовластия».

Аграрные реформы второй половины XIX в. Аналогичные тенденции прослеживались и в области аграрных отношений. Стремясь разрешить проблемы, созданные сформировавшейся в первой половине столетия земельной монополией скваттеров (недостаток продуктов питания, утечка капиталов за границу и недовольство массы населения, лишенной возможности приложить свои силы и знания в колониях) местные правительства нашли выход в проведении целой серии земельных реформ. Основной их целью было создание класса мелких и средних независимых фермеров, главным образом, из числа бывших диггеров.

В ходе первого этапа в 1860-х гг. была сделана попытка «посадить людей на землю» путем введения в практику принципа свободной селекции. Все государственные земли, в том числе арендованные скваттерами, но не попавшие еще в частное владение, подлежали отчуждению, и любой гражданин мог выбрать

себе участок для поселения и сельскохозяйственной обработки. Размеры участка и условия платы за землю варьировались в различных колониях, но все они подрывали земельную монополию овцеводов, а потому вызвали ожесточенное сопротивление прежних пользователей этих угодий. Скваттеры обвиняли инициаторов законов в подрыве основ экономики колоний, а против *селекторов* – новых хозяев земель – использовали все возможные методы давления: от подкупа до физической расправы.

В поддержку фермеров опять выступило государство: правительства колоний провели второй этап земельных реформ, приняв ряд законов по борьбе со злоупотреблениями. Был введен кадастр земель, ограничен размер участка для одного владельца, введены первые поземельные налоги для крупных хозяйств. Все это позволило снизить размах спекуляций вокруг земель и поддержало фермеров.

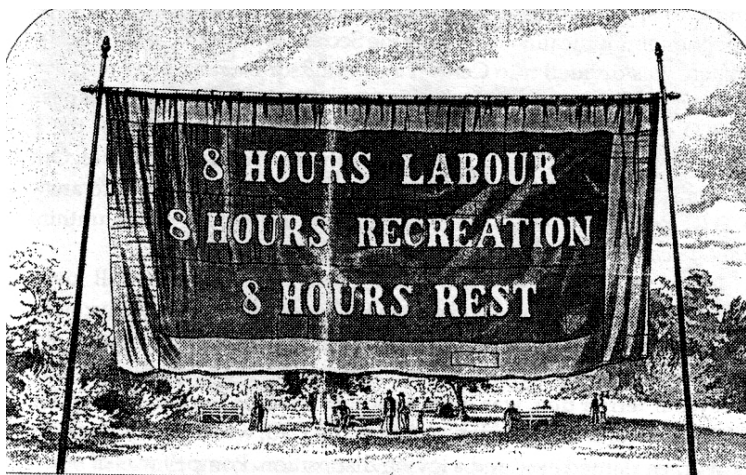
В третий раз парламентарии колоний вернулись к вопросу о земельных владениях уже под влиянием разразившегося в начале 1890-х гг. экономического кризиса. Теперь земельные участки предоставлялись тем, кто сильнее других пострадал от безработицы, и для кого обработка земли стала способом выживания. Государство выкупало землю у частных и перепродавало или сдавало ее в аренду мелкими участками. Создавались специальные рабочие поселки в пригородах крупных населенных пунктов, из опыта США была заимствована практика предоставления гомстедов².

Общим итогом новой земельной политики стало создание в Австралии развитого сельского хозяйства, которое не только обеспечило страну продуктами питания, но и вывело ее в число ведущих аграрных держав, а чуть позже составило мощную конкуренцию традиционным поставщикам соответствующей продукции на мировых рынках. Создание многочисленного класса фермеров – хозяев своей земли и «носителей консервативных взглядов в лучшем смысле этого слова» – стало мощным засло-

² Гомстеды – участки земли, передаваемые государством в частную собственность за символическую плату тем, кто желал вести на них фермерское хозяйство. В США гомстедизация, т.е. свободный доступ населения к ничейным и необрабатываемым землям на западе страны, была санкционирована президентом А. Линкольном в 1862 г.

ном на пути распространения в Австралии идей социализма и коммунизма как на рубеже XIX–XX вв., так и значительно позднее.

Трудовое законодательство. Не менее сложной была и ситуация, заставившая правительства колоний пойти на принятие многочисленных законов, регулировавших отношения в промышленности. Главной движущей силой в этой области стало профсоюзное движение, переживавшее во второй половине XIX в. новый подъем. Уже в 1870-х гг. профсоюзы Австралии, объединявшие в своих рядах около 5% рабочих, добились введения 8-часового рабочего дня для своих членов и такого уровня заработной платы, который делал проживание в собственном доме нормой для работающего человека. Последние декады XIX в. стали свидетелями появления нового юнионизма — создания массовых профсоюзов неквалифицированных рабочих, менее склонных к компромиссу с предпринимателями, чем их предшественники середины столетия. Членами профсоюзов в начале XX в. были уже порядка 100 тыс. человек. С 1879 г. регулярно проводились конгрессы тред-юнионов, на заседаниях которых обсуждались все важнейшие вопросы борьбы за права трудящихся.

Требования австралийских профсоюзов в 1856 г.

Экономический кризис конца столетия, повлекший за собой массовые банкротства и невиданную дотоле в Австралии безра-

ботицу, стал причиной «великих стачек» 1890-х гг. Власти ответили бастующим использованием вооруженной полиции и судебными преследованиями зачинщиков; а предприниматели стали по примеру рабочих объединяться в союзы для ведения согласованных ответных действий.

Такой поворот событий подтолкнул профсоюзы к мысли о создании собственного парламентского представительства, и лейбористские партии стали первыми политическими партиями в истории Австралии. В 1891 г. 35 лейбористов заседали в парламенте Нового Южного Уэльса, а вскоре их примеру последовали и рабочие других колоний. Организационно эти партии полностью опирались на профсоюзы, хотя часто в их рядах можно было встретить и выходцев из интеллигенции. Решения руководящего органа лейбористских партий – *кокуса* – были обязательными для их членов, а с 1893 г. партийная клятва и соблюдение партийной дисциплины стала обязательными для их представителей в парламентах. С точки зрения идеологии австралийские лейбористы были типичными социал-демократами, чьей главной целью было «скорее захватить, чем уничтожить институты буржуазного общества». Главное внимание в их программах традиционно уделялось нуждам рабочих и проведению в жизнь «народной политики»: принципов социального равенства, расширению доступа к власти непривилегированных слоев населения. Определенное влияние оказывали на лейбористов и распространенные в те годы идеи социализма, особенно лозунги национализации, к которым неоднократно обращались некоторые из лидеров партии. На парламентских скамьях лейбористы поначалу составляли меньшинство, но их количество позволяло представителям профсоюзов занять позиции баланса сил между буржуазными группировками и достаточно успешно влиять на ход законодательного процесса.

В конце XIX столетия либералы колоний видели в лейбористах своих младших партнеров и, руководствуясь весьма популярной в их кругах концепцией равных прав труда и капитала и идеями классового сотрудничества, взяли малоопытных новичков под свое покровительство. Результатом совместных усилий либералов и лейбористов стал целый ряд законов о труде, принятых в колониях на рубеже столетий. Был установлен гарантиро-

ванный минимальный уровень заработной платы, введены фабричная государственная инспекция и ответственность предпринимателей за травмы на производстве, а также принят ряд постановлений, регулировавших условия труда. Как «средство контроля общества над анархией экономической войны» устанавливалась система согласительных комиссий и государственного арбитража, которые привлекались для решения спорных вопросов на предприятиях, если предприниматель и его рабочие не могли прийти к компромиссу самостоятельно. Сначала обращение в арбитражный суд было добровольным, но как скоро стало ясно, что это лишь полумера, не исключая забастовок и срыва нормального функционирования экономики, новые законы сделали арбитраж обязательным.

Столь активное вмешательство государственного аппарата в практически все важнейшие области регулирования социальной и экономической жизни страны стало поводом для большинства европейских наблюдателей назвать Австралию страной, где на практике был введен «социализм без доктрин».

Австралийское общество в конце колониального периода: политический срез. Понять причины столь радикальных (по сравнению с европейскими стандартами) перемен конца XIX в. невозможно без обзора всего спектра австралийской политической жизни. Эталоном деятельности практически для всех без исключения ведущих политических лидеров колоний служили либералы Великобритании эпохи У. Гладстона с их верой в непреходящую ценность человеческой личности, в признание свободы индивидуума основой всего общественного устройства и требованиями соблюдения демократических прав и свобод и неприкосновенности частной собственности. Эти идеи в совокупности стали базой для всех политических инициатив в колониях.

Тех же австралийских политиков, что называли себя консерваторами, отличало от остальных не только происхождение из наиболее богатых и потому изначально привилегированных слоев общества, но и стремление защитить интересы крупного капитала и права меньшинства в условиях демократизации. Считая управление страной одной из самых сложных профессий, требующей специальных знаний и высокой квалификации, они выступали против привлечения в правительство малограмотных

выдвиженцев профсоюзов и считали, что излишнее вмешательство государства в области регулирования экономики, а порой и социальной сферы, зачастую не оправданно. Вследствие этого для них идеальными становились принципы свободы торговли в хозяйственной жизни колоний, и они полностью отвергали социализм и коммунизм как пути вспять – к примитивности и варварству.

Австралийские либералы численно намного превосходили консерваторов и их взгляды находили гораздо больше отклика в сердцах большинства их сограждан. Выступая за соблюдение гражданских свобод, они отводили государству роль их гаранта и защитника индивидуума там, где человек не в состоянии сделать это сам, чтобы не допустить еще большего насилия – революции. Поэтому необходимо было не только считаться с рабочими, составлявшими абсолютное большинство населения колоний, но и всячески привлекать их на свою сторону, объясняя выгоды политики либерализма. Социализм как одна из форм государственного регулирования либералов не пугал, но его методы должны были использоваться «с исключительной осторожностью», ни в коем случае не допуская какого бы то ни было насильственного передела собственности.

Буржуазный реформизм либералов разделяли и австралийские радикалы, но они шли дальше в области социального реформаторства, считая «государственный социализм» нормой законодательства, видя в государстве некий надклассовый орган, призванный обеспечить защиту «маленького человека» на базе идей классового мира и сотрудничества. Радикалов отличал и больший национализм: их требованием в этой связи был разрыв с метрополией и введение республики в Австралии. Они также выступали за проведение политики «белой Австралии» (запрета въезда на территории колоний представителей каких-либо неевропейских народов) и усматривали в «государственной кооперации и обобществлении всех средств производства» истинную задачу государственного социализма.

Лейбористы объединяли в своих рядах, как правило, представителей либеральных и радикальных взглядов. Идеи же социализма как метода полного реформирования общества на основах единообразия и централизации, а также призывы к рево-

люции и отказу от частной собственности практически не находили массовой социальной поддержки в колониях, и их сторонникам приходилось проводить свои эксперименты по претворению этих идеалов в жизнь далеко за пределами Австралии. Таким образом, дальнейшие пути развития страны определяли именно представители умеренных воззрений: либералы, а потом и лейбористы.

Глава 4. Движение за создание федерации колоний в Австралии

Социально-экономические и политические предпосылки федеративного движения. Специфика исторического пути колоний в первой половине XIX столетия – их территориальная и экономическая изолированность друг от друга, особенности политического развития и т.п. – породили их локальную обособленность и подозрительность по отношению к соседям. Поэтому даже современным исследователям создание федерации в Австралии на рубеже XIX–XX веков представлялось неким «чудом».

Лишь отдельные политики колоний середины позапрошлого столетия думали о возможности принятия решений во всеавстралийском масштабе. Так, мечтал о «великой федерации всех колоний» У.Ч. Уэнтворт. Создать единое правительство для преодоления спорных вопросов и проблем, представлявших общий интерес, предлагал министр по делам колоний лорд Э. Грей, но инициативы метрополии не нашли понимания среди жителей континента. В 1840–1850-х гг. колонии предпочитали напрямую контактировать с Лондоном, и преобладание центробежных тенденций не позволило наладить между ними тесное и плодотворное сотрудничество.

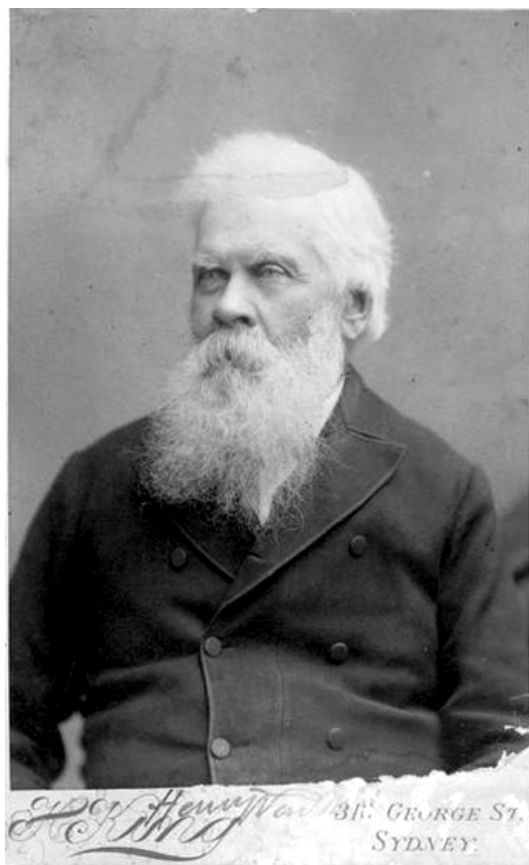
«Золотая лихорадка» усилила соперничество колоний (особенно ярко это проявилось в отношениях Виктории и Нового Южного Уэльса), но последовавшее за ней бурное развитие экономики и все усиливавшееся с годами коммерческие и торговые связи неизбежно толкали их правительства к более тесной координации действий. Проводившиеся в 1860–1870-х гг. межколонияльные конференции рассматривали целый ряд проблем, решение которых требовало общего участия. В их ходе проходили

согласование вопросы иммиграции, тарифов, навигации в территориальных водах, почтового и телеграфного сообщения, ведение статистики по единым образцам и многое другое. Главным же было то, что конференции способствовали реальному сближению колоний и пробуждению их интереса к постоянному сотрудничеству. Состоявшаяся в 1870 г. в Сиднее первая всеавстралийская выставка показала, насколько хозяйственные связи отдельных регионов тесно переплетены между собой. К концу столетия фактически сложилась единая сырьевая база для крупных компаний, действовавших на территории нескольких колоний. Таможенные барьеры превратились в препятствие на пути экономического развития континента, а общие телеграфная и железнодорожная сети, соединившие столицы всех восточных колоний, продемонстрировали преимущества единого хозяйственного пространства.

Наряду с экономическими предпосылками объединения складывались и политические причины, побуждавшие правительства колоний к более тесному взаимодействию. В первую очередь таковыми были вопросы обороноспособности континента: Крымская война стала первой ласточкой, заставившей австралийцев задуматься о своей безопасности. К концу века в Австралии была создана система военной подготовки населения, а ее морские рубежи охраняла часть специально выделенных для этого боевых кораблей метрополии, что, однако, не давало полной гарантии неприкосновенности внешних границ. В опубликованном в 1889 г. докладе британского генерал-майора Дж. Б. Эдвардса предлагалось объединить вооруженные силы всех колоний, «заложив фундамент крепкой военной системы» по образцу Канады. Поодиночке такая задача была им явно не по силам.

Помимо защиты от предполагаемого противника жителей континента все больше беспокоило расширение колониальной экспансии европейских держав в непосредственной близости от Австралии: Германия аннексировала северо-восточную часть Новой Гвинеи, Франция захватила Новую Каледонию, Россия и США проявляли активность в южной части акватории Тихого океана, которую австралийцы к тому времени привыкли считать своей. Когда на их петиции в Лондон с просьбой разрешить австралийцам самостоятельную колонизацию островов этой части

океана последовал уклончивый ответ метрополии, правительства Виктории и Квинсленда разработали свои планы действий, а посланная на Новую Гвинею экспедиция из Квинсленда объявила юго-восточную часть острова протекторатом Великобритании. В 1890 г. Г. Паркс, один из наиболее влиятельных политиков НЮУ второй половины XIX в., рассматривал федерацию колоний как единственное средство достижения доминирующего влияния австралийцев в южной части Тихого океана и призывал использовать «язык силы» для достижения своих целей в переговорах даже с самой метрополией.

Генри Паркс

Противоречия в отношениях с Великобританией не ограничивались только вопросами самостоятельной внешней экспансии колоний. Протесты местных политиков вызывали, например, попытки британского парламента вмешаться в иммиграционное законодательство: курс на этническую самоизоляцию Австралии не устраивал Лондон, стремившийся укрепить Британскую империю путем политики имперского партнерства. В качестве взаимоприемлемого компромисса министр по делам колоний Джозеф Чемберлен предложил ввести в качестве обязательного условия для въезда в Австралию требование владения одним из европейских языков; таким способом чиновники иммиграционных ведомств колоний ставили естественный барьер для поселения там практически всех не-европейцев. Гибкий подход метрополии и прямые выгоды для колоний, которые давал им статус части могущественной Британской империи, обеспечивавшей всем входившим в ее состав территориям экономическую, финансовую и политическую помощь и поддержку, сохранили в Австралии пробританскую ориентацию. Но не прекращавшиеся споры с Лондоном подталкивали колониальные правительства к единству действий для лучшего обеспечения своих интересов.

Еще одним фактором, стимулировавшим общие шаги колоний, стало развитие национального самосознания австралийцев. Сдвиги в их массовом сознании отражали изменившуюся реальность: по мере становления местной экономики во второй половине XIX столетия снижалась экономическая и финансовая зависимость колоний от Великобритании; уроженцы континента к 1901 г. составили уже 82% населения Австралии. Именно эти обстоятельства способствовали росту националистических организаций в их стране на рубеже XIX–XX вв. Представители умеренно-националистического течения входили в Ассоциацию уроженцев Австралии, которая к 1900 г. объединяла в своих рядах около 17 тыс. человек и имела отделения во всех крупных городах. В ее работе активно участвовали все ведущие либералы колоний: Альфред Дикин, Айзек Айзекс, Эдмунд Бартон и другие. Их взгляды вкратце можно охарактеризовать как своеобразное смешение гордости и уважения к своей родине – Австралии и тесно переплетенной с сугубо конъюнктурными соображениями привязанности к Великобритании – родине их предков. Ради-

кальные националисты группировались вокруг журнала «Буллетин», основанного в конце XIX в., на страницах которого лозунги американской демократии уживались с идеями эгалитаризма в духе Великой французской революции, а культивированию «австралийского духа» и идеализации «жизни в буше» с ее товариществом и взаимовыручкой сопутствовал оголтелый расизм.

Так называемые «культурные националисты» выступили против подражания английским образцам в искусстве, литературе, живописи и музыке, а также и против предпочтения английских товаров местным изделиям. К этому времени австралийцы построили прочную систему образования, включая университеты, которыми обзавелись их столицы. В области науки и техники ученые и изобретатели опирались пока еще на помощь из метрополии, во всех колониях работали отделения Королевского общества; но все больше внимания уделялось местным нуждам. Литературное творчество колонистов обрело характерные черты, позволявшие говорить о рождении национальной школы словесности. Еще в середине XIX в. в фольклоре золотоискателей зазвучали ноты противопоставления Англии – страны богачей и привилегий, и Австралии – земли равенства и свободы. Баллады Ч. Тэтчера «Лондон и диггеры», «Австралия против Англии», «Ура Австралии» стали первыми провозвестниками австралийского национализма в литературе. Во второй половине XIX в. писатели Адам Л. Гордон, Маркус Кларк и Генри Гендель Ричардсон рассказали миру об Австралии, ее природе и людях. Упомянутый ранее журнал «Буллетин» называли «Библией для жителей буша» из-за его огромной популярности во всех колониях. Его главный редактор Джон Арчиболд собрал вокруг себя писателей, разделявших его взгляды. Самыми яркими в этой плеяде, несомненно, были поэт Эндрю Бартон «Банджо» Патерсон и Генри Лоусон, чьи стихи и рассказы раскрывали мир простых австралийцев и говорили о братстве и взаимопомощи, без которых невозможно было прожить в австралийской глубинке, и предопределили основные черты того феномена, что теперь зовется австралийским национальным характером. В эти же годы начинается популярность «Вальсирующей Матильды» «Банджо» Патерсона – баллады об укравшем овцу *свэгмене* – разнорабочем в буше, который предпочел смерть сдаче окружившей его поли-

ции. До наших дней эта песня – самая любимая среди австралийцев, ибо в ее незамысловатом сюжете, как в капле воды, отразились знакомые всем жителям Австралии исторические реалии: неприкаянный трудяга с болтающейся котомкой – скаткой из нехитрого скарба за плечами, его чувство глубокой внутренней свободы.

Нелли Мельба

Началом собственно австралийской живописи стало творчество художников «Гейдельбергской школы»: Тома Робертса, Артура Стритона, Чарльза Кондера и Фредерика Маккаббина. В их

работах конца XIX в. слились воедино и мастерство художественной техники импрессионистов, и мотивы природы Австралии, и жизнь ее народа. Широко известны пейзажи и портреты Джорджа Ламберта. Представителем направления, созвучного известному лозунгу «искусство для искусства», был Руперт Бани, на полотнах которого нашлось место как характерным для его творчества нимфам и пастушкам, так и великолепной певице Нелли Мельба, чей прекрасный портрет экспонируется в зале художника в Австралийской национальной галерее. Именно эта женщина в конце XIX столетия заблистала на оперных сценах Европы, побывала на гастролях в России, став первой оперной дивой из Австралии, чье имя доныне окружено флером легенд. В Мельбурне и Аделаиде открылись консерватории, классическая музыка Европы нашла свое преломление в творчестве местных композиторов.

Эдмунд Бартон

После периода «золотой лихорадки» сформировался и свой колониальный стиль австралийского градостроения, для которого были характерны простота архитектурных форм (прямоугольное здание, окруженное обязательной верандой) в сочетании с чугунным кружевом в обрамлении балконов. В конце XIX в. в строительстве правительственных зданий доминировал помпезный викторианский стиль, типичный образец которого – здание парламента в Мельбурне. Словом, австралийцам было чем гордиться.

Таким образом, рубеж веков стал временем утверждения австралийской культуры как сложившегося самостоятельного явления. Как бы подводя итог этим процессам, один из лидеров федеративного движения в Австралии Э. Бартон сказал на одном из митингов в его родном Новом Южном Уэльсе: «Впервые в истории мы имеем нацию для континента и континент для нации».

В целом в результате деятельности националистов в канун XX в. лозунг «Австралия для австралийцев» приобрел широкую популярность в колониях, и умеренные националисты возглавили движение за создание федерации как средства достижения еще большей самостоятельности Австралии. Но это не означало, что во взглядах на ее перспективы существовало полное единство. Лейбористы и радикалы, например, восприняли идеи объединения колоний как заговор правых сил против австралийской демократии. Они устранились от участия в процессе разработки федеральной Конституции, опасаясь, что создание единого правительства поведет к снижению значительной доли самоуправления на местах. Возможный же союз колоний виделся им изобретением «толстосумов» для укрепления позиций крупной буржуазии.

Процесс согласования интересов: 1880–1890 гг. Практические шаги на пути создания союза колоний начались в 1881 г. с составления билля о Федеральном совете. Его автор – юрист и государственный деятель из Квинсленда Сэмюэл Гриффит – видел в Федеральном совете орган координации действий в области обороны, отношений с ближайшими соседями, карантин и пр. В 1883 г. межколониальная конференция утвердила эти предложения в качестве закона, но сложность финансирования

работы Федерального совета, слабая разработка круга его административных полномочий и раздоры между его членами свели на нет влияние этой инстанции. Как считали некоторые современники, «программа Совета была весьма разумна и верна, но она не стала знаменем борьбы». Вдобавок этот орган не обладал структурами исполнительной власти. Поэтому, хотя в 1885 г. он был утвержден парламентом Великобритании и в течение шести лет его заседания проводились регулярно, практическая деятельность Федерального совета оказалась мало ощутимой. Во многом это было обусловлено разногласиями, постоянно проявлявшимися в ходе его работы. Спорными оставались проблемы финансирования деятельности Совета, а принцип добровольности подписания законов, исходивших от него, оставлял колониям фактически полную свободу рук, чем воспользовались НЮУ и получившая в 1841 г. административную самостоятельность, но внимательно присматривавшаяся к процессам, происходившим тогда в Австралии, Новая Зеландия, которые почти не участвовали в его заседаниях. Уже в 1889 г. Г. Паркс, чья неутомимая энергия в деле создания союза колоний оставила его в памяти потомков как «отца федерации», предложил создать более действенные органы управления – «федеральный парламент и правительство, наделенные всеми полномочиями по образцу доминиона Канады».

Именно в этом направлении и разворачивались все последующие события. Текст Конституции будущего союза был написан сэром С. Гриффитом, одними из главных адвокатов его предложений на заседаниях Конвенции стали популярные политики из НЮУ Г. Паркс и Э. Бартон, их коллега из Виктории А. Дикин и многие другие. В ходе широкого обсуждения вопросов федеративного строительства в прессе, на собраниях различных общественных организаций и объединений и на заседаниях двух Национальных конвенций (1891 и 1897 гг.) с колоссальным трудом удалось достичь относительно приемлемого для всех участников компромисса по основным проблемам будущего единого австралийского государства.

Крайние точки зрения – наподобие ликвидации всех связей с метрополией – участникам конференций сразу удалось отсеять. Призыв известного политика-протекциониста из НЮУ Джорджа

Р. Диббса «порвать последнее звено связи с Короной и учредить Республику Австралия» не нашел поддержки. Согласно мнению большинства, колонии, получая статус штатов и сохраняя всю полноту власти во внутренних делах, оставались в составе Британской империи. Главой будущей федерации объявлялся правящий монарх в лице представлявшего его генерал-губернатора.

Судья Сэмюэл Гриффит

Главный предмет споров Виктории и Нового Южного Уэльса – фискальная политика – получил свое разрешение во введении

свободы торговли внутри континента и установлении тарифной защиты местной промышленности на внешних рынках. Вопрос о финансировании федерального правительства регулировался также весьма обтекаемо: на 10 лет центру передавалось право распоряжения $\frac{1}{4}$ частью консолидированного фонда от сбора всех таможенных пошлин (основного источника денежных средств государства в те годы) при условии, что $\frac{3}{4}$ будут передаваться в распоряжение штатов. Так, по образцу США, назвались теперь бывшие колонии. Американская конституционная модель стала основой и всей федеральной системы Австралии в целом. Штаты как самостоятельные субъекты федерации сохраняли свое внутреннее самоуправление и конституции, а также право прямой связи с метрополией; верхняя палата – сенат – мыслилась как гарант соблюдения их прав. Вводилась система разделения властей, и Высокий суд стоял на страже основ Конституции Австралийского Союза (так должно было именоваться новое государство). Из опыта Канады заимствовалось более привычное и удобное для австралийцев сохранение традиционных связей с метрополией и Вестминстерской модели ответственного правительства. Из Швейцарии была взята практика использования всенародного обсуждения (референдума) как средства внесения поправок в Основной закон страны.

В полном соответствии с последним из упомянутых принципов разработанный проект Конституции был вынесен в 1898 г. на референдум. При подведении его итогов выяснилось, что в Новом Южном Уэльсе сторонники федерации не набрали необходимого количества голосов в ее пользу. Судьба объединения опять оказалась под вопросом, однако, авторы Конституции пошли на уступки «колонии-матери», а также оговорили особые условия вступления в будущий Союз Западной Австралии, незадолго до этого получившей права самоуправления. Для нее сохранялись на 5 лет внутренние пограничные таможенные тарифы с ежегодным понижением их ставок на 20%, и за счет федерального бюджета строилась железная дорога, соединявшая города Аделаиду и Перт. Благодаря этому, второй референдум 1899 г. утвердил новое государственное устройство страны.

Последний этап согласования интересов состоялся в Лондоне, куда в 1900 г. приехала делегация ведущих австралийских

политиков для того, чтобы добиться утверждения своей Конституции в парламенте Великобритании. После длительных и напряженных переговоров с Дж. Чемберленом, старавшимся удерживать за метрополией как можно больше политических полномочий, билль о Конституции Австралийского Союза (КАС) получил, наконец, силу закона, был подписан королевой Викторией, и с 1 января 1901 г. Австралия начала новую страницу своей истории в новом качестве – федерации 6 штатов: Нового Южного Уэльса, Виктории, Квинсленда, Южной Австралии, Западной Австралии и Тасмании.

Основные положения Конституции АС. Итак, введенная актом британского парламента Конституция Австралии определяла статус этой страны, на первый взгляд, в несколько «урезанном» виде – объединенной, самоуправляющейся колонии Великобритании. В этой связи важно, прежде всего, отметить, что пребывание АС в составе Британской империи не означало, будто новое государственное образование выступало как некое рыхлое, номинальное территориальное объединение. Вводный раздел к КАС, оговаривая некоторые нюансы вступления в союз Квинсленда и Западной Австралии, напротив, изначально провозглашал нерасторжимое единство и целостность федеративного союза бывших отдельных колоний на Южном континенте, ставших теперь штатами.

Далее, отчасти зависимое от метрополии положение АС ни в коей мере не сказывалось на демократизме его государственного устройства. Конечно, во властной вертикали этой страны, кроме верхнего (федерального) и нижнего (штатного) уровней распределения властных полномочий, можно обнаружить как бы дополнительный «внешний» компонент – генерал-губернатора. Последний представлял в Австралии британскую корону и был наделен в соответствии со статьями КАС весьма широкими полномочиями. Тем не менее, его власть относительно австралийских федеральных институтов была в принципе аналогична правам монарха Великобритании применительно к тамошнему парламенту. В подобном контексте не удивительно, что ряд австралийских правоведов всегда были склонны видеть в короне в первую очередь лишь «символ единства Британской империи и ее преемника – Британского содружества наций». Самое главное –

согласно ст. 1 КАС вся полнота законодательной власти в стране изначально принадлежала федеральному двухпалатному парламенту, состоящему из сената (туда от каждого штата выбиралось равное количество сенаторов) и палаты представителей (формировалась пропорционально количеству населения субъекта федерации).

Наконец, поскольку Австралия была федеративным государством, предметы ведения органов государственной власти распределялись в ней по трем сферам. Первая – исключительные полномочия Союза (оборона, внешняя политика, денежная эмиссия, отношения между штатами, система мер и весов, переписи населения и статистика, иммиграция и гражданство и пр.). Вторая – область совместной юрисдикции центра и субъектов федерации (регулирование трудовых отношений, налоги, финансы, страхование, банковское дело, строительство железных дорог, морское право и др.). Третья – особая юрисдикция штатов, включавшая все прерогативы, которые содержались в их конституциях до создания федерации, а также ряд полномочий по регулированию землепользования, свободы вероисповедания и т.п. При этом следует учесть, что права субъектов федерации была призвана защищать и специальная Межштатная комиссия, основной задачей которой было компромиссное регулирование законодательства по вопросам торговли в рамках АС.

Несмотря на то, что Основной закон Австралии *de jure* передавал в ведение центрального правительства достаточно ограниченный круг предметов, расплывчатые формулировки ряда статей и весьма широкие границы совместной юрисдикции *de facto* делали возможным самую широкую трактовку конституционных установлений. Арбитром во всех спорных вопросах на уровне федерации, равно как и «стражем и толкователем Конституции» согласно ее статьям, становился Высокий суд, чье положение в федеральной структуре практически совпадало с ролью высшей судебной власти в США – Верховного суда. Для Австралии это было тем более важно, поскольку страна заимствовала из метрополии Вестминстерскую модель государственного механизма, которую, как известно, отличает тесное переплетение исполнительной и законодательной ветвей власти. В подобном контексте высшая

судебная инстанция федерации – Высокий суд стал ключевым звеном системы сдержек и противовесов при распределении компетенции властных структур по соответствующим уровням. Его полномочия обретали реальный вес, поскольку от позиции именно этого органа государственной власти зависели, в конечном счете, и пределы внутренней автономии штатов, и судьба многих решений федерального правительства.

В свое время, давая общую оценку усилиям австралийских конституционалистов, А. Дикин отметил: «Трудно представить ...более либеральную Конституцию, чем эта». Подобное утверждение, безусловно, не лишено основания, особенно если сравнивать КАС с конституционным устройством других государств, естественно, в ту эпоху или же самих отдельных колоний, создавших федерацию.³ Если что отчасти и нарушало либеральный дух рассматриваемого документа, то лишь следующие два положения. Во-первых, исключение аборигенного населения из числа избирателей (ст. 127 КАС) – управление их делами было оставлено в ведении штатов. Во-вторых, излишне сложный порядок внесения поправок в текст Основного закона (ст. 128 КАС), что делало конституционные инновации на федеральном уровне довольно затруднительными. Но как бы то ни было, в результате принятия Конституции 1901 г. в Австралии сложилась самостоятельная и вполне жизнеспособная форма федеративного государственного устройства, которую отличали демократизм и сугубо компромиссные процедуры согласования интересов «участников игры» на тамошнем правовом пространстве.

Таким образом, к началу XX столетия Австралия уже давно не была для большинства европейцев «неведомой Южной землей». Напротив, для многих она стала своего рода «землей обетованной». Были заложены основы разветвленной экономики и государственности, обладавшей своими специфическими чертами; выработаны базовые направления внутренней политики в области регулирования иммиграции, развития социальной сфе-

³ На уровне федерации австралийское избирательное законодательство по ряду позиций было более прогрессивным, чем в отдельно взятых штатах: в частности, активное избирательное право было всеобщим (для мужчин), а не цензовым по имущественному или образовательному критерию.

ры; приобретали мировую известность самые яркие представители австралийской культуры, происходило становление национального самосознания; австралийские государственные деятели делали первые шаги в области дипломатии. И, наконец, были заложены основы общеконтинентального союза, сформулированные в тексте КАС. О том, как изменялись эти ключевые составляющие жизни Австралии в XX в., речь пойдет в следующем разделе.

Раздел II

От самостоятельности к государству всеобщего благоденствия

Глава 5. Австралийский Союз в 1900-х – 1920-х гг.

Строительство федерации в 1900–1920-х гг. Учреждение единого государства было не столько завершением, сколько началом долгого и многотрудного процесса становления и совершенствования федеративных институтов, поиском приемлемого баланса между общенациональными и территориальными властными структурами. Политика первых федеральных кабинетов была нацелена именно на соблюдение выработанных компромиссов.

Первым генерал-губернатором Австралийского Союза был назначен лорд Хоуптон. Он, как и его преемники на этом посту вплоть до начала 1930-х годов, был представителем высшей британской знати, что подчеркивало важность этой территории для британской короны. В Сиднее провозглашение федерации состоялось в Центральном парке при огромном стечении народа. Среди почетных гостей присутствовал и герцог Корнуольский и Йоркский – будущий король Георг V, которому чуть позже предоставили право открыть первое заседание федерального парламента. Произошло это уже не в Сиднее, а в Мельбурне, где временно – до окончательного решения вопроса о местоположении федеральной столицы – разместились депутаты всеавстралийского органа власти. Для них был выделен великолепный, построенный еще в 1880 г. для международной выставки самым известным архитектором колонии Виктория Джозефом Ридом, дворец. Правительство нового государства возглавил Э. Бартон, и это назначение стало как отражением признания его заслуг в деле создания федерации, так и свидетельством важности НЮУ в жизни страны.

Первым поколением австралийских политиков общенационального масштаба стали «отцы-основатели» АС, авторы Конституции. В стенах федерального парламента они объединились в три основные фракции: 1) фритредеров, возглавлявшихся бывшим премьером Нового Южного Уэльса Джорджем Х. Ридом (среди которых преобладали консерваторы); 2) протекционистов – по своим взглядам в основном либералов и радикалов – избравших лидером одного из самых выдающихся политиков Австралии рубежа веков А. Дикина; 3) лейбористов, поначалу составлявших самую маленькую, но самую сплоченную фракцию в парламенте во главе с Джоном К. Уотсоном. Уже в 1904 г. последним удалось сформировать свое правительство, и они стали первыми в истории социал-демократами, возглавившими, пусть ненадолго, крупное государство. Свою цель лейбористы видели в том, чтобы «цивилизовать капитализм», используя опробованную уже тактику «поддержки в обмен на уступки». Их позиция по тогдашним австралийским меркам была весьма радикальной. Основными пунктами федеральной платформы лейбористов в 1902 г. стали требования введения пенсий по старости, национализации монополий, ограничения государственных займов, а также «белой Австралии», принудительного арбитража и протекционистских тарифов. Популярность их идей и политики постоянно росла, и в 1914 г. лейбористские партии штатов создали единую Австралийскую лейбористскую партию (АЛП), которая и ныне – одна из двух ведущих сил в политике АС.

С этими фактами не могли не считаться буржуазные государственные деятели. Протекционисты, чьи позиции были во многом схожи с курсом лейбористов, первыми предложили свое сотрудничество. Фактически создавался парламентский альянс для защиты интересов мелкой и средней буржуазии и рабочего класса страны, и годы его существования (1904–1912) вошли в историю Австралии как «кратковременный либерально-лейбористский экспериментальный период». В это время были заложены основы политики умеренных реформ, которую впоследствии назвали «австралийским соглашением». Ее базовыми компонентами стали: доктрина «белой Австралии» в области регулирования притока населения; протекционизм как средство защиты местной промышленности от внешней конкуренции; го-

сударственный арбитраж в сфере урегулирования промышленных конфликтов; государственный патернализм, выражавшийся в разнообразной поддержке практически всех слоев населения страны, и благожелательное отношение к Британской империи. Этот курс, разработанный в начале XX в. под руководством Дикина, стал базовым для практически всех без исключения австралийских правительств на протяжении почти 70 последовавших лет. Не удивительно, что именно этого человека австралийцы считают создателем их федерации.

Альфред Дикин

Практически единогласно в парламенте были приняты основы «белой Австралии», сформулированные в принятых в 1901–1902 гг. законах о жестком регулировании иммиграции и запрете использования труда жителей островов Тихого океана. Для получения разрешения поселиться в АС все приезжие должны были пройти тест на знание иностранного языка по выбору чиновника иммиграционных служб, что являлось прямым продолжением курса, выработанного колониями в конце XIX в. Эта процедура фактически исключала из состава населения страны не только азиатов, но и многих европейцев. Проживавшие в Австралии лица, вне их национальной принадлежности, обязаны были разделять господствовавшие в обществе обычаи и подчиняться существующим законам, что должно было способствовать их быстрой ассимиляции. Так, политика «белой Австралии» закладывала «базис национального единства», и ее результатом стала отнюдь не только и не столько этническая самоизоляция АС – предмет постоянной критики слева, сколько создание культурологических основ, на которых складывалась австралийская нация.

Однако ограничения в правах не-британцев, поселившихся в Австралии задолго до принятия новых законов и фактическая дискриминация уже существовавших национальных меньшинств подрывали изнутри то самое единство нации, к которому стремились инициаторы и устроители «белой Австралии». Особенно болезненной проблемой оставались аборигены. Согласно статье 127 КАС, их фактически вычеркивали из политической жизни страны, они по-прежнему находились под государственной опекой: для их проживания выделялись специальные территории, доступ на которые разрешался только чиновникам, врачам и миссионерам. Однако аккультурация проходила весьма болезненно: многие аборигены не желали расставаться с традициями своих предков, забирали детей из школ, уходили из построенных для них поселков. Большинство белых австралийцев неприязненно относились к своим чернокожим соседям, хотя зачастую охотно нанимали некоторых из них для работы на фермах и в качестве прислуги. Более того, именно в начале XX в. как один из путей адаптации чернокожих австралийцев в доминирующем обществе стал разрабатываться план отделения полукровок от

общин, в которых они родились, и насильственной интеграции их в общество белых, что, в свою очередь, подразумевало отказ от культуры и языка их предков. Только в 1930-х гг. появляются организации белых австралийцев, движимых чувством сострадания и выступавших в защиту коренного населения, но политика опеки штатов над аборигенами сохранялась вплоть до 1960-х гг.

Не вызвали особых споров в парламенте вопросы протекционизма. Введение высоких таможенных сборов на ввозимые в Австралию товары не только защищало молодую промышленность страны, но позволяло без труда существенно пополнить федеральный бюджет и откладывало вопрос о введении новых налогов на население, а значит, и снижало социальную напряженность. Ставки первого тарифа, принятого в 1901 г., были невелики, что способствовало постепенному процессу формирования единого континентального рынка. В последующие годы величина ставок неоднократно пересматривалась в сторону увеличения, и к 1930 г. тарифы Австралии оказались одними из самых высоких в мире. Результатом такого курса и активного государственного вмешательства в области регулирования и поддержки предпринимательской деятельности стал рост экономики АС, который не остановила даже Великая засуха 1901–1903 гг. Ее последствия были быстро преодолены.

В первых десятилетиях XX в. численность поголовья скота и доходы от продаж шерсти и мяса продолжали расти, животноводство по-прежнему оставалось ведущей отраслью сельского хозяйства Австралии. Посевные площади постоянно увеличивались, главной отраслью было производство зерновых. Крупные фермы превращались в современные, технически оснащенные хозяйства, и экспорт пшеницы в Великобританию сравнялся в объеме с экспортом США и Канады вместе взятых. В тропических районах Квинсленда и НЮУ успешно развивалось производство сахара; этой продукции хватало как для удовлетворения внутренних потребностей АС, так и для поставок ее в ближайшие страны, в том числе на Фиджи.

Постепенно нарастала доля промышленного производства в экономике АС. По данным Бюро статистики, в 1912 г. ведущее место в промышленности занимали отрасли, связанные с переработкой продукции сельского хозяйства, за ними следовали пред-

приятия тяжелой промышленности (14% от их числа составляли металлообрабатывающие заводы – страна только вступала на путь создания своей тяжелой индустрии). Замыкало этот перечень издательское дело. Увеличивался размах торговых операций. С ростом населения развивался внутренний рынок, но по-прежнему большая часть сельскохозяйственной продукции страны отправлялась на экспорт. В 1912 г. был создан Банк Австралийского Союза – главный государственный банк. Все это говорило об позитивных тенденциях в развитии национальной экономики.

Однако этот прогресс не исключал ожесточенной борьбы при проведении многих начинаний федерального правительства. Весьма драматично, например, развивались отношения федерального правительства и штатов, которые трактовали любые попытки центра установить свой контроль над страной как действия, сравнимые с «вражеской оккупацией». Трудно проходили через парламент вопросы о передаче в ведение центра ряда территорий, принадлежавших штатам: почти десять лет тянулись споры относительно выбора места для новой федеральной столицы страны. Ею стала Канберра, строительство которой велось с 1910 по 1927 гг. по проекту известного американского архитектора Уолтера Б. Гриффина. По аналогии с американским опытом, вокруг нее на карте АС появилось новое административное образование – Территория Федеральной Столицы. Центральное правительство взяло под свою юрисдикцию управление и еще одной частью континента – созданной в эти годы Северной Территорией. Вопросы согласования интересов бывших самостоятельных колоний зачастую вызывали ожесточенные баталии в федеральном парламенте, штаты торговались до последнего.

Неудачным оказался и опыт работы созданной только в 1913 г. Межштатной комиссии, призванной как раз урегулировать возможные споры субъектов федерации. С самого начала дискуссии о ее полномочиях представители Тасмании, Южной Австралии, Виктории, Квинсленда и Западной Австралии буквально засыпали парламент петициями с просьбами не расширять сферу ее юрисдикции и сохранить как можно больше внутренней самостоятельности штатов. В итоге с трудом созданная комиссия была распущена из-за неэффективности уже в 1920 г.

Несколько смягчал ситуацию Высокий суд (ВС) АС, который до начала 1920-х гг., руководствуясь доктриной иммунитета штатов, защищал их от излишнего вмешательства федерального правительства. Однако даже сам вопрос о создании ВС натолкнулся в стенах федерального парламента на нешуточное сопротивление представителей штатов, которые предпочитали по старинке обращаться за разрешением своих споров в Великобританию и не желали поступаться былым суверенитетом. Только в 1903 г. под давлением А. Дикина закон был принят. Согласно его положениям, Высокий суд состоял из 3 судей, назначавшихся пожизненно. Первыми его скамью заняли отцы-основатели австралийской федерации: С. Гриффит, Э. Бартон и Р. О'Коннор. Будучи по взглядам умеренными консерваторами, они рассматривали АС как «воплощение сделки штатов» и стремились ограничить чрезмерное усиление центра, выступая в качестве защитников прав субъектов федерации.

Генри Б. Хиггинс, президент Арбитражного суда

Столь же трудно проходила разработка федерального билля об арбитраже: ожесточенные споры велись по вопросу о сфере

его полномочий и о включении в круг его действия государственных служащих. Только в 1904 г. австралийский парламент принял закон о создании федерального Арбитражного суда, в компетенцию которого передавалось разрешение производственных конфликтов, выходивших за рамки одного штата. Но это серьезное ограничение его юрисдикции не помешало вскоре использовать положения закона для решения весьма важных задач. Спустя год при прямом содействии А. Дикина началось осуществление политики «нового протекционизма», целью которой стало равномерное распределение выгод от оградительных тарифов между предпринимателями и рабочими. В рамках этой установки принятые в 1905–1907 гг. законы о торговой марке, о ввозных пошлинах на сельскохозяйственное оборудование, об акцизном тарифе и о защите австралийской промышленности распространяли покровительственные пошлины и тарифы только на те предприятия, владельцы которых платили своим работникам «справедливую и разумную» заработную плату. Ее размер как раз и определял Арбитражный суд. В 1907–1920 гг. его возглавлял известный радикал Генри Б. Хиггинс, превративший арбитраж в действенное орудие проведения серьезных экономических реформ. Его усилиями в 1907 г. в стране был установлен минимум заработной платы в размере 42 шиллинга в неделю для семьи в 5 человек, который обеспечивал «нормальные нужды среднего рабочего как человеческого существа, живущего в цивилизованном обществе». Впоследствии этот уровень подвергался периодической индексации в зависимости от экономической конъюнктуры. В эти же годы были введены пенсии по старости и по инвалидности, началась выплата пособий по материнству. Длительность рабочего дня также стала предметом рассмотрения на заседаниях арбитража, и к концу 1920-х гг. она составила 44 часа в неделю в большинстве отраслей промышленности. Так в АС закладывались основы системы социальной защиты населения, которая распространялась главным образом на работающую его часть и стала предметом пристального внимания визитеров из Европы и Америки, расценивавших ее как еще одно проявление «социализма без доктрин».

Однако попытки Хиггинса добиться права проверки конторских документов с целью контроля суда над реальными дохода-

ми предпринимателей повлекли за собой серию протестов: от судебных исков работодателей до локаутов. В деятельности правительства увидели неправомерное вторжение в сферу коммерческой тайны, и на защиту прав собственности поднялись все общественные силы, имевшие отношение к этим правам: Ассоциация фермеров, владельцев собственности и производства, Народная партия и Национальная лига австралийских женщин, союзы предпринимателей и представители духовенства. Именно массовый характер протестов привел к тому, что от политики «нового протекционизма» пришлось отказаться. Высокий Суд признал основные законы 1905–1906 гг. «неконституционными, недействительными и неэффективными». Эти события стали концом политической карьеры А. Дикина, завершив период либерально-лейбористского сотрудничества. Фракция протекционистов в федеральном парламенте фактически распалась, а Дикину пришлось идти на союз с консерваторами в рамках созданной в 1910 г. первой в австралийской истории Либеральной партии, просуществовавшей всего несколько лет.

Но на защиту «нового протекционизма» встали профсоюзы, и в 1908 г. он стал частью официальной программы лейбористов на федеральном уровне, заявивших, что они будут добиваться проведения этого курса всеми доступными средствами вплоть до внесения соответствующих поправок в Конституцию АС. За отказ от «нового протекционизма» один из молодых и очень перспективных членов рабочей партии Уильям М. Хьюз сравнил А. Дикина с Иудой, саркастически заметив, что тот в своем предательстве вел себя приличнее, «не преминув повеситься». Перечисленные события укрепили престиж профсоюзов, которые в глазах австралийских рабочих остались единственными защитниками их интересов. К 1914 г. уровень юнионизации в стране составил порядка 33% от всех трудящихся по найму – по тем временам беспрецедентный показатель. Профсоюзы были крупными организациями, охватывавшими всю территорию континента и располагавшими немалыми фондами. Их поддержка в 1910 г. привела к власти лейбористов во главе с Эндрю Фишером. Они продолжили курс социальных реформ, но в преддверии надвигавшихся международных конфликтов главными стали вопросы безопасности и обороноспособности Австралии.

Внешняя политика в начале XX в.; участие в первой мировой войне. До поры до времени внешнеполитическая деятельность первых австралийских кабинетов не была особенно активной. Хотя министерство иностранных дел и было создано в 1901 году, но оно в основном занималось поддержанием контактов с Великобританией. В 1910 г. был учрежден пост высокого комиссара АС в Лондоне, куда отправлялись самые известные дипломаты Австралии. Первым получил это назначение бывший премьер НЮУ, глава фритредеров в федеральном парламенте Дж. Х. Рид. С 1902 г. в ведение АС было передано управление британской частью Новой Гвинеи, получившей название Папуа; в 1906 г. эту колонию возглавил губернатор, назначаемый из Австралии. Порт Морсби стал центром администрации острова, и АС получил в свое распоряжение первое крупное колониальное владение вблизи от своих северных границ. Словом, прежняя изолированность постепенно уходила в прошлое, но особой инициативы австралийцы не проявляли, полагаясь при защите своих международных интересов на соответствующие инстанции в Лондоне.

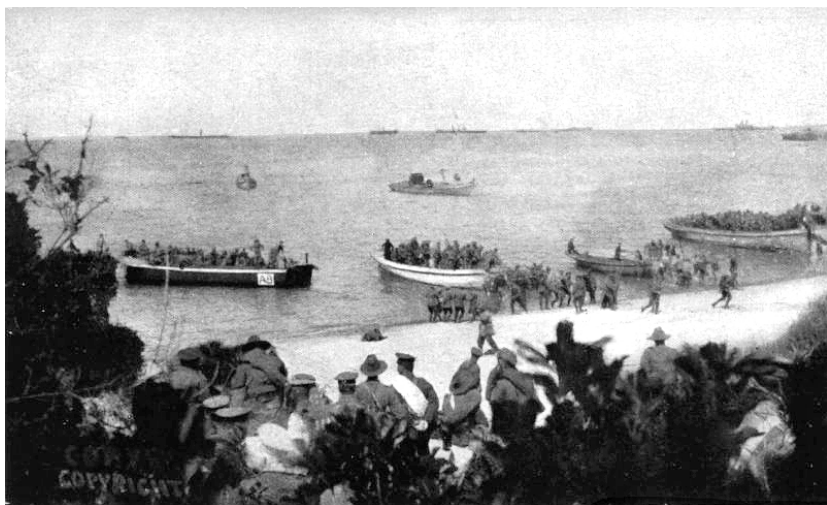
Русско-японская война 1904–1905 гг., продемонстрировавшая растущую мощь Японии, вызывала серьезную озабоченность правительства АС, которое, полагаясь на систему имперской обороны, одновременно стремилось к большему участию в делах военного ведомства. Конечно, некоторый боевой опыт у Австралии (правда, не совсем удачный) уже был: ее добровольцы участвовали в англо-бурской войне и в подавлении восстания боксеров в Китае. Но вовсе обойтись без военной помощи могущественной Великобритании страна в то время не могла, хотя процесс создания профессиональной армии и начался еще в 1901 г. Тогда британские военные специалисты приступили к подготовке кадровых офицеров и солдат для АС, на верфях метрополии строились боевые корабли для австралийского ВМФ, проходила комплектация первых отрядов австралийской авиации. В самой Австралии были весьма популярны массовые стрелковые клубы, но вот решение о введении в 1909–1911 гг. всеобщей военной подготовки мужской части населения не вызвало такого же энтузиазма: в 1912 г. 27 тыс. юношей подверглись различным видам наказаний за уклонение от прохождения военных занятий.

Впрочем, с началом боевых действий в Европе в 1914 г. большинство из них записалось добровольцами и отправилось на фронт в составе Австралийских имперских сил.

Участие Австралии в I мировой войне стало особенно болезненным для маленькой нации: все население АС в 1914 г. насчитывало порядка 5 млн. человек, и в итоге потерь на полях сражений каждая австралийская семья не досчиталась кого-либо из своих членов. Однако вначале страна была охвачена патриотическим порывом, и решение Э. Фишера защищать Великобританию «до последнего человека и последнего шиллинга» нашло путь к сердцам его сограждан. Австралийская морская эскадра осталась охранять побережье страны и даже одержала ряд побед над немецкими кораблями у берегов Новой Гвинеи (тогда-то и была захвачена германская часть острова) и близ Кокосовых островов в Индийском океане.

На помощь метрополии был отправлен экспедиционный корпус из 20 тыс. добровольцев под командованием генерал-майора Уильяма Т. Бриджеса. Всего же в ряды Имперских вооруженных сил записались 330 тыс. австралийцев, называвших себя *диггерами* (то ли в честь золотоискателей середины XIX в., то ли в память об основном занятии рядовых – рытье окопов). В Египте волонтеры из АС были объединены с воинскими частями из Новой Зеландии и получили название Австрало-Новозеландского армейского корпуса (АНЗАК), под каким и вошли в историю. Первое боевое крещение они получили в Турции на полуострове Галлиполи, куда их высадили 25 апреля 1915 г. и где под шквальным огнем турок австралийские солдаты держали оборону в течение 8 месяцев, пока британское командование не приняло решение об их эвакуации. Потери союзников были огромны: 10 тыс. австралийцев во главе с генералом Бриджесом, 10 тыс. французов и 30 тыс. англичан. Турки погребли здесь 87 тысяч своих солдат, а вместе с ранеными и пропавшими без вести общая цифра потерь возросла до 300 тысяч. Ныне об этих событиях напоминают мемориал, построенный на месте боев, и национальный праздник Австралии – День АНЗАК, отмечающийся ежегодно 25 апреля. Галлиполи превратился в «кровавую икону», которая подстегнула чувство австралийского патриотизма и стала первым шагом на пути к государственной и национальной

самостоятельности АС. Эти события остаются знаковыми для австралийцев вот уже на протяжении почти века.

Высадка анзаков в Галлиполи, 25 апреля 1915 г.

Эвакуированные из Турции части АНЗАК были переброшены на другие участки боевых действий. На Ближнем Востоке они защищали подступы к Суэцкому каналу и вместе со знаменитым Лоуренсом Аравийским и его арабскими союзниками боролись с турками. Австралийские пилоты проявили себя наилучшим образом: все 14 учрежденных в 1918 г. наград для летчиков достались австралийцам за их храбрость в боях в небе над Палестиной. Отличилась и конница из АС: ее знаменитая внезапная атака в бою при Биршебе в октябре 1917 г. стала образцом военного применения кавалерии.

До окончания войны 5 дивизий из АС воевали во Франции, где зарекомендовали себя как самые лучшие ударные части союзников. Австралийцы храбро сражались в ходе решающих боев при Позье, на реке Сомме, Балленкуре и Ипре, при штурме линии Гинденбурга под Амьеном и освобождали Бельгию. Всего во Франции в 1916–1917 гг. были убиты 36 тысяч австралийских солдат. Военные историки утверждают, что столь значительные потери войск из колоний были обусловлены тактикой британского командования, которое всячески стремилось сохранить

свои части, бросая в прорыв канадцев, *анзаков*, индийцев. Здесь же проявился недюжинный полководческий талант австралийского генерала сэра Джона Монаша, который сыграл большую роль в разгроме Германии. Его необычная для той поры постоянная забота о своих воинах привела к тому, что они готовы были идти за ним, куда бы он ни приказал. Главное в его подходе к планированию военных действий заключалось в том, чтобы «разработать пути атаковать врага, избегая лишних потерь». Его прочили на пост главнокомандующего британской армией, удостоили дворянства, наградили множеством орденов. Имя Монаша ныне носит один из университетов в Мельбурне.

Генерал Джон Монаш

Последним плацдармом, куда судьба забросила анзаков в ходе первой мировой войны, была Россия, где они служили в составе Британского экспедиционного корпуса в 1918–1919 гг. Оставшиеся в живых ветераны первой мировой войны стали истинными героями у себя на родине. Их с почетом встречали дома, 96 человек получили высокие правительственные награды, в том числе орден Крест Виктории. В целом же многие исследователи считают, что именно участие в I мировой войне привело к рождению австралийской нации – австралийцы почувствовали себя единым народом. Даже традиционное ныне местное кушанье «веджемайт», изготовлявшееся из экстрактов овощей и дрожжей, по преданию, впервые вошло в широкий обиход именно в эти военные годы: его добавляли в пищу как источник витаминов для солдат в окопах.

Мировая война и австралийское общество. В годы войны на политической арене Австралии появился еще один выдающийся деятель лейбористской партии, о котором говорили, что он по популярности уступал лишь Неду Келли – Уильям М. Хьюз. Воинственный и волевой характер этого человека соответствовал военному времени, хотя зачастую приводил к ссорам даже с его собственными товарищами по работе. В конце 1915 г. он сменил на посту премьер-министра АС Э. Фишера и вынес на своих плечах все тяготы военного времени. Он перевел экономику на военные рельсы и управлял страной твердой рукой. Правительство получило в свои руки право надзора над прессой и фактически ввело строго централизованную военную администрацию. Закон о мерах военного времени 1914 г. значительно усилил власть федерального правительства, дав ему право вводить предписания, необходимые для общественной безопасности и обороноспособности АС. Был установлен строгий государственный контроль над всеми ведущими отраслями экономики; специально созданные комитеты наблюдали за продажей стратегически важного сырья и оборудования вплоть до окончания войны. В те годы Хьюз поставил на ноги сталелитейную промышленность страны, наладил поставки сельскохозяйственной продукции в метрополию.

Пожалуй, единственной его неудачей стала попытка ввести конскрипцию – всеобщий, обязательный призыв на военную

службу за пределами Австралии. Списки убитых, все чаще помещавшиеся на страницах прессы, изменили отношение к европейской войне. Поток добровольцев резко пошел на спад: с 166 тыс. в 1915 г. – до 45 тыс. в 1917 г. От предвоенного энтузиазма не осталось и следа, а Хьюзу противостояла мощная коалиция левоцентристских организаций, включавшая в себя пацифистов, феминисток, радикалов и значительную часть его собственной лейбористской партии. После бурных обсуждений действий правительства в октябре 1916 г. на референдуме под влиянием ширившейся антивоенной пропаганды австралийцы отвергли предложения кабинета У. Хьюза.

Уильям М. Хьюз

События вокруг конскрипции привели его партию к расколу. В 1916 г. Хьюз был исключен из ее рядов, но, уходя, он бросил клич: «Пусть те, кто думают, как я, последуют за мной». В итоге АЛП лишилась не только яркого лидера, но и лучших представителей в парламенте. Эти события одновременно ознаменовали конец прежней эпохи в истории австралийского лейборизма и выход на политическую арену Националистической партии Австралии, объединившей в своих рядах сторонников Хьюза и либералов. Эта партия держала в руках бразды правления страной до конца 1920-х гг.

Тяготы военного времени сказывались все сильнее, страну сотрясали забастовки. Правительство приняло свои меры, обвинив в происходящем американскую анархо-синдикалистскую организацию «Индустриальные рабочие мира», активно действовавшую в АС с 1907 г., и левые профсоюзы. В декабре 1917 г. была создана федеральная полиция; правительство пошло на решительные шаги, ужесточив в АС законы военного времени и запретив деятельность всякого рода подрывных организаций. Вторая попытка ввести конскрипцию также потерпела фиаско на референдуме в декабре 1917 г.: число проголосовавших «против» было даже больше, чем в ходе первого референдума. Премьер-министр подал в отставку. Но уже через 2 дня он вновь присягал на верность короне, ибо замены в те годы ему просто не было.

Одним из завершающих этапов в политической карьере У. Хьюза стало его участие в работе Парижской мирной конференции. Он подписал Версальский договор от имени АС – первый из подписанных страной международных договоров. Его настоячивые требования выплаты компенсации за понесенные потери приводили к стычкам с американским президентом В. Вильсоном, который в итоге наградил австралийского коллегу нелестным прозвищем «докучливого шалуна». Хьюз требовал для АС независимого представительства в Лиге Наций и активно противостоял укреплению Японии, видя в ней потенциальную угрозу для интересов его страны. Члены австралийской делегации требовали самого строгого наказания Германии и решительно воспротивились попыткам Японии внести на рассмотрение декларацию о расовом равенстве. В рамках создававшейся мандатной

системы австралийские владения были значительно увеличены, и с 1921 г. федеральный парламент управлял уже двумя частями острова: Папуа и бывшей германской колонией, ставшей подмандатной территорией Новая Гвинея. Главной целью У. Хьюза было укрепление Британской империи, верность которой он хранил, твердо веря в то, что только так можно обеспечить интересы АС. В итоге он добился многого, сумев даже получить репарации с Германии. Но не менее важным было и то, что теперь его страна выступала на международной арене на равных с метрополией, активно участвуя в работе Лиги наций.

Таким образом, окончание первой мировой войны стало важным рубежом в истории АС. Окончательно сложились базовые основы государственности, партийно-политической системы, экономической и социальной структуры страны. Были опробованы новые подходы в области социального регулирования. Война дала австралийцам не просто опыт участия в полномасштабных боевых действиях, но чувство национального единства. Государственные деятели страны вступили на арену мировой политики как полноправные партнеры в рамках Британской империи и Лиги Наций.

Австралия в период послевоенного бума. Послевоенные десятилетия принесли Австралии как достижения экономического бума 1920-х гг., так и разочарования периода Великой депрессии. На гребне ликования по поводу окончания войны на выборах 1919 г. вновь победила Националистическая партия У. Хьюза, но это был его последний триумф, вдобавок омраченный добравшейся до Австралии пандемией легочного гриппа – «испанки». Несмотря на самые жесткие меры властей, карантины для демобилизованных солдат и экстренные усилия врачей, в Австралии в результате этой эпидемии погибли 12 тыс. человек.

В ходе перевода страны на мирные рельсы возникла масса проблем. В первую очередь государство взяло под свою опеку возвращавшихся с фронтов военнослужащих. Специально созданный департамент по демобилизации выплачивал им подъемные для организации своего бизнеса или предоставлял участки земли для ведения хозяйства. С 1920 г. демобилизованным начали выплачивать военные пенсии. Сами ветераны первой мировой

сформировали Лиги возвращенных солдат и моряков, и эти организации стали весьма влиятельными лоббистскими группами.

Трудности демобилизационного периода повлекли за собой волну массового недовольства, вылившегося в стачки и демонстрации. Профсоюзы портовых рабочих, шахтеров, моряков были настроены особенно решительно. Но ббольшую опасность для социальной стабильности представляло распространение в стране радикальных идей. С 1907 г. в крупных городах Австралии появились отделения Социалистической федерации, впоследствии переименованной в Социалистическую партию Австралии. Тогда же развернули свою деятельность уже упоминавшиеся «Индустриальные рабочие мира». Под влиянием мировой войны и Октябрьской революции 1917 г. в России и под непосредственным руководством Коминтерна и Москвы разворачивает пропаганду революционных теорий основанная в 1920 г. Коммунистическая партия Австралии (КПА). Ее учредители провозгласили своей целью «полное свержение капиталистической системы» и установление диктатуры пролетариата в Австралии. На протяжении 1920–1930-х гг. почти все руководство КПА не раз бывало в Москве, проходя здесь курсы партийной учебы, получая инструкции и деньги. Рабочее движение стало главной ареной борьбы за влияние между АЛП и КПА. Коммунисты особенно преуспели в НЮУ, наглядным результатом агитации и пропагандистских кампаний стало проведение маевок, как, например, в Сиднее в 1918 г., когда под песню «Красный флаг» был сожжен государственный флаг АС.

Реакцией на полевение профсоюзов и рост активности коммунистов и иных левых радикалов, стало появление правых организаций, намеревавшихся дать отпор распространению экстремизма. Главной движущей силой антикоммунистического движения стали ветераны первой мировой войны. В 1920 г. они создали Альянс в поддержку короля и империи, отделения которого появились во многих штатах АС. Его главной целью провозглашалось «благополучие Британской Империи и противодействие попыткам поощрения нелояльных доктрин». Противостояние двух основных сил зачастую выливалось в неоднократные и ожесточенные столкновения на улицах австралийских го-

родов, наиболее известными из которых стали так называемые «бунты красного флага» в Брисбене в 1919 г.

Хотя в 1920-е гг. широкой популярности среди австралийских трудящихся левый экстремизм так и не приобрел, правительство Хьюза создало службы государственной безопасности, которым вменялось в обязанность, в частности, наблюдение за деятельностью экстремистских организаций различного толка. Были внесены и соответствующие изменения в законодательство: запрет пропаганды насильственных методов свержения правительства и запрет на въезд в АС лицам, исповедующим подобные взгляды.

Стэнли М. Брюс

Главным же выразителем интересов большинства трудящегося населения страны по-прежнему оставались лейбористы. Они отвергли идею тесных контактов или слияния с КПА, выступая за «практический социализм, проводимый посредством федерального и штатных правительств и местных советов». Но и они не смогли остаться полностью в стороне от новых веяний и усиления левых настроений в обществе, и в программные документы АЛП в 1921 г. были внесены требования «социализации промышленности, производства, распределения и обмена» как средства борьбы с эксплуатацией. Правда, такое заигрывание с левыми оттолкнуло от них часть электората.

Так, обрели политическую самостоятельность австралийские фермеры. Отказавшись от попыток сотрудничества с АЛП, они создали в 1920 г. единую общегосударственную Аграрную партию, выдвинувшую лозунг: «Производство прежде всего». Это подразумевало создание самых благоприятных условий для развития сельского хозяйства и глубинки в целом, поощрение освоения новых районов, а также «поддержания жизненного уровня и справедливых стандартов для всех классов». Аграрии выступали за ограниченное вмешательство государства в экономику страны и признавали за ним роль арбитра для предотвращения эксцессов классовой борьбы. В 1923 г. их депутаты в федеральном парламенте, руководимые Эрлом К. Пейджем, приняли поистине историческое решение войти в коалицию с Националистической партией во главе со Стэнли М. Брюсом. Тогда-то и было положено начало сохраняющемуся доныне тесному сотрудничеству этих двух политических сил АС. За либералами закреплялся пост премьер-министра, его заместителем становился представитель аграриев, а места в правительстве распределялись между ведущими деятелями обеих партий.

Первые коалиционные кабинеты 1923–1928 гг., названные по именам лидеров входивших в них партий коалицией Брюса-Пейджа, продолжили, по сути, политику У. Хьюза. Их лозунг «Люди, деньги, рынки» символизировал курс на поощрение развития национальных ресурсов, промышленности и сельского хозяйства, благодаря чему 1920-е гг. стали временем процветания Австралии. Послевоенный бум для нового премьер-министра С. Брюса представлялся «временем жатвы для правительства биз-

несменов», он стремился привлечь британцев в качестве рабочей силы, британские займы для поддержки экономики и использовать британские рынки для сбыта продукции австралийских сырьевых отраслей. В целом его политика была нацелена на создание сильной, единой, привлекательной для зарубежных инвесторов Австралии и на укрепление более тесных связей с Лондоном в сфере внешней политики. Несмотря на противодействие АЛП, возобновилась практика субсидируемой иммиграции для британцев, призванная восполнить нанесенные первой мировой войной людские потери. В 1926 г. была создана Комиссия по развитию и миграции, которая субсидировала переезд в АС более 200 тыс. подданных британской короны. В итоге к началу 1930-х гг. население страны достигло 6,5 млн. человек.

Повышение мировых цен на сельскохозяйственные продукты, достигавшее в послевоенные годы 60%, стимулировало развитие земледелия и скотоводства в АС. Распахивались новые участки полей под зерновые культуры, поголовье овец выросло почти в два раза. Строительство ирригационных систем и бурение артезианских колодцев сделало возможным развитие ряда районов Центральной Австралии. Большинство ферм представляли собой семейные предприятия, выращивавшие зерновые или разводившие скот и зависевшие от колебания цен на мировых рынках. Среди основных покупателей австралийской продукции увеличивалась доля США и Японии.

Под защитой тарифов развивалось промышленное производство. Общественные организации предпринимателей активно влияли на разработку правительственного курса в этой области. Так, поддержав введение преференциальных пошлин для стран – членов Британской империи как «практический вклад Австралии в развитие межимперской торговли с целью усиления Империи в целом», австралийские промышленники в 1927 г. потребовали установления строго государственного контроля над зарубежными партнерами. Под эгидой государства успешно развивалась начатая в 1915 г. разработка опаловых копей в Южной Австралии в пустынном районе Кубер-Педи. Осуществлялись крупные проекты общественных работ – строительство Канберры и дорог в глубинке страны. В 1923 г. началось строительство знаменитого ныне моста через Сиднейскую бухту. В Австралии открыли

филиалы американские автомобилестроительные фирмы «Форд», «Крайслер», «Дженерал Моторз», а корпуса для автомобилей и запчасти к ним производила австралийская компания «Холден». По числу владельцев автомобилей АС занимал четвертое место в мире – после США, Канады и Новой Зеландии. Электрические чайники, утюги и пылесосы стали обычными предметами в большинстве домов.

В эти же годы развивалась авиация, которую теперь все чаще использовали в сугубо мирных целях. В 1930 г. полет до Лондона занял 70 часов. Был создан целый ряд коммерческих авиакомпаний, в том числе и «Квонтас», которая и в наши дни – одна из ведущих в своей отрасли. Совершенствовались средства связи: в 1923 г. австралийцы услышали первую радиопередачу, а с 1933 г. начала радиовещание крупнейшая государственная корпорация – Австралийская радиовещательная комиссия. Тесное сотрудничество авиации и радиослужбы проявилось в создании типично австралийской системы помощи больным в отдаленных уголках Австралии – так называемой службы *«летающий доктор»*. Фельдшерские пункты в отдаленных районах Северной Территории и Южной Австралии обслуживали окрестных фермеров, откликаясь на вызовы, передававшиеся с помощью так называемого педального радио, установленного в их домах. Если ранее врачи выезжали к больным сначала на лошадях, потом на грузовиках и вездеходах, то с 1928 г. к делу медицинского обслуживания подключилась авиация, обслуживавшая жителей в радиусе 350 миль от аэродрома. Если учесть, что с 1901 г. во всех крупных городах АС строились госпитали, оборудованные по последнему слову тогдашней техники, то следует признать, что уровень здравоохранения, достигнутый этой страной, был весьма высок.

Не меньшее внимание уделялось развитию науки. В 1926 г. в АС был создан Совет по научным и промышленным исследованиям, в котором работали лучшие ученые. Круг его приоритетных задач не ограничивался быстрым внедрением в жизнь научно-исследовательских проектов и конструкторских разработок: Совет также занимался популяризацией научных знаний и достижений. Исследования велись не только на территории континента. Еще в 1906 г. Эрнст Шеклтон сделал первые шаги в изу-

чении Антарктиды, а в 1911–1914 гг. его дело продолжил Даглас Моусон. В 1926 г. в ходе Имперской конференции австралийская делегация поставила вопрос о передаче части Антарктики под контроль АС. Согласие Лондона было получено, и в 1933 г. парламент Австралии принял соответствующий закон, касавшийся районов Антарктиды, исследованных австралийскими путешественниками и учеными.

Все эти правительственные мероприятия требовали огромных затрат, средства на которые по-прежнему в значительной мере предоставлял Лондон. По подсчетам специалистов, до 70% проектов развития АС в 1919–1929 гг. оплачивалось за счет займов из Англии и США. Опасность финансового краха в некоторых штатах, чьи долги росли быстрее доходов, заставила правительство Австралии взять эту практику под свой контроль. В 1927–1929 гг. было принято законодательство, названное Финансовым соглашением центра и штатов, которое изымало вопросы займов и выплаты процентов по ним из ведения субъектов федерации и передавало их под управление федерального Совета по займам.

Во многом эти шаги определялись взглядами главы Националистической партии. Будучи бизнесменом, премьер-министр Брюс рассматривал весьма популярный в те годы социализм как неэффективную и подрывную систему, которая ввергнет страну «в хаос и нищету классовой войны». Отсюда и проистекало его стремление противостоять этому через усиление полномочий центра и отмену арбитражной системы. Первое начинание прошло: Совет по займам значительно укрепил позиции федеральных властей, правительство перебралось в Канберру; второе – нет: система арбитража сохранилась. В результате в отличие от стран Старого света, да и США, в Австралии росту экономики во многом сопутствовало совершенствование системы социальной защиты населения. В Квинсленде были введены пособия по безработице, большое внимание уделялось улучшению условий труда. НЮУ ввел пенсии вдовам в размере 1 ф. ст. в неделю на каждого ребенка моложе 14 лет.

Параллельно совершенствовалось законодательство, стимулирующее гражданскую позицию населения. Так, чтобы повысить уровень электоральной активности был принят ряд законов,

регулировавших избирательное право и порядок проведения выборов. К 1924 г. участие в голосовании на федеральных выборах стало обязательным, за уклонение от него был введен штраф, а подсчет голосов осуществлялся по преференциальной системе, которая позволяла определить победителя уже в первом туре. Тогда же стали все громче заявлять о себе женщины-политики. В Западной Австралии в 1921 г. впервые в истории страны в парламент штата была выбрана женщина Эдит Коуэн. В середине 1920-х гг. возникают первые организации австралийских женщин, нацеленные на прекращение дискриминации женщин и достижение их равноправия с мужчинами. Это было началом большой и долгой работы на пути к женскому равноправию.

Всего за два первых десятилетия XX в. АС добился значительных успехов. Страна благополучно преодолевала многие трудности начального периода создания единого государства, вышла из первой мировой войны в числе держав-победительниц, уверенно заявила о себе на мировой арене. Хозяйственный подъем и деятельность ведущих политических сил обеспечивали, казалось, стабильное поступательное движение вперед.

Глава 6. Австралия накануне и в период второй мировой войны

Мировой экономический кризис в АС. Прогрессивное и достаточно устойчивое развитие Австралии было прервано докатившейся до Южного континента «великой депрессией». Экономический и финансовый крах основных торговых партнеров страны (США и Великобритании) породил кризисные тенденции в хозяйстве АС: в 4 раза упали цены на шерсть; производство сократилось на 40%; безработица достигла небывалого в истории страны уровня – 30%.

На гребне волны общественного недовольства возросло влияние КПА. Именно коммунисты возглавили Движение безработных и были инициаторами столкновений с полицией. Организованное ими Движение боевого меньшинства особенно активно пропагандировало идеи всеобщей забастовки и, следуя указаниям Коминтерна, объявило правительство АЛП социал-фашистами. Приглашения в СССР стали мощным средством

пропаганды достижений советского социализма. Так, известная австралийская писательница и коммунистка Катарина Сусанна Причард в 1933 г. посетила нашу страну, а по возвращении домой написала хвалебную книгу очерков «Подлинная Россия», где излагала свой взгляд на происходившие там процессы. Тот же эффект произвел прием, оказанный известной общественной деятельнице Джесси Стрит, которая вместе с дочерью путешествовала по СССР в 1938 г. и стала самым преданным другом страны Советов. Впрочем, большинство австралийских печатных изданий отказывалось публиковать интервью, где прославлялись успехи советской системы. Антисоветские настроения в Австралии поддерживали не только представители печати, но и такие влиятельные структуры, как католическая церковь, основные политические партии АС и научные учреждения, в частности, Австралийский институт международных отношений.

Столь же непросто складывались и отношения коммунистов с АЛП. Помимо конкуренции в вопросе о лидерстве в рабочем движении страны, их разделяли и базовые, программные расхождения. Особенно раздражала лейбористов зависимость КПА от установок Коминтерна. В результате политический кризис и экономическая депрессия способствовали полевению австралийского общества, и во всех штатах, и на уровне федерации к власти пришли лейбористы во главе с Джеймсом Г. Скаллином. Новый премьер-министр попросил помощи у британского казначейства, по рекомендации которого из Лондона в АС прибыла группа экспертов во главе с ведущим английским финансистом сэром Отто Нимейером. Он считал, что все беды Австралии происходят из-за привычки ее граждан жить не по средствам. В качестве метода борьбы с кризисом он предлагал снизить искусственно завышенный, по его убеждению, уровень заработной платы и перейти к режиму жесткой государственной экономии, сократив на 12% государственные расходы. Правительство Скаллина на словах согласилось с предложениями Нимейера, подписав соответствующее «Мельбурнское соглашение», но подобный курс явно не отвечал чаяниям стоявшего за лейбористами электората, поэтому власти не спешили претворять его в жизнь.

Джозеф А. Лайонс

Многие политики левого толка и вовсе увидели в этом «заговор заморских воротил», и их популистские лозунги приобрели самую широкую популярность среди обездоленных низов общества. Особенно остро проявилось недовольство сложившейся ситуацией в Новом Южном Уэльсе, где в 1930 г. правительство возглавил левый лейборист Джон Т. Лэнг. Главным козырем его предвыборной платформы был «австралийский стандарт жизни». Получивший за свой высокий рост и мощное телосложение прозвище «здоровяк», или «детина», Лэнг, опираясь на созданную им партийную машину штата, выступил против «плана Нимейера», или «плана премьеров», как его окрестили в Австралии. Согласно выдвинутому им собственному «плану Лэнга», необходимо было восстановить 44-х часовую рабочую неделю и прежний уровень зарплаты, развернуть широкую программу общест-

венных работ, а средства на это получить за счет прекращения выплат процентов по иностранным займам АС. Его призывы к установлению режима «сильной власти» нашли горячую поддержку среди измученных невзгодами рабочих. Лозунги типа «Лэнг прав», «Лэнг более велик, чем Ленин» можно было увидеть на улицах Сиднея.

Принято считать, что в 1931–1932 гг. Австралия подошла к черте гражданской войны как никогда близко. Организованные группы левых готовились к сражениям; в рядах рабочего движения формировались боевые отряды. Ответом правых сил стало создание собственных военизированных организаций. Наибольшую известность приобрела появившаяся в Сиднее в 1931 г. «Новая Гвардия». Она объединила в своих рядах ветеранов мировой войны и военных, видевших свою цель в противостоянии «нелояльным элементам в правительстве, промышленных и общественных кругах» и обеспечение «незыблемости традиционных ценностей». Основателем ее был полковник Эрик Кэмпбелл, который призывал к решительным действиям против левых и предложил «объявить коммунизм вне закона... депортировать всех коммунистов, импортных или доморощенных, а также всех других негодных и подрывных личностей».

Предотвратить назревавший социальный взрыв смог лидер только что созданной Партии единой Австралии Джозеф А. Лайонс. На выборах 1931 г. он и его партия выступили под лозунгами стабильной финансовой политики и национального единства в противовес АЛП, раздираемой внутренней борьбой со сторонниками Дж. Лэнга. Это обеспечило партии Лайонса уверенную победу, а сам он стал премьер-министром АС и пребывал на этом посту вплоть до своей смерти в 1939 г. Его политическую опору составили вышедшие с ним из рядов АЛП единомышленники, объединившиеся с Националистической партией и рядом фермерских и женских организаций. Политика Лайонса была в то время неким местным вариантом среднего пути, а сам он оказался достаточно твердым политиком, чтобы в очередной раз реорганизовать партийную систему страны.

Сплотив своих сторонников, Лайонс повел АС к стабильности. Через год после своего избрания на пост главы правительства он сместил мятежного премьера НЮУ на том основании, что

его кабинет не сумел погасить свои финансовые обязательства перед британскими партнерами. Правительство федерации наложило арест на все доходы НЮУ. Высокий суд АС подтвердил правомочность этого решения. В результате губернатору НЮУ сэру Филиппу Гейму не оставалось ничего иного, как отстранить от власти кабинет Лэнга и назначить дату выборов, с тем, чтобы новое правительство могло пересмотреть финансовую политику штата.

Лихорадило, впрочем, не только НЮУ. Вновь обострились отношения между центром и малыми субъектами федерации, связанные с экономическими трудностями тех лет и ростом роли федерального правительства в управлении страной. В авангарде этого противостояния оказалась Западная Австралия, где местные сепаратисты обратились в Лондон с петицией, требовавшей выхода штата из Австралийского Союза. Парламент Соединенного Королевства, куда Западная Австралия в 1934 г. обратилась с соответствующей петицией, подчеркнул в соответствующей резолюции, что подобного рода требования не могут рассматриваться в обход федеральных властей АС. Центральному правительству пришлось немало поработать, чтобы успокоить штатных политиков и сохранить целостность Союза. В рамках Финансового соглашения 1927 г. активно работал Австралийский совет по займам, умело использовавший финансовые рычаги и лавировавший между штатами. В 1933 г. в дополнение к нему учреждалась федеральная Комиссия по грантам, в задачу которой входила финансовая поддержка малых штатов путем предоставления им прямой помощи в виде денежных субсидий из федерального бюджета. Сплочению государства способствовал и Высокий суд, чья позиция в естественном противостоянии центра и штатов изменилась. Он стал более активно применять взятую на вооружение в 1920-х гг. доктрину широкой трактовки Конституции — интерпретирования довольно расплывчатых формулировок Основного закона в пользу усиления регулирующей роли центра. Это значительно укрепило позиции Канберры. В итоге к началу второй мировой войны штаты потеряли значительную долю своей финансовой самостоятельности, попав в зависимость от помощи из центра, что не могло не сказаться и на их политических позициях. Во всяком случае, в последующие

годы случаев открытой конфронтации федерального центра и субъектов федерации более не наблюдалось.

Годы невиданных в Австралии трудностей не могли не затронуть и аборигенное население. Именно в 1920–1930-х гг. оно впервые в истории активно включилось в борьбу за свои права, создавая не только мистические культы с апокалипсическим содержанием, но и первые политические организации и проводя акции протеста. В 1934 г. профессор антропологии Сиднейского университета А.Е. Элкин опубликовал небольшой памфлет, где излагал свои взгляды на «позитивную политику, которая нацелена на благосостояние и развитие аборигенов». Суть его предложений сводилась к уважению прав коренного населения и оказанию ему помощи в процессе необходимой адаптации к нормам доминирующего общества. Но в то время подобные идеи разделялись лишь отдельными представителями политического класса. Основной же курс по отношению к туземному населению, точнее к полукровкам – лицам, один из родителей которых был европейцем, – был совсем иным. Правительство забирало таких детей из племен, брало их под свою опеку и, поместив в специальные учебные заведения, «цивилизовало» их. Метисы изымались из племен с тем, чтобы превратиться впоследствии в белых путем постепенного «вымывания» аборигенной крови в процессе перекрестных браков. Такая политика проводилась вплоть до 1960-х гг., затронув порядка 30 тыс. человек, в наши дни называющих себя «украденными поколениями». В этой связи не удивительно, что когда страна 1938 г. отмечала 150-летие высадки белых колонистов в Австралии, группа австралийских аборигенов отказалась принять участие в торжествах и обнародовала ноту протеста, где подчеркивалось, что эти годы были «годами страданий и деградации, навязанных первоначальникам континента белыми захватчиками этой страны». Тогда же аборигены и метисы в поселках НЮУ и Виктории провели свой день траура, выражая свой протест против униженного положения, в котором они оказались. Так начиналась борьба за равноправие коренных австралийцев.

Политическая стабилизация стала предпосылкой и условием постепенного решения экономических трудностей. К концу периода правления Дж. Лайонса удалось наладить работу экономи-

ки. Под лозунгом «Все для Австралии и империи» была принята общая программа выхода из кризиса, которая соединяла в себе адаптированные к австралийским реалиям предложения О. Нимейера и ставшие в то время популярными идеи другого британского экономиста – Дж. М. Кейнса. На 20% в среднем были снижены все платежи по основным статьям государственных расходов. Сохранялся высокий уровень протекционизма; единственное исключение было сделано впоследствии для стран-участниц Британской империи: для ввозимых из них товаров вводилась система тарифных преференций (более низких, льготных ставок). Серьезное внимание уделялось поощрению предпринимательской активности населения в надежде на то, что вставший на ноги деловой мир даст работу всем, кто в ней нуждается. Постепенно возвращались социальные льготы, были восстановлены оплачиваемые отпуска, наметилось улучшение медицинского обслуживания.

Однако процесс стабилизации в целом шел медленно, и в предвоенные годы полностью достичь прежнего уровня так и не удалось. Основные показатели экономического развития в середине 1930-х гг. практически не росли, производство сельскохозяйственной продукции замерло на средних показателях, чуть лучше чувствовала себя промышленность, главным образом развивалась горнодобывающая отрасль. Показатели внешнего товарооборота оставались на уровне конца 1920-х гг. Уровень безработицы, хотя и сократился до 10%, был для страны непривычно высок; медленно восстанавливалась торговля; почти не оставалось средств для быстрого развития глубинки Австралии. Последнее обстоятельство открывало большое поле деятельности для Аграрной партии: недаром на эти годы приходился пик ее популярности, когда на выборах за ее кандидатов голосовало до 16% австралийских избирателей.

Кризис материальных аспектов человеческой жизни может в чем-то компенсироваться позитивными процессами в сфере культуры. На фоне экономико-социальных трудностей в АС наблюдался удивительный всплеск духовной жизни. Работали университеты, строились художественные галереи; в Сиднее развернула деятельность по сбору и популяризации научных знаний Митчелловская библиотека (основу ее фондов составило собра-

ние рукописей и раритетов по истории Австралии, собранное адвокатом Д. Митчеллом и завещанное штату НЮУ еще в 1907 г.). Мощный импульс получило литературное творчество. С 1939 г. был создан австралийский Федеральный литературный фонд, предоставлявший средства на публикацию произведений молодых авторов, проведение исследований по литературоведению, а также выплачивавший пенсии пожилым литераторам. Во многом благодаря публичной деятельности этой организации к нации пришло понимание того, что «писатель представлял ценность для общества». Плодотворно развивался жанр реалистического романа, выдающимися представителями которого стали Фрэнклин Майлз, К. С. Причард, Вэнс Палмер, Джуда Уотен; одним из очагов интеллектуальной жизни страны стали члены блистательного по одаренности и разнообразию талантов семейства Линдсеев.

Как это часто бывает, время испытаний усиливает потребность общества в наиболее понятном ему эмоциональном, художественном осмыслении тревожной обыденности. Карикатурист Уил Дайсон стал известен за пределами Австралии. Приобрело известность творчество художницы Маргарет Престон, которая сумела сочетать технику европейского рисунка и колорит землистых красок, характерных для изобразительного искусства аборигенов. С начала XX в. развивался местный кинематограф. Еще в 1906 г., в Австралии был снят первый в мире полнометражный (70 мин.) художественный фильм «История банды Келли». Чуть позже, в 1919 г., за десять лет до Микки Мауса на экране появился популярный герой мультфильмов Кот Феликс. К середине века на экраны выходили как игровые, так и документальные ленты. В предвоенный период в АС с успехом проходили гастроли русских артистов: Анны Павловой, Ф.И. Шаляпина, Русского балета С.П. Дягилева и других. Их творчество оказало чрезвычайно сильное влияние на австралийцев и в определенной степени укрепило позиции русской диаспоры, большинство членов которой составляли в те годы представители белой эмиграции.

Но у австралийской интеллектуальной элиты были и поводы для недовольства – например, меры по пресечению деятельности экстремистских групп, ограничение въезда в АС представителей левых европейских партий, и самое главное, введение жесткой

цензуры. Ибо с целью борьбы с экстремизмом в страну запрещался ввоз не только трудов К. Маркса и фашистской литературы, но и по соображениям, которые трудно определить в наши дни, таких произведений, как «Улисс» Дж. Джойса и «Любовник леди Чаттерлей» Г. Лоуренса.

Развивалась архитектура. Популярный в Австралии с начала XX столетия эдвардианский стиль с характерным для него сочетанием красного кирпича и белого декора дополнило высотное строительство. С 1912 г. деловые центры столиц штатов начали обзаводиться первым небоскребами, которые придавали им сходство не с английскими городками, а мегаполисами США. Впрочем, жилые кварталы по-прежнему застраивались малоэтажными коттеджами с неизменными верандами, защищающими их обитателей от жаркого австралийского солнца.

В ранг «австралийской религии» было возведено всеобщее увлечение спортом, и по всему миру славились пловцы новым стилем – «австралийским кролем», уже с начала XX в. занимавшие первые места на международных соревнованиях по плаванию. На новый виток популярности вывел скачки на кубок Мельбурна знаменитый рысак Фар Лап, одержавший здесь в 1930 г. блестящую победу. Поистине национальным героем стал легендарный игрок в крикет Дон Брэдман.

Все эти явления указывали на то, что в целом страна медленно возвращалась к нормальной для себя жизни, пережив без катастрофических последствий период первого в ее истории глобального экономического кризиса. Но у Австралии впереди были куда более тяжкие испытания: международная ситуация в конце 1930-х гг. становилась все более угрожающей – мировой кризис перерастал в мировую войну.

В преддверии войны: внешняя политика АС. Все чаще вспыхивавшие региональные конфликты – гражданская война в Испании, захват Абиссинии Италией и японская агрессия против Китая – заставили политические круги Австралии перейти к большей активности в международной сфере. Начальным рубежом этого этапа стал принятый в 1931 г. в Лондоне Вестминстерский статут, который юридически закрепил за АС статус доминиона, наделив его правительство свободой действий во внешней политике. Хотя Австралия ратифицировала Вестмин-

стерский статут только в 1942 г., он стал толчком для разработки самостоятельного международного курса и установления собственных контактов с зарубежными коллегами.

В то время в обществе доминировали изоляционистские настроения, но все политические силы страны одобрили решение правительства о предоставлении убежища европейским беженцам от фашизма. Австралийские государственные лица старались внимательно следить за развитием событий на международной арене и активно участвовать в обсуждении проблем реформирования Лиги Наций, намереваясь придать больше эффективности деятельности этой организации. Однако приоритетными в их работе были, конечно же, вопросы укрепления безопасности границ самой Австралии и расширения дипломатических контактов, которые уже не ограничивались рамками Британской империи.

Исходя из этого, строились все военные и внешнеполитические программы АС. Страна располагала небольшим, но боеспособным флотом, сухопутными и военно-воздушными силами; на нужды оборонной промышленности правительство регулярно ассигновывало немалые суммы. Но с военной точки зрения накопленного потенциала было недостаточно для эффективной обороны столь обширного континента, как Австралия, а внутренних резервов для наращивания военной мощи в 1930-е гг. в стране явно не хватало.

Австралийские политики понимали, что для АС «единственным возможным врагом» становилась Япония. Главным же опорным пунктом защиты подступов к континенту считался, по словам имперских стратегов, Сингапур – «первоклассная и почти неуязвимая база». В реальности британские планы обороны имели множество слабых звеньев, но для Лондона безопасность Австралии отнюдь не была первостепенным делом даже за полтора месяца до начала второй мировой войны.

Параллельно с решением проблем военно-стратегического плана правительство АС активизировало свои внешние связи и стремилось создать сеть австралийских представительств за рубежом для укрепления отношений с ближайшими соседями по региону. Главным партнером на внешнеполитической арене для страны оставалась Великобритания, и австралийские дипломаты

в вопросах европейской политики вполне полагались на своих британских коллег. Имперская конференция 1937 г. была последним предвоенным форумом, на котором присутствовали представители всех доминионов. Австралийцы неоднократно выступали здесь, выдвинув целый ряд предложений; наиболее интересной стала попытка премьер-министра Дж. Лайонса привлечь внимание коллег к идеям создания системы коллективной региональной безопасности, в частности, пакта о ненападении между странами Тихоокеанского региона. Но его предложения, не получив одобрения в Лондоне, в итоге так и не были воплощены в жизнь.

Такой поворот дел подстегнул руководство страны к поиску иных партнеров. Разрабатывались самые тесные планы сотрудничества и координации действий между Австралией и Новой Зеландией; оживились переговоры об установлении прямых дипломатических контактов между АС и Канадой. Шли практически постоянные многосторонние переговоры по согласованию вопросов аккредитации австралийских советников при посольствах Великобритании в Вашингтоне и даже Токио. Все это свидетельствовало о стремлении австралийского правительства иметь непосредственный доступ к информации по международным проблемам в странах, представлявших непосредственный интерес для АС. Однако метрополия явно не желала полностью выпускать инициативу из своих рук, и вопросы эти решались очень медленно. Особенно сложны были переговоры о сотрудничестве с японскими партнерами, причиной которых стали также острые противоречия, связанные со стремлением обеих стран сохранить свои доминирующие позиции в регионе. Австралия всячески противилась проникновению Японии в ЮТР. В итоге накануне войны их отношения оставались одними из самых запутанных и далеких от какого бы то ни было положительного решения.

Таким образом, последнее предвоенное десятилетие стало для австралийских правящих кругов своего рода поворотным пунктом. По сути дела, это были годы становления самостоятельной австралийской дипломатии. Получив свободу действий в области внешней политики, австралийцы, с одной стороны, не сразу поспешили воспользоваться этой возможностью, придерживаясь по большей части традиционного курса следования бри-

танской внешнеполитической линии, особенно в тех регионах, где интересы Австралии не затрагивались напрямую. Отсюда проистекали и поддержка политики умиротворения агрессора, и непонимание сути гитлеризма, за которые современные историки так сурово критикуют лидеров АС предвоенного десятилетия.

С другой стороны, в вопросах, прямо связанных с защитой собственных интересов, австралийские государственные деятели пытались проводить самостоятельную линию, налаживая первые прямые контакты со странами Британского Содружества и соседями по региону. Наиболее успешно дела в этой области шли между странами, близкими по своим историческим корням: Новой Зеландией, Канадой, США. Здесь сам историко-культурологический контекст способствовал взаимному пониманию. Первопричиной, сдерживавшей темпы внешнеполитической активности австралийцев, было, в первую очередь, явное нежелание метрополии выпускать Австралийский Союз из-под своего влияния. Особенно очевидно проявлялось оно в области оборонной стратегии, которая была самым слабым звеном во внешнеполитических схемах Великобритании. Сказывались также особенности экономики АС и его тесная зависимость от метрополии практически во всех значимых жизненных областях. Сознание собственной уязвимости не давало возможности смелее вести свою линию в международных делах, что не могло не сказаться в трудные военные годы.

Австралийский Союз во второй мировой войне. Вторая мировая война, начавшаяся для Австралии 3 сентября 1939 г., сначала не вызвала ни страха, ни оптимизма. Сменивший Лайонса на посту премьер-министра Роберт Г. Мензис обратился к нации с заявлением о том, что его страна будет сражаться с фашизмом на стороне Великобритании и ее союзников. Военная помощь метрополии предполагалось оказывать при условии, что «Япония останется нейтральной». Но одновременно оговаривалось, что «непосредственной задачей теперь – помощь Великобритании на европейском театре» военных действий.

Введение обязательной военной подготовки мужской части населения для несения внутренней службы и призыв на действительную военную службу, в отличие от времен первой мировой войны, не вызвали особого неприятия в обществе. Отправленные

за океан дивизии Австралийских имперских сил воевали в самых сложных точках на Ближнем Востоке и в Европе. Австралийские летчики участвовали в эпической «битве за Англию». Моряки обеспечивали господство британского флота в Средиземном море и защищали Суэцкий канал. И вновь, как в годы первой мировой войны, австралийцы на фронте называли себя диггерами, как бы наследуя славу отцов и дедов, прошедших горнило 1914–1918 гг., и оставались в подчинении австралийского командования. Именно они воевали против итальянцев в Северной Африке, взяли города Бардия, Тобрук, Бенгази. Вскоре им предстояло столкнуться с германской механизированной машиной в Западной пустыне и сражаться с войсками под командованием знаменитого генерала Эрвина Роммеля, прозванного «лисом пустыни». Позже по настоянию австралийского генерала Томаса Блейми британское командование вынуждено было заменить здесь австралийцев другими подразделениями союзников, а все основные силы анзаков были сконцентрированы на Ближнем Востоке. Летом 1941 г. им удалось отвоевать у противника Сирию. Операции в Греции и на Крите были иного рода. В результате крайне неудачной операции австралийцы потеряли здесь большое количество личного состава и почти все тяжелое вооружение, а эвакуация с Крита была хуже, чем разгром при Дюнкерке. В результате здесь погибли 15 тыс. союзников, и примерно 3,5 тыс. австралийцев попали в плен.

В АС начался перевод всего хозяйственного механизма на оборонные рельсы, что нашло свое отражение в первую очередь в усилении государственного регулирования экономики и расширении функций центрального правительства. По аналогии с опытом первой мировой войны был принят Закон о национальной безопасности, передававший в руки федерального центра самые широкие полномочия. Для обеспечения обороноспособности континента поощрялось развитие отраслей, связанных с военными поставками: производство оборудования для машиностроения, точных приборов, самолетостроения, стрелкового оружия. Был специально создан департамент по делам военной организации промышленности, которому передавались практически неограниченные полномочия в области организации обороны страны и распоряжения ее финансами.

Однако война не могла не сказаться на жизни австралийцев: были введены контроль над ценами, распределение по квотам горючего, одежды, основных продуктов питания. У правительства появилось право объявлять любой район АС опасной зоной и вводить на его территории режим ЧП, оно могло установить также принудительную трудовую повинность для строительства объектов оборонного значения. На многих производствах, в том числе и военных, начали работать австралийки, заменившие ушедших на фронт мужчин.

Вводился строгий контроль над передвижением иностранцев. После подписания советско-германского пакта о ненападении и изменения позиции Коминтерна, призывавшего всех своих членов к борьбе с противниками СССР, пришлось усилить меры против саботажа. Логическим продолжением стало принятие в 1940 г. закона о запрете деятельности КПА, действовавшей в духе решений Коминтерна. Даже АЛП, лояльнее других партий АС относившаяся к коммунистам, не выступила на сей раз в их защиту. Ситуация изменилась только летом 1941 г. после нападения на СССР его недавнего союзника – фашистской Германии и перехода Москвы к сотрудничеству с Великобританией и США в рамках создававшейся антифашистской коалиции.

Активизировалась и работа по установлению прямых связей с США, которым Мензис придавал большое значение, считая, что «в течение следующих года или двух Вашингтон займет ключевые позиции в сложившейся ситуации». Открытие в марте 1940 г. посольства АС в Вашингтоне стало, как показали последующие события, чрезвычайно важным шагом правительства страны.

Вообще, годы войны стали временем укрепления международного авторитета Австралии и превращения ее в самостоятельного игрока на внешнеполитической арене. В 1942 г. были установлены дипломатические отношения с СССР. Продолжалось и дальнейшее сближение АС с Новой Зеландией. В январе 1944 г. в Канберре было подписано двустороннее соглашение о сотрудничестве, заложившее основы тесных политических отношений между соседними государствами. Оно вошло в историю как Канберрский Пакт и расценивалось как «применение доктрины Монро для южной части Тихого океана». В ноябре

1944 г. на Веллингтонской конференции правительства АС и Новой Зеландии разработали совместную платформу действий на предстоящей конференции в Сан-Франциско. Взгляды на послевоенное переустройство мира представителей австралийского правительства в основных чертах совпадали с мнением их новозеландских коллег, что и стало основой их сближения на арене создававшейся ООН.

Между тем, трудности и ограничения военного времени, жесткая централизация управления, пробританская ориентация Мензиса и его непримиримый антикоммунизм в условиях все нараставшей опасности непосредственно для страны стали вызывать неприязнь у многих австралийцев. В августе 1941 г. премьер-министр подал прошение об отставке, его пост занял его заместитель – лидер аграриев Артур Фэдден. Он недолго оставался во главе правительства и позже шутил, сравнивая себя с Великим потопом: тоже «управлял 40 дней и 40 ночей». В результате объединения левых сил на выборах в октябре 1941 г. к власти пришло лейбористское правительство Джона Кертина, которое и провело страну через все тяготы войны.

А военно-политическая ситуация продолжала обостряться, особенно после вступления в войну Японии. Премьер-министр АС Кертин незамедлительно объявил согражданам: «Мы приложим все наши усилия для выработки плана обороны, где главное место займут США». Первый год пребывания лейбористов у власти оказался самым тяжелым. Японии за пять месяцев удалось захватить всю Юго-Восточную Азию, получив в свое распоряжение богатейшие ресурсы, ранее принадлежавшие британцам, французам и голландцам. В феврале 1942 г. пал Сингапур – главный стратегический пункт в системе обороны Австралии. Хорошо известная британскому и австралийскому командованию неспособность Сингапура к сопротивлению и стала причиной практически мгновенного успеха японцев. Они подвергли Сингапур бомбардировке, а через 7 дней гарнизон сдался на милость победителя. В результате боев были уничтожены оба флагмана британского флота, 15 тысяч австралийских солдат попали в плен и впоследствии испытали на себе все ужасы пребывания во «власти самураев». В концентрационных лагерях голод, пытки, расстрелы соседствовали с показательными убийст-

вами, когда беззащитным людям ради демонстрации военной удали отрубали головы. В результате из 8,7 тыс. австралийцев, побывавших в плену в Германии и Италии, умерли 264 человека, а из 22,4 тыс. австралийских военнопленных в Японии погибли 8 тыс. человек. Это отношение к людям стало причиной того, что даже много лет спустя 39% австралийцев продолжали смотреть на Страну восходящего солнца «сквозь призму ее агрессии в военное время».

Не успели австралийцы опомниться от шока, вызванного падением Сингапура, как новая беда настигла их уже у себя дома. Уже в середине февраля 1942 г. практически одновременно японская авиация бомбила Дарвин и города северного побережья Австралии, а чуть позже подлодки японцев видели в акватории Сиднейского залива. Стоявшие в порту Дарвина 45 военных кораблей стали идеальной мишенью, за 45 минут 8 из них были потоплены, 14 подожжены, уничтожено 24 самолета, 243 человека убиты; японцы при этом из 188 самолетов, участвовавших в налете, потеряли лишь 5. Бомбардировка Дарвина вошла в японские учебники по военному искусству, а для жителей Южного континента стала «австралийским Перл-Харбором». В течение последовавших двадцати месяцев японцы совершили 64 рейда на Северную Территорию, из которых 46 пришлось на Дарвин – главную базу австралийских ВВС в этом районе.

Положение становилось критическим. Оставшиеся на родине 30 тыс. солдат не могли обеспечить безопасности огромного континента, перед правительством встала самая важная задача – обеспечить оборону собственной страны. Дж. Кертину с большим трудом, преодолевая сопротивление английского премьера У. Черчилля, удалось добиться возвращения домой части австралийских вооруженных сил. Все эти события не просто полностью развеяли веру в непобедимость британской военной мощи, но и значительно осложнили отношения с метрополией. Кризис стратегии «имперского единства», которую пыталась проводить Великобритания, достиг своего апогея. Все это подтолкнуло лейбористов АС к срочному отказу от ориентации исключительно на союз с метрополией; теперь ставка делалась на ближайших соседей по региону – США и Новую Зеландию.

Джон Кертин, его супруга Эллис Кертин и генерал Блейми, 1944 г.

Через посольство АС в Вашингтоне Кертин обратился за помощью к правительству Соединенных Штатов. После трудных переговоров было достигнуто соглашение о совместных боевых действиях против Японии. Главнокомандующим союзными войсками в южной части Тихого океана был назначен известный генерал Дуглас МакАртур, с австралийской стороны бразды военного правления были переданы в руки генерала Т. Блейми. Штаб-квартира объединенного командования сначала располагалась в Мельбурне, и в его распоряжении оказались как вооруженные формирования АС, к 1944 г. насчитывавшие 480 тыс. человек, так и богатые ресурсы страны. Союзные войска получали от АС в рамках заключенного соглашения о «взаимном ленд-лизе» до 90% продовольствия; в Австралии строились аэродромы, учебные полигоны, новые оборонные предприятия.

В мае 1942 г. объединенные силы союзников – США, АС и Новой Зеландии – разбили японцев в Коралловом море. Это стало поворотным пунктом в ходе войны: японское продвижение на юг было остановлено. После победы американцев в битве при

Мидуэ австралийцам предстояли сражения на территории Новой Гвинеи, которые считаются «одной из самых трудных кампаний в их военной истории». Бои на этом острове в ноябре 1942 – январе 1943 гг. стали одним из самых тяжелых эпизодов войны. Слабо вооруженные и плохо обученные австралийские солдаты противостояли прекрасно подготовленной и в пять раз превосходившей их по численности армии японцев, пока не подоспела помощь от США. Упорство и храбрость австралийцев удивляли даже противника. В ходе этих боев погибли около 4 тыс. австралийских военнослужащих, а оставшиеся в живых участники впоследствии сравнивали случившееся с мясорубкой на Галлиполи.

В одном строю с белыми австралийцами сражались призванные в армию солдаты-аборигены и помогавшие им папуасы. Последние переправляли в тыл раненых, за что и получили от австралийцев прозвище «курчавые ангелы». В австралийской армии, флоте и ВВС служили около 900 жителей островов Торресова пролива. Именно в годы второй мировой войны изменилось отношение многих белых австралийцев к аборигенам: в них наконец-то увидели соратников.

После 1943 г. участие АС в военных действиях в районе Тихого океана стало постепенно сокращаться. Были освобождены от японцев Новая Гвинея, Филиппины, Молуккские острова. В 1945 г. бои на острове Борнео (Калимантан) стали последними крупными сражениями с привлечением австралийцев. Угрозы безопасности их страны больше не существовало. Под актом о капитуляции Японии, после преодоления серьезных разногласий с американскими партнерами, поставил свою подпись и генерал Блейми, который находился 2 сентября 1945 г. на борту крейсера «Миссури» в Токийском заливе в качестве представителя Австралии.

Война была закончена, и это событие можно считать вторым рубежом австралийской новейшей истории. За годы участия АС в военных действиях в армию было призвано 993 тыс. мужчин и женщин; потери были таковы: более 27 тыс. – убитых, 24 тыс. – раненых, около 23 тыс. – побывавших в плену у японцев и более 8 тыс. – у немцев. Никогда ранее страна не участвовала в столь массированных военных операциях, и никогда дотоле враг не

подходил вплотную к ее рубежам. Главными уроками второй мировой войны для австралийцев стали необходимость пересмотра многих основ их политической системы, казавшихся неизблемыми до того времени. Австралия утратила иллюзии относительно собственной неуязвимости и непобедимой мощи Британской империи, но обрела новых союзников и свои взгляды на мир, частью которого она являлась. Многие ее жители изменили свое мнение относительно соседей по континенту и региону, тем более, что вопросы демографии и регулирования народонаселения становились как никогда актуальными. Новое место в стране постепенно обретали женщины. Эти перемены нашли непосредственное отражение в жизни послевоенной Австралии. Но приведший страну к победе Дж. Кертин не увидел ее плодов: он умер летом 1945 г., не дожив до капитуляции Японии всего несколько месяцев.

Глава 7. Послевоенная реконверсия и «эра Мензиса» (конец 1940-х – середина 1960-х годов)

Возвращение к мирной жизни. По окончании войны правительство нового лидера АЛП Джозефа Бенджамина Чифли сделало все возможное, чтобы обеспечить быстрейший возврат к мирной жизни. Постепенно были отменены все бытовые ограничения военного времени, экономика плавно переходила на мирные рельсы. На основе этого в Австралии закладывались основы той экономико-политической и социальной системы, которую в совокупности принято называть государством всеобщего благосостояния. Сутью его стало создание максимально удобного и комфортного жизненного уровня для большинства граждан в рамках доктрины «демократического социализма», принятой в 1940-х гг. лейбористами.

Власти развернули широкую деятельность по помощи демобилизованным солдатам: им представлялось бесплатное образование, лечение больных и инвалидов, отпуск лекарств и профессиональная переподготовка. Средства на проведение этой и других социальных программ обеспечивал введенный еще в 1942 г. высокий единый подоходный налог, сбор которого осуществлялся федеральным центром. В рамках курса на построение госу-

дарства всеобщего благоденствия правительство оказывало помощь малоимущим, создавались новые рабочие места, расширялась система высшего образования. В столице открылся Австралийский национальный университет (АНУ), ставший одним из главных центров получения прекрасной профессиональной подготовки. В 1946 г. в ходе референдума была принята очередная поправка к Конституции АС, передававшая Канберре полномочия в социальной сфере: выплату пособий по безработице, по болезни, субсидии одиноким матерям, вдовам и т.п. Были сделаны первые шаги в организации всеобъемлющей национальной системы здравоохранения, развивались программы по обеспечению нуждавшихся граждан недорогими квартирами, федеральное правительство предоставляло штатам льготные ссуды на жилищное строительство. Кроме того, создавались дополнительные рабочие места: на оборонных предприятиях производились новые виды вооружения, развивалось точное приборостроение, выпускались новые виды автомобилей и самолетов. Именно в эти годы широкую популярность в Австралии приобрели автомобили фирмы «Холден», ставшие первой собранной на континенте австралийской маркой. Созданные в 1948 г. при сотрудничестве с «Дженерал Моторз», они были более приспособлены к условиям АС и вплоть до 1960-х гг. оставались наиболее продаваемой здесь моделью.

Джозеф Б. Чиффли

Рос уровень производительности сельского хозяйства – АС снабжал продуктами питания измученную войной Великобританию и другие государства. Интересно отметить, что во второй половине 1940-х гг. показатели внешнеторговых контактов (экспорта и импорта) с Англией выросли более чем в 2 раза, тогда как торговый оборот с США изменился весьма незначительно. Однако правящие круги Соединенных Штатов сделали все возможное, чтобы обеспечить доступ своего капитала в страны Содружества, и после подписания в 1947 г. Общего соглашения о тарифах и торговле (ГАТТ) австралийцам пришлось немало потрудиться, чтобы сохранить устойчивое развитие собственной экономики.

Устанавливалось авиасообщение со всеми крупнейшими странами мира. Под государственный контроль перешла компания «Квонтас», возникали новые частные и государственные авиационные фирмы. Австралийские ученые и изобретатели внесли немалый вклад в мировую копилку выдающихся открытий. Они продолжали исследовать Антарктиду, успешно занимались астрономией, стали авторами многих изобретений, таких, как «черный ящик» (1950 г.), имеющийся теперь на каждом самолете, или пенициллин, спасший многие тысячи жизней.

В 1949 г. начал строиться один из самых грандиозных технических проектов современности – гидроэнергетический комплекс в Снежных горах, включенный в список величайших инженерных сооружений мира. В его возведении участвовали около 100 тысяч человек из 42 стран мира: австралийские инженеры и рабочие, специалисты из Европы и США. В рамках этого проекта к 1974 г. были воздвигнуты 7 гидроэлектростанций, 16 дамб, 15 км туннелей и порядка 80 км акведуков, наполнивших чистой водой несколько искусственных водоемов.

Столь грандиозное строительство (не говоря уже об опыте войны) действительно требовало соответствующих людских ресурсов, которыми Австралия не обладала. Проблема увеличения численности населения могла решаться только с помощью привлечения мигрантов, и правительство лейбористов пересмотрело иммиграционную политику. Лозунг «заселяй или погибнешь» вновь обрел популярность. Первые послевоенные кабинеты АЛП открыли двери в АС для не-британцев. По инициативе занявшего

в 1947 г. пост министра по делам иммиграции Артура Огастеса Колвелла проводилась широкомасштабная программа привлечения беженцев из стран Южной и Восточной Европы: им выделялось до половины въездной квоты. Однако кабинет министров по-прежнему не пускал в страну выходцев из Азии: въезд в страну запретили даже японкам – женам австралийских военнослужащих из оккупационных сил АС и их детям. Волна европейских переселенцев в конечном итоге не принесла особых разочарований нации-реципиенту – базовые устои общества оставались неизблемыми. Особо успешно адаптировались к австралийским реалиям дети тех мигрантов, которые воспитывали их в духе уважения и признательности к новой родине. Для них в те годы возник характерный термин – «новые австралийцы». Между тем, за счет притока новых жителей в 1945–1966 гг. население Зеленого континента увеличилось с 7,5 млн. до 11 млн. человек. По словам А. Колвелла, «дни изоляции прошли», и за 20 лет «англо-саксонская Австралия превратилась в этническую Австралию». С 1948 г. правительство ввело собственное гражданство для всех, кто «прожил в Австралии 2 года и более, отличался хорошим характером, владел английским языком на хорошем уровне, понимал свои гражданские ответственность и привилегии и собирался постоянно проживать в Австралии».

Происходили и важные изменения и в мировосприятии австралийцев. Участники литературного объединения вокруг нового журнала «Сердитые пингвины» провозгласили необходимость нового подхода к литературному творчеству, увидели в модернизме более широкие возможности для экспериментирования в противовес реализму. Возрождался интерес к культуре аборигенов, и представители нового направления в литературе, называвшие себя «джиндиуробаками» (от слова «присоединяться» на одном из аборигенных языков), призывали к слиянию англоязычной поэзии с мотивами творчества коренных австралийцев. Участие чернокожих австралийцев во второй мировой войне наравне с белыми было мощным фактором, подстегнувшим интерес к проблемам коренного населения. Сами аборигены в эти годы все активнее выступали за свои права. Очень интересен тот факт, что в 1946 г. в Западной Австралии аборигены-перегонщики скота назвали свою забастовку «Черной Эврикой»

— редкий случай, когда они признали событие из истории белой колонизации как знамя своей борьбы за гражданское равноправие.

Правительство не осталось в стороне от поддержки культуры и науки: в 1945 г. под его эгидой был создан Австралийский национальный совет по кинематографии. В 1949 г. Федеральный совет по научным и промышленным исследованиям был преобразован в Федеральную организацию по научным и промышленным исследованиям, получившую бóльшие возможности для развития соответствующих сфер. В 1945 г. австралийский ученый Говард Флори разделил со своими коллегами из Великобритании Нобелевскую премию за изобретение пенициллина. Все это давало новый импульс развитию науки и культуры на континенте.

Активизировалась и внешняя политика, основные направления которой опирались на опыт военных лет. Теперь большинство австралийских дипломатов видели будущее своей страны только в качестве самостоятельной и важной тихоокеанской державы, а не некоего дальнего форпоста Британской империи. Путь к этому идеалу был труден, и в первые послевоенные годы АС руководствовался концепцией «двойной лояльности»: сотрудничества с США в АТР и сохранению тесных связей со странами Содружества наций. В 1940–1950 гг. АС установил дипломатические отношения с 24 государствами мира. Страна уверенно вступала на арену мировой политики. Австралийские дипломаты принимали самое непосредственное участие в организации и работе ООН, где от имени своей страны ими были подписаны важнейшие международные документы. В ходе работы учредительной конференции ООН точки зрения австралийских и британских дипломатов очень часто не совпадали, что еще больше сблизило АС и Новую Зеландию, которые сообща отстаивали поправки к уставу ООН, укреплявшие роль «средних держав» в противовес «большой тройке».

Министр иностранных дел АС Г.В. Эватт стал проводником курса на достижение АС ведущей роли в ЮТР. В признание заслуг Эватта в 1948 г. его избрали президентом Генеральной ассамблеи ООН. В эти годы согласно решению комитета ООН по опеке, в работе которого австралийские дипломаты принимали

самое активное участие, под управление АС были переданы остров Науру (до 1968 г. находился в совместном с Новой Зеландией управлении) и Папуа – Новая Гвинея.

Главным внешнеполитическим партнером АС в эти годы по-прежнему были США. Надо сказать, что американцы в первую очередь стремились использовать территорию АС и попавших под ее управление островов Тихого океана как места дислокации своих военных объектов, своего рода «непотопляемый американский авианосец». Эти вопросы стали предметом долгих и трудных двусторонних переговоров во второй половине 1940-х гг.

Впрочем, реальные связи между Канберрой и Лондоном тоже оставались достаточно тесными, особенно когда дело касалось вопросов обороны, столь значимых для австралийцев в свете недавнего опыта второй мировой войны. В рамках доктрины «региональной ответственности» правительство АС предлагало разместить у себя единые органы планирования оборонной стратегии Содружества в ЮТР. В рамках содействия развитию ракетно-ядерного потенциала Англии представлялись полигоны на территории Южной Австралии.

Еще более важным шагом в региональном направлении было создание в феврале 1947 г. в Канберре Южно-Тихоокеанской Комиссии. Ее главной целью провозглашалось «обсуждение путей и средств, какими мы можем помочь жителям южно-тихоокеанских островов». Основателями выступали Австралия, Франция, Нидерланды, Новая Зеландия, Великобритания и США, а зоной деятельности объявлялись все самоуправляющиеся территории, лежащие в акватории Тихого океана к югу от экватора, контроль над которыми осуществлялся перечисленными выше державами-учредителями. Это был очевидный успех австралийской дипломатии, нацеленный на передачу руководящей роли в этом регионе от Великобритании к Австралии. В эти же годы постепенно стали налаживаться официальные контакты и с Японией, в мае 1949 г. австралийцы прекратили взимание с нее репараций, а в 1950 г. заключили важный торговый договор.

В целом сотрудникам внешнеполитического ведомства АС удалось отстоять свое место в мире и определить основные стратегические направления на международной арене.

Однако популярность лейбористов в конце 1940-х гг. начала падать. Им не удалось национализировать банковскую систему и все авиационные службы. Эти предложения были дважды отвергнуты населением в ходе референдумов и объявлены неконституционными Высоким судом, а на выборах на уровне штатов АЛП стала терпеть поражения. Нестабильность подогревалась усилением борьбы коммунистических и католических группировок в рабочем движении в годы начавшейся «холодной войны». Последней каплей стало решение Б. Чифли подавить забастовку шахтеров, используя в качестве штрейкбрехеров армию. Все это привело в 1949 г. к поражению АЛП на федеральных выборах: предприниматели были напуганы усилением государственного контроля и широкими планами национализации при лейбористах, а рабочие не простили лейбористам безжалостного подавления забастовок.

И все же опыт послевоенного правления лейбористов стал одной из важных страниц в истории Австралии. Они сумели не только быстро наладить мирное течение жизни, но и заложить прочный фундамент нового общества, в состав которого вошли прибывшие сюда беженцы из Европы, где национального богатства хватало на поддержку всех нуждающихся. Жители Австралии получили свое гражданство, у АС появились новые партнеры на внешнеполитической арене, с голосами его дипломатов вынуждены были считаться представители крупнейших держав мира. Страна обрела прочное место в системе международных отношений.

Правление либерально-аграрной коалиции: от «золотых пятидесятих» к тревожным шестидесятым. В результате выборов 1949 г. власть перешла к политическим соперникам лейбористов, которых возглавил Роберт Г. Мензис. Восемь лет в оппозиции не прошли для него даром. За это время из 18 разрозненных не-лейбористских, консервативных политических группировок ему удалось воссоздать единую партию среднего класса – Либеральную партию Австралии (ЛПА). Во второй половине 1940-х гг. произошел поворот буржуазных государственных деятелей к идеям своих оппонентов в области социальной политики: и те, и другие «все больше сближались и находили точки соприкосновения в желательности основанного на смешанной эконо-

мике государства всеобщего благоденствия». В противовес АЛП лозунгами либералов стали отмена ограничений и восстановление свободы предпринимательства, уничтожение влияния КПА в профсоюзах, сбалансированная внешняя политика. Главной чертой Р. Мензиса считали его неколебимую веру в идеи либерализма и искреннюю приверженность всему английскому. Придя к власти в АС, он неизменно сохранял самые дружественные отношения с Соединенным Королевством. Однако его личные симпатии никогда не заслоняли интересов страны, чье правительство он возглавлял. В результате возглавляемая Мензисом коалиция ЛПА и аграрной партии продержалась у власти рекордное для Австралии время – с 1949 по 1966 гг.

Но начиналось все с наиболее громкой неудачи нового премьер-министра. Убежденный антикоммунист, Мензис предпринял попытку вновь запретить КПА. В 1950 г. она объявлялась вне закона, все ее имущество передавалось в ведение государства. Вводился запрет принимать коммунистов на государственную службу, а также провозглашалось право государственных органов объявить коммунистом фактически любого гражданина по подозрению в причастности к КПА и заключать его в тюрьму сроком на 6 лет. Этот закон действовал в течение пяти месяцев, пока в марте 1951 г. Высокий суд не признал его не соответствующим КАС. Спорный вопрос был вынесен на референдум, на котором за запрет КПА высказались лишь 48,8% избирателей, против – 49,9%. Сохранение свободы слова и мысли, а также презумпции невиновности граждане АС считали более важными, чем коммунистическая угроза.

Впрочем, разразившийся в 1954 г. скандал вокруг «дела Петрова» помог укрепить престиж правительства либералов. В результате довольно запутанной игры спецслужб третий секретарь посольства СССР в Канберре В.М. Петров попросил политического убежища, его супруга осталась вместе с мужем в АС, где они прожили под чужими именами долгие годы. Последовавший вслед за этими событиями по инициативе Советского Союза громкий разрыв дипломатических отношений еще раз продемонстрировал австралийцам причины озабоченности их руководства, предупреждавшего об опасной деятельности советской агентуры в АС. Впрочем, этот громкий шпионский скандал не-

долго омрачал отношения наших стран. Спустя два года ситуация начала меняться к лучшему: состоялся обмен профсоюзными делегациями, возобновились поездки спортсменов и деятелей культуры. В 1959 г. было заключено соглашение о возобновлении дипломатических отношений, а также о торговом и культурном обмене.

Куда больший резонанс эти события имели все же внутри самой Австралии. Слушания по делу В. Петрова в специальной королевской комиссии раскололи страну и послужили концом для многих политических карьер, в частности, стоили поста лидера лейбористов Г. В. Эватту. Прямым их следствием стал произошедший в 1957 г. раскол АЛП, часть членов которой вошла в состав Демократической лейбористской партии (ДЛП). Большинство ее сторонников были католиками и выступали в защиту буржуазной демократии с христианских позиций. Деятельную поддержку оказывал им Дэниэл Патрик Мэнникс, в течение 46 лет занимавший кафедру архиепископа Мельбурна и ставший одним из наиболее авторитетных представителей духовенства в истории Австралии. Главным организатором создания и деятельности ДЛП стал его протеже – журналист и общественный деятель Бартоломео О. Сантамария, также считающийся самым влиятельным австралийским внецерковным политиком-католиком XX в. Его взгляды формировались в русле положений знаменитой энциклики папы Льва XIII, и Сантамарию можно охарактеризовать как христианского демократа, сторонника католического варианта социально ориентированного государства. Он отстаивал идеалы традиционной семьи и христианских ценностей и одинаково недолго любил и коммунизм, и капитализм, в которых видел угрозу нормальному развитию человека. В молодости ему даже импонировала социальная политика Б. Муссолини; но он никоим образом не разделял нацистских идей и видел ошибку Италии в союзе с Германией Гитлера.

В противовес коммунистам в профсоюзах АС Сантамария создал организации Католическое движение социальных исследований, которое возглавлял в 1943–1957 гг., и Австралийское движение социального содействия. До самой кончины архиепископа Д. Мэнникса ДЛП оказывала серьезное влияние на ход политической жизни АС, а Б. Сантамария неизменно пользовался

уважением лидеров либеральной партии как «голос австралийского консерватизма» и истинный христианский демократ по взглядам. Начиная со второй половины 1950-х гг., сторонники ДЛП на федеральных выборах поддерживали партии коалиции, отдавая им свои вторые предпочтения в избирательных бюллетенях, что способствовало победам либералов и аграриев. Со своей стороны, Р. Мензис стремился держать союзников под контролем и учитывал их требования в своей политике. В 1964 г. он распространил систему государственной поддержки на католические школы и привлек на свою сторону часть избирателей-католиков ДЛП. Только в 1970-х гг. популярность этой партии пошла на убыль в связи с войной во Вьетнаме и резким снижением религиозности среди австралийцев, переживавших в эти годы, пожалуй, самую серьезную в истории страны революцию нравов.

Однако все эти события не сказались на позициях Мензиса, ибо в активе премьера были, прежде всего, экономические успехи, достигнутые Австралией в годы его правления. Послевоенный рост цен на шерсть обеспечил стране устойчивые доходы от ее продажи; поставки продовольствия в Европу укрепили положение фермеров. В период с 1950 по 1975 г. посевные площади увеличились в полтора раза, и Австралия была одним из крупнейших поставщиков пшеницы. По производству шерсти страна оставалась лидером среди капиталистических стран. Эти показатели достигались главным образом за счет интенсификации и механизации сельскохозяйственного производства.

В свою очередь бум в горнодобывающей отрасли, разработка новых полезных ископаемых на обнаруженных богатейших месторождениях бокситов, никеля, урана, нефти и газа позволили стране обеспечивать до 65% ее потребностей в энергетическом сырье за счет внутренних ресурсов. Развивались и старые отрасли: недра континента содержали практически всю таблицу Менделеева, богатства которых теперь стали востребованы как никогда ранее. За период с 1962 по 1975 гг. стоимость продукции горнодобывающей промышленности выросла в 7 раз и составила 30% экспорта Австралии. Добыча полезных ископаемых превратилась в еще один важный источник экспортных поступлений в казну. Огромные доходы этой отрасли привлекали представите-

лей не только австралийского, но и иностранного капитала, инвестиции которого стремительно росли. Наряду с англичанами интерес к Австралии все активнее проявляли американцы, японцы, французы. Поменялись и внешнеторговые партнеры: место Великобритании постепенно занимали Япония и США.

Все это стало базой для экономического рывка 1950–1960-х гг.: в 2 раза выросло количество промышленных предприятий, в 3 раза – стоимость произведенной на них продукции, в 4 раза поднялся уровень энергоснабжения. Строились крупные машиностроительные, судостроительные, авиастроительные заводы, военные и оборонные предприятия. Быстро развивался транспорт. Все большую популярность приобретали авиация – как пассажирский перевозчик и морские суда – как средство грузоперевозки. Сокращалась роль железнодорожного и городского общественного транспорта за счет роста количества автомобилей в частном пользовании. В экономику пришли австралийские женщины: 20,4 % женщин работали по найму и составляли до четверти сотрудников в сфере торговли и административном аппарате; однако в те годы их труд по-прежнему оплачивался ниже труда мужчин. В 1959 г. был создан Резервный банк, который вплоть до конца XX в. отвечал за монетарную политику и поддержание финансовой стабильности, включая устойчивость платежной системы. Если к этому прибавить низкий уровень инфляции, стабильные цены и практически полную занятость населения, то станет очевидно, что в те годы АС обладал одной из наиболее сбалансированных экономических систем мира. Причем изменился сам характер экономики: из страны некогда преимущественно аграрной она превратилась в индустриально-аграрное государство.

При этом либерально-аграрная коалиция не отказывалась от активной социальной политики. В годы правления Р. Мензиса были приняты девять важных законов, устанавливавших всевозможные виды финансовой помощи малоимущим гражданам страны: вдовам, инвалидам, детям, студентам. Резко пошел вверх и уровень жизни в АС. В быт каждого гражданина вошли как норма личные автомобили, пылесосы, холодильники, стиральные машины и телевизоры. Культ дома и семьи был возведен в абсолют.

Высокое качество жизни сказывалось и на уровне рождаемости. В 1954–1966 гг. в стране родилось более 1,7 млн. младенцев; прирост за счет иммигрантов составлял свыше 847 тыс. человек (88,1% из них было европейцами). Это свидетельствовало о том, что по составу населения Австралия была практически полностью европейской, прирост населения которой, вдобавок, обеспечивала в первую очередь рождаемость внутри страны. Горожане составляли в 1966 г. 83% населения АС, а в сельской местности проживало всего 16,62%. Все это вместе взятое способствовало тому, что по уровню и комфортности жизни АС занимал одно из первых мест в мире. Дома жителей Австралии стали окружать заботливо ухоженные сады, австралийцы обратили внимание на проблемы охраны окружающей среды и воспитания бережного отношения к уникальной фауне и флоре своей страны. В 1965 г. был создан Австралийский фонд охраны окружающей среды, который выступал как консультант правительства по природоохранным вопросам.

Уделялось большое внимание развитию системы образования. Вдвое выросло число университетов, и европейские стандарты обучения стали доступны практически каждому австралийцу. В 1964 г. во всех крупнейших городах страны действовали 11 университетов, в стенах которых учились более 76 тыс. студентов. Впервые начал читаться курс истории Австралии в высшей школе. В помощь обучающимся были открыты новые библиотеки, работали 26 крупных музеев, 18 художественных галерей, ботанические и зоологические сады, книжные издательства. Государство выделяло средства для приглашения в Австралию лучших ученых со всего мира. В АС началось использование атомной энергии в мирных целях; был осуществлен запуск первого австралийского искусственного спутника Земли с космодрома Вумера в Южной Австралии. Эти тенденции продолжали развиваться и в дальнейшем.

Изменилось и отношение интеллектуальной элиты к своей стране: австралийская интеллигенция стала возвращаться на родину, ища признания прежде всего здесь. На страницах литературных журналов разворачивались дискуссии о месте Австралии и ее самобытности. Эта тема находила непосредственное отражение на страницах романов и повестей Джуды Уотена, Димфны

Кьюзек, Алана Маршалла и других. Вышли на пик своей популярности ставшие в наши дни классиками австралийской живописи Уильям Добелл и Рассел Драйсдейл. Настоящий расцвет театрального искусства в АС начался с создания в 1956 г. Австралийской оперы и в 1962 г. Австралийского балета – национальных трупп, в финансировании которых самую активную роль играло государство. В их репертуар входила не только мировая классика, но и оперы и балеты, написанные австралийскими композиторами. В балетных школах, где преподавали и русские танцовщики, получили профессиональную подготовку многие артисты и балетмейстеры АС. Новинкой пятидесятых стала широкая популярность студенческих театральных трупп (они и ныне существуют почти при каждом крупном университете), а также профессиональное творчество аборигенов: выступления артистов, поэзия Кэт Уокер.

Своего рода всеобщим признанием международного статуса АС стало проведение в 1956 г. Олимпийских игр в Мельбурне. Они вызвали огромный интерес во всем мире. Особую гордость вызвала победа австралийских пловцов, которые завоевали 8 из 13 первых мест в различных видах состязаний на воде.

В сфере внешней политики в период правления Р. Мензиса доминировали предпочтения самого премьер-министра. С одной стороны, отдавалось должное историческим связям – сохранялись самые тесные контакты с бывшей метрополией. В 1954 г. молодая, только что взошедшая на престол королева Елизавета II стала первым правящим британским монархом, вступившим на землю Австралии. Премьер-министр оказал ей самый радушный прием. Одним из наиболее важных считался пост высокого комиссара в Лондоне; политические связи подкреплялись военным сотрудничеством. Космодром Вумера в Южной Австралии был построен для испытаний новых британских ракетных установок и образцов оружия. Он стал центром широкой и засекреченной сети австралийских исследовательских центров по разработке ракетной и космической техники. Однако в 1960-х гг. стремление Великобритании вступить в Общий Рынок и явная заинтересованность в Европе как в ближайшем союзнике не могли остаться незамеченными в доминионах. Это ставило австралийских политиков в трудное положение и толкало к поиску новых тор-

говых и политических партнеров – как больших, так и малых. В качестве таковых выступили КНР и Япония. Среди ближайших и уже проверенных временем союзников оставалась Новая Зеландия, с которой в 1965 г. было подписано одно из первых соглашений о свободной торговле. Это в значительной степени помогло обоим странам снизить издержки, связанные с потерей льгот на британском рынке.

С другой стороны, АС продолжал тесное сотрудничество с США, видя в этой стране самый мощный заслон распространению коммунистического влияния в странах Азии и гаранта общей безопасности в регионе. Были подписаны ряд международных договоров о военно-политическом сотрудничестве: АНЗЮС (1951 г.), СЕАТО (1954 г.), АНЗАМ (1955 г.). Они предусматривали самую тесную координацию усилий по укреплению обороноспособности стран-участниц, созданию системы региональной безопасности и противостояния коммунизму. Состав этих блоков как бы уравнивал положение АС между прежней опорой – Содружеством наций – и новыми региональными союзниками. Закреплялось самое тесное сотрудничество между Австралией и близлежащими к ней странами Азии. Подчиняясь обязательствам, закрепленным в рамках перечисленных организаций, АС принимал участие в ряде вооруженных конфликтов, разразившихся в те годы. Самыми продолжительными стали вооруженные операции в Малайе в 1950–1962 гг. В 1950–1953 гг. Австралия участвовала в войне в Корее. В 1962 г. австралийские военные подразделения отправились во Вьетнам. Впоследствии эта война породила серьезные расколы в обществе, австралийцы почувствовали себя стоящими «между капиталистическим миром во главе с Соединенными Штатами Америки и коммунистическим миром во главе с Советским Союзом и Китаем». Именно в годы вьетнамской войны зародилось австралийское антивоенное движение. Молодежь устраивала акции протеста у дверей американского дипломатического представительства в Канберре и на ступенях здания федерального парламента. Австралийцы, раньше мало интересовавшиеся внешней политикой, теперь обсуждали именно международные дела и шаги собственного правительства.

В рамках военно-политического партнерства с США на территории АС были размещены американские военные базы. Многие граждане АС всерьез опасались, что появление здесь этих объектов сделает их страну целью для советских ядерных ракет. Но правительство страны опасалось другого – остаться без защиты со стороны такого могущественного союзника как Соединенные Штаты.

Наряду с вооруженными методами противодействия коммунизму использовались и иные формы противостояния СССР и его союзникам. Укреплялись связи с соседями по региону. В 1952 г. был ратифицирован мирный договор с Японией. Австралия активно участвовала в процессе деколонизации. В январе 1950 г. министры иностранных дел стран Содружества в ходе консультаций в городе Коломбо на о-ве Цейлон предложили создать схему оказания двусторонней помощи развивающимся странам Южной и Юго-Восточной Азии. Впоследствии эта инициатива получила название «план Коломбо», и к 1954 г. к 7 государствам-инициаторам присоединился ряд стран указанного региона и США. После подписания Р. Мензисом в 1950 г. «плана Коломбо» в университетах Австралии прошли обучение тысячи студентов из стран «третьего мира». Австралийские специалисты отправлялись на работу в Азию и Африку для осуществления проектов помощи в тех государствах, с которыми были подписаны соответствующие соглашения, финансирование которых брал на себя АС. Приезжавшие на учебу в австралийские университеты студенты из соседних стран не нарушали привычного уклада жизни страны, были приняты доброжелательно и постепенно приучили австралийцев к более толерантному отношению к выходцам из стран Азии и Африки. Деловые круги Австралии были заинтересованы в расширении всесторонних контактов с этими государствами.

Все это не могло не сказаться на иммиграционной политике АС. Был проведен пересмотр практики квотирования въезда в страну: национальная принадлежность иммигрантов уже не учитывалась. Доминировавшая в 1947–1966 гг. политика ассимиляции явно давала сбой, и после 1966 г. заговорили о ее замене на курс интеграции, целью которого «было единство, а не навязывание однообразия». Однако дальнейшего развития этот курс

тогда не получил, и можно говорить лишь о начинавшемся в этот период постепенном отходе от принципов «белой Австралии».

Правление либерально-аграрной коалиции Р. Мензиса было отмечено и новыми шагами в сфере аборигенной политики. Ситуация в общинах чернокожих австралийцев, располагавшихся в глубинке континента, по-прежнему была тяжелой. Повышение уровня их жизни федеральное и штатные правительства, как и ранее, намеревались осуществить посредством политики ассимиляции. Для достижения этого создавались правительственные советы из аборигенов и членов общественных организаций, целью которых становилось благосостояние коренных жителей. В 1958 г. был учрежден Федеральный совет по развитию аборигенов и жителей островов Торрессова пролива, чей задачей стало сотрудничество властей и общин по подготовке к референдуму о гражданском равноправии; в 1961 г. – сформирован сенатский комитет по предоставлению аборигенам права голосовать на федеральных выборах. Эти решения стали важными этапами на пути к гражданской эмансипации коренного населения.

В 1960-х гг. в Австралии создаются многочисленные организации по защите прав аборигенов. Возглавляли их выходцы из выросшей к тому времени обеспеченной элиты коренных народов, получившей европейское образование и порой занимавшей высокие посты в правительственных учреждениях. В 1959 г. на аборигенов была распространена выплата пособий в рамках системы вэлфер. В законодательстве Северной Территории, а затем и в других субъектах АС, были приняты поправки, по которым в индивидуальном порядке аборигенам, продемонстрировавшим «добрый характер и привычки трудолюбия», выдавался сертификат, подтверждавший их права граждан АС. Однако эти документы, изымаемые при первом же нарушении правопорядка у их владельцев, по оценке обозревателей, представляли собой некое подобие «временного гражданства».

Художник-абориген Альберт Наматжира

Тем не менее, нельзя не видеть изменений в положении аборигенов в послевоенные годы. Помимо появления среди них образованного слоя, важно отметить и рост их социальной активности в широком смысле. Приобрел широкую известность художник-абориген Альберт Наматжира, записываются и литературно обрабатываются заметки аборигенов об их жизни, появляется своего рода их мемуарная литература. В те же годы началась поистине подвижническая деятельность знаменитой впоследствии не только в АС, но и во всем мире аборигенки Шерли Перри, известной как Мама Шерл. Ее бескорыстие и безграничная любовь к ближним снискали ей всеобщее уважение. В 1963 г. борьба аборигенов за свои права вступила в новый этап. От пассивной по сути своей взаимной поддержки на индивидуальном уровне они перешли к более активным коллективным действиям, началось движение за восстановление земельных прав коренных жителей Австралии.

Роберт Г. Мензис и Гарольд Холт

Глава австралийских либералов Р. Мензис ушел в отставку в 1966 г. в ореоле славы, обладая непререкаемым авторитетом в стране. Королева Елизавета II за верную службу возвела его в рыцарское достоинство и удостоила целым рядом британских наград. Период правления этого премьер-министра до сих пор ассоциируется у жителей АС с «золотыми пятидесятыми». Противники Мензиса и критиковали главным образом его «монар-

хизм и приверженность всему британскому», но успех этого политика как раз и состоял в «его беспрецедентной способности выразить и использовать консерватизм австралийского народа», который он ощущал как никто другой. Общим итогом деятельности Р. Мензиса и всего послевоенного развития Австралии стало ее превращение в крупное индустриально-аграрное государство, реально претендовавшее на роль лидера в Южно-Тихоокеанском регионе. Правление коалиционных кабинетов продолжалось и в следующем десятилетии, когда до этой уютной и несколько патриархальной страны стали все чаще доноситься отголоски бурь быстро менявшегося окружающего мира.

Глава 8. Развитие Австралии накануне рыночных реформ (вторая половина 1960-х – 1970-е годы)

Наследники Мензиса. Авторитет этого выдающегося политика помогал его коллегам по либеральной партии удерживать власть в АС еще в течение шести лет, но ни один из них так и не сумел превзойти его достижения. То, что у либералов не нашлось по-настоящему достойного преемника, было отчасти и виной самого их лидера. Ревниво относившийся к успехам коллег по партии, он убирал подальше от реальных рычагов правления более-менее выдающихся соратников. В итоге в январе 1966 г. премьер-министром АС стал протеже и любимец Мензиса Гарольд Холт. Этот человек был более открытый и менее консервативный по взглядам, чем его прежний шеф. Он много работал, редко отдыхал и оставил по себе двойственное впечатление.

Самым крупным провалом Г. Холта считают внешнюю политику. Недолгое его правление ознаменовалось продолжением войны во Вьетнаме. Однако участие в боевых действиях неизбежно приводило к новым потерям в армии и подъему антивоенного движения в Австралии. Особое возмущение вызвали тесные контакты главы кабинета министров с США. Недовольство охватило общественность страны, и противостояние принимало самые жесткие формы. Австралийцев раздражала излишняя приверженность Холта американской внешнеполитической линии, которая особенно ярко проявилась во время визита в АС в 1966 г. президента США Л. Б. Джонсона. В том же году страны под-

писали соглашение, по которому американцы размещали свои секретные стратегические установки связи на построенной в Северной Территории базе в Пайн Гэп. Холт постоянно наращивал австралийский военный контингент во Вьетнаме. Его заявление о намерении правительства увеличить там численность австралийских войск до 8 тыс. вызвало небывалый дотоле подъем антивоенного движения, к которому присоединились КПА, религиозные организации и набиравшее силу в те годы движение защитников мира. Если учесть, что в середине 1960-х гг. до Австралии докатилась охватившая тогда Европу «революция молодых», проявлявшаяся в популярности хиппи, критике буржуазных устоев, пропаганде вседозволенности и левацких настроений, то ситуация приобретала весьма непредсказуемый оттенок. Волна протеста достигла своего пика в 1970 г., когда на улицы выходили до 200 тыс. человек, заставлявшие замереть жизнь в больших городах на время проведения их акций. К тому же военные расходы АС резко пошли вверх, наблюдался рост цен и налогов, что приводило к еще большему недовольству граждан страны, которые ответили на это забастовками и демонстрациями протеста с требованиями повышения заработной платы.

Холт столкнулся и с необходимостью внести серьезные изменения в иммиграционную политику в плане ее либерализации. Начало этому в 1965 г. положили лейбористы, с большим трудом исключившие из своих программных документов лозунг «белой Австралии». В ответ на эти действия оппозиции в 1966 г. министр по делам иммиграции коалиционного кабинета Х. Опперман увеличил квоту приема выходцев из стран Азии. Квалифицированным специалистам оттуда разрешили селиться в Австралии вместе с их семьями. Международный аспект новой политики – вхождение АС в сферу азиатского региона – был очень сильным аргументом, и сам Холт установил личные контакты с лидерами большинства стран Юго-Восточной Азии и открыл посольство на Тайване.

Основные заслуги Г. Холта относятся к сфере внутренней политики. В 1966 г. в стране была введена новая валюта: австралийские доллары и десятиричная система в соотношении доллара и цента сменили английские фунты стерлингов. Через год Холт впервые в истории страны прекратил увязывать курс австралий-

ского доллара с курсом британского фунта, что, однако, вызвало серьезные опасения его коллег по партии, увидевших в этом угрозу австралийскому платежному балансу и возможность роста стоимости производства сельскохозяйственной продукции.

Джон МакЮэн

При нем в 1967 г. был принят закон о предоставлении гражданских прав аборигенам Австралии, отменявший дискриминационную 127 статью КАС и вносивший соответствующие поправки в ряд ее разделов, касавшихся положения коренного населения. Референдум, проводившийся по этому вопросу, показал практически единодушную поддержку населения этой инициативе правительства: 91% австралийцев высказался «за». Это дало мощный толчок развитию самосознания аборигенов и официального признания их заслуг. Художник-абориген Гарольд Томас

создал флаг аборигенов Австралии. Вскоре впервые в стенах федерального парламента появился старейшина племени джагера, ставший в 1971 г. сенатором от либеральной партии, Невилл Томас Боннер. Он первым поставил вопрос о необходимости признать его народ первонаселенниками Австралии и владельцами этих земель.

Правление Г. Холта оборвалось внезапно: в декабре 1967 г. премьер-министр пропал в водах океана у побережья Виктории. Его исчезновение спровоцировало назревавший кризис в руководстве коалиции. До выборов нового лидера либералов у руля правления АС очень недолго стоял лидер аграриев Джон МакЮэн. Он был, пожалуй, наиболее влиятельной политической фигурой своего времени, однако этот «политический гигант» с его колоссальным опытом и авторитетом возглавлял всего лишь младшего партнера в коалиции. Только в начале 1968 г. разногласия в ЛПА были улажены, и после ожесточенных внутрипартийных споров на пост премьер-министра вступил Джон Грей Гортон.

Бывший военный летчик и человек твердых убеждений, Гортон возглавлял правительство всего один срок и успел сделать немного. По своим политическим взглядам это был националист и центрист, но такие позиции не являлись в те годы самыми популярными. В парламенте премьер-министр держался достаточно независимо, отодвигая в сторону всемогущую бюрократию и опираясь главным образом на штат своих помощников. Не имея четко разработанного плана проведения конкретных политических мер, он чаще всего действовал спонтанно, исходя из своего понимания ситуации.

В области внешней политики Гортон беспокоили неравноправные отношения с США. Американцы по-прежнему мало считались со своими партнерами по АНЗЮС: так, они проинформировали главу австралийского правительства о прекращении военных действий во Вьетнаме лишь за 22 часа до официального заявления по радио. Ему оставалось только вывести из Вьетнама австралийские войска, что и было сделано в 1971 г. Отношения с Великобританией резко ухудшались после 1968 г., когда Лондон объявил о сворачивании своего военно-политического присутствия к востоку от Суэца. В рамках прово-

димой АС самостоятельной внешней и региональной политики в 1971 г. был основан Южно-Тихоокеанский форум (ЮТФ) – межправительственный консультативный орган по кооперации независимых стран Океании и защите их интересов. Австралия стремилась сохранить свои позиции в регионе.

В экономике страны стали возникать нешуточные проблемы. Ежегодный прирост продукции, составлявший во второй половине 1960-х гг. порядка 5%, в 1971–1972 гг. снизился до 3%. Иностранный капитал в 1972 г. контролировал 88% машиностроительной, 80% химической, 93% фармацевтической промышленности АС. Страна испытывала неудобства ввиду зависимости от иностранных инвестиций и технологий. В условиях быстрого роста промышленности прежние механизмы ее поддержки уже не годились: крупные корпорации все меньше нуждались в традиционных протекционистских мерах, а сохранявшиеся высокие тарифы становились теперь тормозом на их пути к мировым рынкам. Продолжался рост цен. Профсоюзы все настойчивее выступали за повышение заработной платы, а прежняя система социальной помощи не справлялась с растущими потребностями, особенно в сфере образования и здравоохранения.

Курс внутренней политики, предлагавшийся Гортоном, нашел мало понимания среди его коллег по парламенту. С одной стороны, при нем значительно выросли размеры пенсий и упрощались условия их получения. В 1968 г. как подразделение Департамента премьер-министра и кабинета был учрежден Австралийский совет по делам искусств, усилиями которого оказывалась государственная поддержка деятелям культуры. С другой стороны, мало кому из его окружения импонировал авторитарный стиль управления Дж. Гортон. Неудача партий коалиции на выборах 1969 г., когда АЛП получила дополнительно 18 мест, стала причиной усиления оппозиции премьер-министру внутри его собственной партии. Ситуация обострилась в период споров между федеральным и штатными правительствами относительно того, кому из них принадлежит право контроля над прибрежной акваторией континента. Здесь были найдены богатые месторождения нефти и газа, и попытки центра забрать регулирование использования этих минеральных ресурсов в свои руки наткнулось на серьезное сопротивление субъектов федерации. Последней

каплей в чаше терпения либералов стала отставка с поста министра обороны Малколма Фрейзера, объяснившего свой уход тем, что Дж. Гортон «не годится для великого поста премьер-министра». Глава кабинета не смог простить ему таких слов, и до конца своей жизни радовался всем промахам своего обидчика. Поссорившись со всеми своими соратниками в правительстве и в штатах, в 1971 г. Гортон был вынужден уйти в отставку.

Всего 21 месяц смог продержаться у власти его соперник и преемник на посту главы правительства Уильям Макмагон. Заявив о себе как о «человеке партии», он оказался весьма податливым политиком: отказался от курса своего предшественника, пошел на уступки штатам, предложив передать им сбор части налогов. Однако пресса явно не симпатизировала премьер-министру, которому так и не удалось собрать вокруг себя команду единомышленников. В публичных же дебатах он явно проигрывал молодому и напористому новому лидеру лейбористов Эдварду Гофу Уитлему. Макмагону не удалось вывести страну из кризиса, а его неумелые попытки угодить сразу всем привели к тому, что среди самих либералов раздавались призывы «вернуть Гортона».

Страна оказалась на распутье: нарастали экономические трудности, требовавшие пересмотра многих основ хозяйственной политики; общество искало ответа на чрезвычайно популярные среди молодежи лозунги радикального пересмотра старой морали, бросающие вызов традиционным устоям общества. Решение этих проблем пытались найти политики обеих главных партий, но симпатии большинства избирателей склонялись к лейбористам. Сказывалась и «усталость» от долгого пребывания у власти коалиции, глубокий раскол в ее рядах и отсутствие среди ее руководителей яркого лидера, который мог бы повести за собой страну.

Возвращение АЛП: кабинет Г. Уитлема. На выборах в декабре 1972 г. предпочтение было отдано АЛП, к руководству которой пришло молодое поколение политиков. Новый лидер – Э.Г. Уитлем видел задачу своего правительства в том, чтобы «дать новую жизнь и новое значение... основам современной демократии» и найти некий средний путь между капитализмом и социализмом, избегая их зол и крайностей. Его подходы в целом

восходили к традициям австралийского лейборизма, но одновременно делали его привлекательным для интеллектуалов, женщин, предпринимателей. Это защищало партию от диктата профсоюзов и значительно расширяло ее электоральную базу. Уитлем возглавил ту часть АЛП, которая выступала как за модернизацию собственной партии, так и за модернизацию страны в целом.

Эдвард Гоф Уитлем

Предпринятые Уитлемом шаги продемонстрировали масштабность программы преобразований, нацеленных на укрепление внутривластной ситуации и международного положения страны. За первый год пребывания у власти его кабинет принял более тысячи решений и учредил около 100 экспертных комиссий практически по каждому аспекту жизни нации. В сфере внутренней политики был взят курс на всемерное развитие

социальных реформ. В системе образования вводились государственные субсидии государственным и частным школам и университетам; отменялась плата за обучение в вузах и технических колледжах; закладывались основы системы среднего специального образования. Выплата пособий учащимся средней школы, включая детей аборигенов, делала эту ступень образования доступной практически для всех. За годы правления Уитлема расходы на образование выросли в два с лишним раза. В сфере здравоохранения разрабатывалась программа всеобщего государственного медицинского страхования «Медибэнк», вводились субсидии, частично покрывавшие стоимость лечения в частных клиниках. Помощь в государственных больницах становилась для большинства австралийцев фактически бесплатной. Продолжалась расширяться система государственного социального обеспечения: снимались ограничения на получение пенсий по старости, устанавливался единый размер всех социальных выплат. Эта практика распространялась и на недавних иммигрантов. Общая сумма государственных расходов на пенсии, пособия, помощь бездомным и субсидии (вплоть до оплаты похорон, телефонов) за год выросла почти вдвое.

Осуществлялись и широкомасштабные проекты строительства домов по доступным ценам, целями которых провозглашались «увеличение эффективности наших городов; увеличение равенства наших граждан». Проблемы экологии и сохранения уникальной природы континента стали затрагиваться и в публичных выступлениях лейбористских лидеров. Они призывали сограждан к «мобилизации науки и технологии в направлении экологического образа жизни». В 1972 г. Группа объединенной Тасмании, «первая зеленая партия в мире», выставила своих кандидатов на выборах в своем штате. В результате усилий защитников природы в 1975 г. акватория Большого Барьерного рифа была объявлена зоной морского природного парка и взята под защиту государства.

«Палаточное посольство» аборигенов

Еще одной сферой приложения сил правительства стал женский вопрос. С 1947 по 1972 гг. число женщин, занятых в производстве, выросло почти вдвое, они составляли 33% рабочей силы, но платили им в среднем лишь $\frac{2}{3}$ того, что получали мужчины. Под давлением женских и профсоюзных организаций правительство Уитлема ввело принцип равной оплаты труда мужчин и женщин. В 1973 г. был создан департамент по делам женщин, который возглавила Элизабет Рид. Был дан мощный толчок австралийскому феминизму. Отход от прежней модели общества, в которой женщине отводилась второстепенная роль, приобрел необратимый характер и стал набирать невиданные прежде обороты. Главным выражением нового статуса женщин стало их активное участие в рынке труда: понятие «работающая мама» стало нормой. В 1974 г. был принят новый закон о семье, упростивший основания для расторжения брака и повлекший за собой волну разводов среди жителей АС. Это было началом серьезных изменений в семейной и общественной жизни австралийцев.

Постепенно менялось отношение к аборигенам. В начале 1972 г. напротив здания парламента в Канберре они разбили палаточный городок, прозванный «Аборигенным посольством». Его обитатели выступали от имени всех коренных австралийцев, демонстрируя их единство в борьбе за свои права. Теперь они являлись полностью самостоятельной политической силой со своими отдельными требованиями и задачами: выдвигались как экономические (компенсация за утраченные земли, получение доли в прибылях горнодобывающих компаний, работавших на землях аборигенов), так и политические (самоопределение и самоуправление общин) лозунги. Наиболее популярным журналом, посвященным этим проблемам, стал «Айденити» («Подлинность»), росли ряды аборигенной интеллигенции – врачей, юристов, преподавателей. Еще в 1965 г. Сиднейский университет закончил Чарльз Перкинс, ставший первым аборигеном, получившим высшее образование и возглавившим борьбу за отмену расовой дискриминации своего народа. Правительство не осталось в стороне от этих тенденций. В 1973 г. был создан федеральный департамент по делам аборигенов, который развернул активную работу по улучшению жизни коренных австралийцев. Для них строились госпитали и школы, где преподавание велось на их родных языках, финансировалось создание кооперативов по развитию традиционных промыслов и ремесел. Была сформулирована программа из 5 пунктов по вопросам аборигенного землевладения, обеспечивавшая им право на необъемлемую собственность на их земли, государственную охрану их святынь, контроль над добычей полезных ископаемых на их землях и финансовые выплаты за пользование их территориями. Правительство Уитлема приняло решение, чтобы все горнодобывающие компании Северной Территории передавали в Фонд помощи аборигенам 10% стоимости произведенных работ. Было создано Юридическое агентство для правового обслуживания аборигенов, а также Бюро по искусству аборигенов, призванные обеспечить всемерное развитие самобытной культуры этих народов.

Но наиболее резкие изменения претерпели иммиграционная, а за ней и политика регулирования межэтнического взаимодействия: правительство приступило к внедрению модели поощрения культурной многоукладности общества (культурного плю-

рализма, или мультикультурализма), целью которой было сохранение национальной самобытности каждого проживающего в Австралии этноса на базе равенства всех граждан. Концепция нового курса была заимствована министром по делам иммиграции Элом Грассби из практики Канады и таких документов ООН, как Всеобщая декларация прав человека (1948 г.), Международная конвенция по гражданским и политическим правам (1966 г.). Видение места АС как «составной части Австроазиатского региона, компонента Индонезии, нашего ближайшего соседа, Филиппин, Новой Зеландии, Малайзии и южной части Тихого океана», стало основой решительных перемен. На основе данной парадигмы уже к середине следующего десятилетия выросли идеология и политика мультикультурализма, который, по мысли его разработчиков – представителей университетской и политической элиты АС, должен был соединить трудно соединимое – «единство в многообразии» – и положить конец политике ассимиляции, заменив ее на культурный плюрализм.

При столь кардинальных переменах никто не уделял должного внимания этнокультурным особенностям нового потока иммигрантов и их совместимости с основной массой населения страны, хотя опыт сложных взаимоотношений белых австралийцев и аборигенов должен был неизбежно подтолкнуть к такому вопросу. Не бралось в расчет и общественное мнение, хотя большинство опросов 1960–1970-х гг. показывали как минимум настороженное отношение граждан АС к массовому наплыву мигрантов из Азии. Указывая на причины принятия мультикультурализма, его защитники открыто признавали, что этот курс «был не столько результатом стремлений большинства австралийцев к культурному плюрализму, сколько результатом отказа австралийских аборигенов и мигрантов полностью пожертвовать своим уникальным культурным наследием».

В рамках новой политики на федеральном и штатном уровнях учреждались специальные департаменты по этническим вопросам, выделялись деньги на организацию национальных школ, специальных программ телевидения и радиовещания и т.п. Выходцы из стран Азии стали составлять значительную долю в числе новых граждан страны. Результатом этого курса стало быстрое формирование и консолидация этнических диаспор, кото-

рые постепенно начинали играть все большую роль в политической жизни.

На все эти преобразования требовались немалые средства, и мысли о сильном государстве, которое могло бы свободно распоряжаться ресурсами для претворения своих идей в жизнь, все больше занимали умы команды Уитлема. В своих предвыборных выступлениях молодые лейбористы неоднократно поднимали вопрос о пересмотре Конституции, делая акцент на внесении в ее текст Билля о правах. Под лозунгом «нового федерализма», предусматривавшего практику тесного сотрудничества государственной власти на всех уровнях, предпринимались попытки ревизии КАС в сторону дальнейшего усиления полномочий федерального центра. Решение кабинета направить прямые финансовые потоки из центра в органы местного самоуправления вызвало ожесточенное сопротивление со стороны штатов, которые лишались последних остатков самостоятельности. Оппозицию субъектов федерации возглавил премьер Квинсленда Йоханнес Бьелке-Питерсен. Это был политик авторитарного склада, единственный глава Аграрной партии, который стал в своем штате лидером коалиции аграриев и либералов и управлял им без перерыва рекордно долго – с 1968 по 1983 год. После угрозы Квинсленда выйти из Австралийского Союза и провала референдума о праве федерального правительства оказывать прямую финансовую помощь органам местного самоуправления в обход штатов лейбористы отложили решение конституционного вопроса до лучших времен.

Однако самым слабым местом в политической программе нового лидера оказалась экономика. Под лозунгом «экономического национализма» лидеры АЛП намеревались укрепить австралийскую промышленность, ограничить размеры иностранного капитала в АС и установить государственный контроль над использованием природных ресурсов. Все это означало еще большее вмешательство правительства в хозяйственную жизнь страны и, хотя такой подход не противоречил традициям австралийской политической жизни, но его результаты на сей раз оказались не в пользу АЛП. Ограничение всевластия иностранных монополий обернулось сокращением притока инвестиций (в добывающей промышленности – в 6,7 раза). Отмена налоговых

льгот и субсидий на поиск новых месторождений привела к свертыванию производства и росту безработицы, что совсем не способствовало популярности правительства Уитлема ни в деловых кругах, ни в рабочей среде. Трудности в экономике усугубил нефтяной кризис 1973 г., повлекший за собой рост цен и увеличение инфляции (до 13% в 1974 г.). Лейбористы начали постепенно отказываться от политики протекционизма. В 1973 г. ставки части тарифов были снижены в среднем на 25%, в итоге импорт вырос на 30%, а торговый дефицит – на 1,5 млрд. долл. Тем не менее, бюджет 1974 г. предусматривал дальнейший рост правительственных расходов, особенно в сфере образования. Попытка найти займы за рубежом с помощью пакистанского финансиста Т. Хемлани привела к громкому скандалу, что никак не способствовало укреплению позиций правительства. Репутация Уитлема, как политика, разбирающегося в экономике, серьезно пострадала.

В области внешней политики кабинет Г. Уитлема, руководствуясь главным образом принципами самостоятельности и регионализма, стремился превратить АС в одну из ведущих держав в ЮТР. Провозглашалась ббльшая независимость от Великобритании: проводился конкурс на новый флаг и гимн АС, была отменена система британских наград и титулов. Именно в годы правления Уитлема был принят новый государственный гимн «Вперед, прекрасная Австралия», а прежний «Боже, храни королеву» исполнялся только в присутствии членов королевской семьи. Учрежденный Орден Австралии заменил собой прежнюю систему британских наград. Впоследствии такие меры получили название «нового национализма». В какой-то степени это отчуждение было спровоцировано политикой самого Лондона: серьезным испытанием для экономики АС стало вхождение Великобритании в европейский Общий рынок в 1973 г., которое положило конец ее традиционным отношениям с доминионами и означало для австралийцев потерю привилегированного положения как основного поставщика продукции на рынок бывшей метрополии. Это подтолкнуло и к дальнейшему укреплению отношений с Новой Зеландией, которые должны были сделать связи двух соседок реальными и глубокими и помочь им выйти из

трудностей, связанных с новой ситуацией в рамках Содружества наций.

Одновременно провозглашался курс на уменьшение зависимости от США. Сохранив членство в АНЗЮС, СЕАТО и согласившись на продолжение военного сотрудничества с Пентагоном, лейбористы частично пересмотрели условия участия в этих союзах, поставив АС на позиции равноправного партнера со своими собственными интересами. Кабинет Уитлема прекратил помощь Южному Вьетнаму, ратифицировал Договор о нераспространении ядерного оружия, требовал от Франции прекращения испытания своих атомных испытаний на островах Тихого океана, что не могло нравиться ни Вашингтону, ни Парижу. Еще меньше устраивало США явное потепление отношений с СССР и странами социалистического лагеря. Были установлены дипломатические отношения с ГДР, КНР, ДРВ, КНДР и Польшей, расширялась торговля со странами СЭВ. Во второй половине XX в. стало закономерным, что периоды улучшения в австрало-советских отношениях совпадали с приходом к власти лейбористских правительств в АС. В 1973 г. Австралию посетил советский министр внешней торговли Н.С. Патоличев, вслед за ним – делегация Верховного Совета СССР. В 1973 г. ответный визит в Москву нанес секретарь департамента иностранных дел А.У. Кейси, а в 1975 г. в СССР прибыл премьер-министр Г. Уитлем, ставший первым главой правительства АС, посетившим с официальным визитом нашу страну. В результате проведенных переговоров на высшем уровне были подписаны соглашения о сотрудничестве в целом ряде областей.

Была начата борьба с расовыми предрассудками: Уитлем считал, что «пятно расизма, что порочит нашу репутацию в отношениях с Южной Африкой, Новой Гвинеей и нашими собственными аборигенами, должно быть устранено, если нам суждено быть добрыми соседями с нашим регионом». Столь же непримиримой оставалась позиция АС по отношению к Португалии, режим которой лейбористы до «революции гвоздик» считали реакционным. Одновременно расширялись дипломатические связи с арабскими странами, австралийские посольства были открыты в Саудовской Аравии, Алжире, Кувейте, Иордании, Сирии. Завершилась подготовка к переходу Папуа – Новой Гвинеи

к самоуправлению, и в 1975 г. ей была предоставлена независимость. За годы пребывания у власти лейбористы в полтора раза увеличили объем помощи развивающимся странам; главными получателями ее оставались Папуа – Новая Гвинея и страны – участники «плана Коломбо».

Стремясь упрочить положение АС как полностью самостоятельной державы в ЮТР, лейбористы одновременно разворачивали программу «выкупа Австралии», предполагавшей освобождение от экономической зависимости от США и Великобритании путем покупки государством акций транснациональных корпораций, вложивших свои средства в австралийскую экономику. Таким способом лейбористы стремились вернуть себе хотя бы частично разработки австралийских минеральных ресурсов и установить государственный контроль над горнодобывающей промышленностью, тем самым позиционируя себя «как партию австралийских интересов», а либералов и аграриев – «как марионеток большого бизнеса и заморских многонациональных интересов». Идея «выкупа Австралии» была оставлена после того, как основные внешнеполитические партнеры АС высказали свое недоумение по поводу курса АЛП.

Ситуация в экономике постепенно приобретала тревожный характер. Розничные цены за год выросли в среднем на 13,2%, уровень инфляции достиг почти 20%, безработица составила 5,2%. В бюджете на 1975/76 финансовый год предусматривался дефицит в размере почти 3 млрд. австрал. долл. Пресса в этой связи констатировала: Уитлем «убедил австралийский бизнес, что АЛП и хорошее экономическое управление – вещи несовместные». Кроме того, эксперименты АЛП далеко не всегда находили безоговорочную поддержку на местах: в 1973 г. на выборах в парламент штата Виктория одержали победу их противники; то же повторилось в НЮУ, Квинсленде и Западной Австралии, а затем в Северной Территории и в Тасмании. Отчасти причины спада симпатий к АЛП крылись и в личности ее лидера. Выступая в парламенте, Уитлем демонстрировал не только начитанность, но и резкость суждений – в том числе и о присутствовавших коллегах по палате представителей. Вполне возможно, что впоследствии многие припомнили ему его злой язык.

Конституционный кризис 1975 г. и его последствия. Рас-
тущее недовольство курсом АЛП приобретало массовую под-
держку и вылилось в противостояние кабинета и оппозиции в
стенах федерального парламента. Дважды подряд – в 1974 и
1975 гг. – сенат, большинство мест в котором принадлежало оп-
позиции, отказывался утвердить ряд важных законопроектов
правительства (в том числе бюджет), предусматривавших еще
один виток расходов. Это фактически парализовало деятельность
государственного сектора экономики. Оппозиция настаивала на
проведении новых всеобщих выборов; совместное заседание
обеих палат, предусмотренное КАС как средство решения таких
конфликтов, не принесло успеха. В последние месяцы 1975 г.
ситуация зашла в тупик.

В создавшемся положении генерал-губернатор сэра Джон
Керр использовал свои полномочия и 11 ноября 1975 г. объявил
о неспособности кабинета министров управлять страной, созда-
нии временного правительства под руководством лидера оппо-
зиции Малколма Фрейзера и досрочном роспуске парламента и
проведении внеочередных выборов.

Почитатели и поклонники Уитлема из среды левой интелли-
генции увидели в действиях Керра заговор международного ка-
питала и грубое вмешательство Великобритании во внутренние
дела АС, и с их легкой руки эти события получили название «го-
сударственного переворота по-австралийски». Реакция рядовых
сторонников премьер-министра на его отстранение от власти
была весьма бурной. Митинги и демонстрации протеста на ули-
цах крупных городов собирали до 50 тыс. человек, несогласие со
смещением избранного народом премьер-министра назначенцем
королевы было лейтмотивом выступавших ораторов. Но на дос-
рочных выборах в декабре 1975 г. избиратели в большинстве
своим проголосовали против курса Уитлема: его прямые против-
ники – либералы и аграрии получили 53% голосов, а АЛП –
только 42,8%. Победа партий коалиции была абсолютной: 91 ме-
сто в палате представителей и 37 – в сенате (у АЛП, соответст-
венно, 36 и 25). По словам австралийского историка Ч. М. Клар-
ка, местный «электорат еще раз продемонстрировал истину, что
история скроила его твердым консерватором: в выборе между

status quo и умеренным изменением он четко придерживался консервативного образа жизни».

Малколм Фрейзер

Премьерство М. Фрейзера. Пришедшая к власти либерально-аграрная коалиция оказалась в затруднительном положении. Лейбористы не собирались сдаваться; общественное же мнение было отнюдь не целиком на стороне нового премьер-министра. Мировоззрение М. Фрейзера основывалось на постулатах традиционного австралийского либерализма XX в.: вере в силу частной инициативы и в необходимость защищать права личности в противовес чрезмерному государственному регулированию; уважению принципов парламентаризма; отстаиванию интересов нации в целом, а не отдельных ее частей или классов. Прогрессивной интеллигенцией страны такие, очевидно умеренные подходы расценивались как симптомы поправления курса либералов.

В каком-то смысле внутри либеральной партии действительно усиливались позиции сторонников течения «новых правых». За фасадом официальной риторики скрывались перипетии внутрипартийной борьбы между двумя течениями в либерализме АС: правыми, по тогдашней терминологии, «сухими» (сторонниками монетаристской школы и опоры на рыночную экономику), и умеренными, или «мокрыми» (предпочитавшими более привычное для Австралии государственное регулирование). Однако лидер правящей коалиции старался сглаживать эти противоречия и

проводить сбалансированный, курс на стабилизацию, действуя при этом в духе традиций преемственности, характерных для политической культуры Австралии – без коренной ломки всего, что было сделано предшественниками.

Главной проблемой стала коррекция положения в экономике страны: в первую очередь, необходимо было обуздать рост инфляции и безработицы, сократить дефицит бюджета. Для чего была проведена полная индексация подоходного налога. В ходе последовавшей вслед за этим реформы налогообложения были введены льготы частному бизнесу и выделены субсидии на развитие промышленности. На фоне режима жесткой финансовой экономии сокращались выплаты на социальные нужды, искусство, охрану окружающей среды. Сфера услуг стала одной из самых динамично развивавшихся отраслей экономики: в 1975 г. в ней было занято 55% общего числа работающих.

В рамках провозглашенного правительством курса «нового федерализма» была поставлена задача «обеспечить эффективный барьер против централистского авторитарного контроля». Но единственным серьезным шагом в этом направлении стало заявление о необходимости провести четкое разграничение юрисдикции и финансового обеспечения всех уровней власти в рамках проведения налоговой реформы, предусматривавшей передачу штатам части полномочий по сбору налогов. Однако предлагавшаяся схема не устраивала австралийских политиков на местах: они просили обеспечить им в перспективе прямой доступ к подоходному налогу. В итоге общая сумма выплат штатам существенно не выросла, а сами субъекты федерации не спешили воспользоваться сомнительным правом налагать дополнительные налоги, что было чревато быстрым всплеском недовольства избирателей.

В то же время были сняты некоторые ограничения на иностранные инвестиции, пшеница и мясо потеснили шерсть в качестве основных продуктов экспорта; самые большие прибыли приносила торговля энергетическим сырьем и минералами. Западная Австралия и Квинсленд как основные поставщики минерального сырья стали резко вырываться вперед, обгоняя остальные штаты. Однако такая большая зависимость от экспорта, с одной стороны, втягивала страну в процессы глобализации ми-

ровой экономики, а, с другой, ставила ее в тесную зависимость от торговых партнеров и делала очень уязвимой.

В целом экономическая политика Фрейзера оказалась недостаточно успешной. В результате принятых мер инфляция пошла на спад, но одновременно сократилась занятость населения: к 1978 г. число безработных превысило 400 тыс. человек. Для решения этой проблемы было создано Бюро по делам отношений в промышленности, однако эффективность его деятельности была невелика. Следствием всего этого стало падение доходов рядовых австралийцев: в 1982 г. из 15 млн. населения страны около 2 млн. жили ниже уровня бедности.

В области отношений с коренным населением кабинет Фрейзера продолжил линию его предшественников. В 1976 г. парламент принял Закон о праве собственности на землю аборигенов Северной Территории: пятая часть ее земельного фонда переходила на правах держания в распоряжение тех общин, которые имели свои святынища в этих районах. Позже аналогичные законы появились в Южной Австралии, Новом Южном Уэльсе; в Квинсленде, Западной Австралии и Тасмании эти проблемы решались гораздо труднее; но в целом сфера их приложения затронула в целом почти 11% территории страны. Постепенно правительство пыталось урегулировать вопросы предпринимательства на землях аборигенов; и хотя горнодобывающие корпорации всячески стремились свести к минимуму отчисления от своих сверхприбылей, определенную долю от их доходов аборигены все же получали.

Но главное для многих из них были не только финансовые доходы. «Нам не нужны деньги. Мы хотим нашу землю», — заявляли представители аборигенов на переговорах с бизнесменами. Полученные туземцами территории передавались в ведение земельных советов, которые представляли соответствующие племена. Разрабатывалась программа поощрения предпринимательства в местных общинах: предлагалось оплачивать аборигенам их занятия охотой и собирательством и учитывать время для проведения их традиционных религиозных церемоний. В эти же годы при университетах создавались центры по изучению юридических прав аборигенов и проводились конференции по этим

вопросам. Правительство коалиции начало также разрабатывать политику самоопределения аборигенов.

В сфере иммиграционной политики М. Фрейзер руководствовался принципами «гуманитарной приверженности приему беженцев для переселения», в рамках которой охотно предоставлял статус беженца многим соискателям и расширил приток иммигрантов из Азии. Среди граждан АС в массовом порядке появляются выходцы из ЮВА: на континенте нашли приют порядка 30 тыс. беженцев из Вьетнама, молодежь получила доступ к высшему образованию, и эта волна иммиграции достаточно успешно адаптировалась в новой для них среде. Австралийское общество отнеслось к ним с определенной долей симпатии и понимания, как к жертвам вьетнамской войны, весьма непопулярной в АС.

Политика мультикультурализма при Фрейзере также не оспаривалась и получала дальнейшее развитие. В 1980 г. был основан Австралийский институт по делам мультикультурализма, сформирована Комиссия по правам человека и ратифицирована Международная конвенция по искоренению всех форм расовой дискриминации. Хотя случаи столкновений на этнической почве были редки, чрезмерные уступки правительства требованиям аборигенов в земельном вопросе, а также увеличивавшийся приток иммигрантов из Азии порождали настроения настороженности среди белого населения страны.

Во внешней политике М. Фрейзер руководствовался главным образом своими собственными взглядами, поэтому перемены были более ощутимы. С одной стороны, он был широко известен как борец против апартеида в Южной Африке и противостоял правительству белого меньшинства в Родезии, где способствовал приходу к власти в 1980 г. Р. Мугабе. С другой стороны, более прохладными стали отношения со странами социалистического лагеря. Особенно резкими были выступления М. Фрейзера в период бойкота Московской Олимпиады 1980 г., когда в знак протеста против советского вторжения в Афганистан 35 стран отказались от участия в Играх, и Австралия вошла в их число. Впрочем, сделав резкие политические заявления на этот счет, премьер-министр не препятствовал участию австралийских спортсменов в состязаниях в Москве. Несмотря на призывы премьер-

министра, Австралийский олимпийский комитет большинством в один голос принял решение об отправке команды в Москву. Позже, уже в отставке, Фрейзер и сам признался, что его попытка бойкота была ошибкой.

Кабинет коалиции возобновил тесные контакты с США, которые по-прежнему считали ЮТР зоной «фундаментальных американских интересов». На территории Австралии разместились около 40 военных объектов США. Действие пакта АНЗЮС было распространено на Индийский океан, к которому тогда проявлял большой интерес СССР; там же была проведена серия военноморских учений и завершено строительство ряда военных баз на прилегающей территории Австралии. В условиях продолжавшейся холодной войны кабинет Фрейзера, с одной стороны, поддерживал США, а с другой, в первую очередь стремился защитить собственные австралийские военные и торговые интересы. Так, оказывая всемерную поддержку своим американским союзникам, австралийские государственные деятели просчитывали и потенциальные угрозы предоставления своих баз в их распоряжение, опасаясь, что такое тесное сотрудничество может увеличить риск ядерной атаки на АС или же поведет к ослаблению самостоятельности Австралии на международной арене. Поэтому главным направлением было оказание помощи без ущерба для национальных интересов АС.

Одновременно укреплялись региональные связи. Австралия признала индонезийскую аннексию Восточного Тимора, хотя и предоставила убежище многим беженцам с этого острова. В 1980 г. создан Комитет тихоокеанского сотрудничества, целью которого было политическое и экономическое объединение стран Океании под эгидой АС. Австралия, крайне заинтересованная в расширении своего присутствия в АТР, налаживала самые тесные контакты в соседями, в частности, со странами АСЕАН.

Предпринятые меры несколько улучшили общее положение страны, но начало мировой экономической депрессии в 1982 г. сказалось и на Австралии: поползла вверх инфляция, в стране насчитывалось около 700 тыс. безработных, прошли массовые забастовки. Все чаще раздавались протесты против экономической политики либералов, не все соглашались с политикой в отношении аборигенных земель. Пошел на спад минеральный бум

в Австралии. На репутации правительства ощутимо сказался скандал с уклонением от налогов, в котором были замешаны ряд видных членов Либеральной партии.

Значительно ослабил позиции коалиции и раскол в рядах либералов. В апреле 1977 г. часть несогласных с курсом премьер-министра объявила о создании партии Австралийских демократов (АД), по определению ее первого лидера Дона Чиппа, – «новой реформистской партии», ориентированной на «более просвещенные группы общества». Основу ее политики составляли «принципы честности, терпимости, сострадания и прямой демократии», защита окружающей среды и прав животных, неприятие примата экономического рационализма, внимание к здравоохранению и мерам социальной поддержки, протест против ядерных технологий и оружия. Пик популярности АД пришелся на 1977 г., когда на федеральных выборах она получила 9,4% голосов избирателей; впоследствии ее рейтинг держался в пределах 5–6%. В 1980 г. Д. Чипп провозгласил свой знаменитый лозунг – «Заставим ублюдков быть честными». Под этим подразумевались намерения сделать политику страны открытой и доступной для всех граждан. В последние десятилетия XX в. демократы занимали места в парламентах ряда штатов, а также в сенате. Первым сенатором от АД стала Джэнин Хейнс, и самое активное участие женщин в руководстве этой партии стало еще одним отличительным ее знаком. Демократам удалось несколько потеснить традиционные парламентские объединения, и их фракция заняла на федеральной арене позицию третьей силы.

Итогом всех этих изменений стало поражение партий коалиции на федеральных выборах 1983 г., что еще больше укрепило убеждения молодой генерации либералов в том, что прежние методы управления страной безнадежно устарели.

Изменения в общественном сознании страны. В определенном смысле 1970-е гг. стали еще одним рубежом для Австралийского Союза. Во многом поменялись базовые постулаты как внутренней, так и внешней политики страны: ушли в прошлое имперская лояльность и приверженность Британской империи, а также политика «белой Австралии»; нуждались в пересмотре общее направление экономического курса, протекционизм, арбитраж и степень государственного регулирования. Партии коа-

лиции, менее склонные к политическому экспериментированию, стремились по возможности сдержать бег времени. Но экономические трудности начала 1980-х гг. подстегивали элиту АС к более решительному пересмотру основ «австралийского соглашения» начала XX в.

Уход из жизни в эти годы сразу двух столпов традиционного либерализма Австралии – Р. Мензиса и Дж. МакЮэна – знаменовал своего рода рубеж эпохи. К этому времени правительство Фрейзера окончательно отказалось от проведения протекционизма и большей части того комплекса политических подходов, которые составляли базис австралийской государственности и которые всю свою жизнь отстаивали представители старшего поколения государственных деятелей страны.

Характерной чертой политической жизни в конце 1970 – начале 1980-х гг. стало упрочение позиций неолиберализма, который в Австралии получил наименование экономического рационализма. Главной идеей этого учения являлась вера в силу рыночной экономики, убеждение, что «не может быть иной формы разума, кроме логики рынка». Своего рода реакцией на укоренившуюся в государственной практике политкорректность стало появление и распространение взглядов новых правых, которые пропагандировали отход от государственного регулирования в сторону индивидуализма, защиту прав и свобод личности, традиционных семейных устоев и стабильной внешней политики. Эти идеи оказывали самое серьезное влияние как на АЛП, так и на партии коалиции, особенно либералов. Аграрии, как всегда, сохраняли большую приверженность к традициям. Таким образом, АД оставались единственной лево-популистской партией в большой политике АС.

Важно, наконец, указать и на еще одну характеристику 1970-х гг. Они стали временем трансформации традиционной общественной морали: в АС открывались секс-шопы, в журнале для женщин «Клио» публиковались фото обнаженных мужчин, были организованы, несмотря на протесты обывателей, нудистские пляжи. Австралийские гомосексуалисты стали открыто выступать в защиту своих прав. В 1978 г. в Сиднее в районе Кинг Кросс, славившемся своими вольными нравами, состоялся первый в истории АС гей-парад Марди Гра. Свобода нравов, мода

на туфли на платформе и расклешенные брюки очень нравились молодежи. Она же первая подхватила и новые тенденции в музыке, с успехом гастролировали в АС Род Стюарт, Дэвид Боуи, ансамбль АББА; появилась АС/DC – австралийская рок-группа, приобретающая мировую известность. Эпатаж стал основой популярности.

На фоне массовой культуры не тускнели и достижения австралийских мастеров. В эти годы расцветала слава таких мастеров художественного слова, как Морис Уэст, Джудит Райт. Патрик Уайт – романист, поэт и драматург, удостоенный в 1973 г. Нобелевской премии в области литературы, – стал наиболее крупным представителем модернизма в АС. Воплощением новых тенденций в живописи Австралии стали работы Сиднея Нолана, Артура Бойда и Альберта Таккера. В противовес засилью Голливуда на австралийском экране появились свои яркие мастера. Так, в 1975 г. возшла звезда режиссера Питера Уира: удостоился награды его полнометражный фильм «Пикник у Висящей скалы», а «Галлиполи» с Мэлом Гибсоном в главной роли стал практически культовым для австралийцев, чтущих память героев первой мировой войны. Театральные сезоны открывались во всех крупных городах страны, к постановкам привлекались самые известные писатели и художники. На мировых подмостках заблестала оперная дива Джоан Сазерленд. Австралийские композиторы и хореографы поставили более 50 балетов на местные темы. Была заложена традиция регулярного проведения разнообразных фестивалей искусств. В 1973 г. было завершено строительство Сиднейского оперного театра, ставшего самым оригинальным архитектурным проектом своего времени. Канберра приобретала новые черты. В 1968 г. здесь была открыта Австралийская национальная библиотека, в фонды которой отправлялся обязательный экземпляр каждой напечатанной в АС книги. Здание этой библиотеки знаменовало собой новые тенденции в австралийской архитектуре – строгие геометрические формы, окруженные по периметру колоннадой-верандой, и щедрый декор внутри в виде ярких витражей и гобеленов. Американский архитектор Р. Джургола в 1979 г. построил в австралийской столице новый комплекс зданий парламента АС; уникальный облик квартала дипломатических представительств определили посольства,

где каждое было построено в архитектурных традициях того государства, которое оно представляло. Рост популярности телевидения, а затем появление персональных компьютеров и интернета, доступ к которому практически уничтожил фактор удаленности этого государства от мировых центров, еще больше способствовали вовлеченности австралийцев в мировое пространство.

Раздел III

ВРЕМЯ СМЕНЫ ПАРАДИГМ (последняя четверть XX – начало XXI века)

Глава 9. «Перестройка по-австралийски» - проект АЛП

Лейбористы начинают реформы. По результатам выборов в марте 1983 г. к власти пришли лейбористы во главе с их новым лидером Робертом Ли Хоуком. Для австралийцев он был олицетворением национального идеала: «смесь мускулов и товарищества, прагматизма и лоска, интеллектual с замашками посетителя салуна». По приходе к власти Хоук постарался наладить «долговременную гармонию в промышленных отношениях и снизить накал вечной борьбы между боссами и рабочими», призывая к национальному примирению.

Роберт Ли Хоук

Избиратели, видя в нем харизматического лидера, выказали этому политику безоговорочное доверие. Хоук и его ближайшие сподвижники – представители правого крыла в АЛП – являли собой новое поколение лейбористов: высокообразованные, с большим опытом работы в политике, они понимали необходимость пересмотра тех основ, на которых держалась страна в течение почти столетия, верили в силу рыночных механизмов и пытались убедить в этом профсоюзную верхушку. Ближайшим помощником премьер-министра стал молодой и хваткий политик Пол Китинг, приверженец монетаристских методов в экономике, получивший пост казначея АС. Впоследствии аналитики, определяя причины успехов АЛП в начале 1980-х годов, говорили об удачном сочетании «шарма Хоука и компетентности Китинга».

Главной задачей новый премьер-министр называл «сплочение австралийцев». Он учел печальный опыт Г. Уитлема и, сохраняя традиционную опору на профсоюзы, пытался в то же время установить прочные связи с финансовым и коммерческим миром АС, чтобы представить «лейбористов как партию превосходного экономического менеджмента». Стержнем его внутренней политики стало Соглашение с профсоюзами 1983 г.: для стабилизации финансового положения страны уровень заработной платы замораживался, но по мере улучшений в экономике он пересматривался на основе индексации в соответствии с рядом экономических показателей. Профсоюзы обещали свою поддержку и отказ от забастовок на время действия Соглашения, условия которого впоследствии периодически подвергались ревизии.

В обмен на это лейбористы предлагали целый комплекс мер по поддержанию высокого уровня жизни населения. В области социальной политики проводились постепенные реформы. Созданная при Уитлеме и практически отмененная при Фрейзере государственная система медицинского страхования «Медибэнк» была в 1984 г. восстановлена под названием «Медикэар». Финансовой основой широкой структуры государственного медицинского страхования стали бюджетные средства и страховые платежи населения. Значительно увеличивалось субсидирование всех звеньев системы образования и развития науки. В рамках программы расширения занятости выделялись деньги на профес-

сиональную подготовку молодежи. Было создано порядка 1,5 млн. новых рабочих мест, и в течение 1980-х гг. уровень безработицы сократился с 10 до 6%. Вводились в действие выплаты целого ряда пособий, нацеленных на поддержку семей и безработных. В результате расходы бюджета на проведение всех социальных программ выросли за 1983–1989 гг. в 1,5–2 раза и составляли до 30% бюджетных трат.

В то же время создавался правительственный комитет по контролю над ценами, с 1984 г. был введен плавающий курс австралийского доллара, отменен контроль над обменом иностранной валюты, зарубежные банки приглашались к работе в АС. Это привело к серьезным изменениям в экономике страны и большей интеграции ее в глобализационные процессы. Крупным предпринимателям был предоставлен ряд льгот, и началась подготовка реформы налоговой системы. Так осуществлялось постепенное и осторожное проведение политики рыночных реформ, о необходимости которых заговорили первыми главные политические соперники лейбористов.

Однако в середине десятилетия состояние дел в экономике становилось все более настораживающим. Тормозом дальнейшего развития страны оставались высокий уровень налогообложения, непомерное влияние профсоюзов и частичное сохранение высоких тарифных ставок, что снижало конкурентоспособность австралийских товаров на мировых рынках. Это в свою очередь положило начало осложнениям в области промышленных отношений. В 1985 г. 40 тыс. фермеров собрались у стен парламента, чтобы выразить свой протест политике АЛП, в результате которой многие сельхозпроизводители вынуждены были закрыть свое дело. Особенно трудно приходилось молодому поколению, уровень безработицы среди которого составил 25%. Рост инфляции, безработицы, внешнего долга, доминирование экспорта сырья, а также новый виток депрессии во второй половине 1980-х гг., породили настроения беспокойства и среди членов кабинета лейбористов. В 1986 г. Китинг предупредил о необходимости перехода к более решительным мерам по реформированию экономики в духе идей неоконсерватизма по примеру Р. Рейгана в США или М. Тэтчер в Великобритании. Иначе, по его словам, Австралии грозило превращение в «банановую республику» –

сырьевой придаток развитых государств. Тогда же в обиход вошло понятие «перестройки у антиподов», что в австралийском варианте подразумевало переход к более жесткому монетарному курсу, снижению социальных расходов и более решительным мерам в области дерегулирования экономики и приватизации государственных предприятий. Экономические реформы, проводником которых был П. Китинг, включали в себя как введение плавающего курса австралийского доллара, так и дерегулирование финансовой системы, приватизацию убыточных отраслей, а также продажу акций государственного «Коммонуэлф Бэнк оф Острейлия» и авиакомпании «Квонтас», частичную реформу налоговой системы и снижение тарифов. Как казначею ему удалось снизить уровень инфляции с 9 до 7%, сократить до 39% ставки налога на корпорации. Однако на решительный пересмотр устаревшей налоговой системы Китинг так и не решился, опасаясь недовольства широких слоев населения.

Вопросы взаимоотношений с аборигенами стали одним из важных направлений в политике лейбористов. В 1983 г. на должность секретаря федерального департамента по делам аборигенов был впервые назначен абориген по происхождению, активист движения за права коренного населения страны Чарльз Перкинс. Чуть позже была создана Королевская комиссия по расследованию причин гибели аборигенов, находившихся в заключении. Ее доклад еще раз привлек внимание общественности к бедственному положению коренного населения страны, чей уровень жизни был гораздо ниже, чем у большинства австралийцев. В 1984 г. парламент принял закон об охране культурного наследия АС, под действие которого попадали и священные места аборигенов. Еще одним шагом правительства стал опубликованный в 1986 г. целый пакет инициатив, целью которых стал «переход от зависимости от вэлфэр, господствовавшей в прошлом, к мерам по усилению экономической независимости аборигенов». Политика развития занятости аборигенов включала в себя меры по созданию рабочих мест в сельских и отдаленных регионах АС, где концентрировалось аборигенное население; обеспечение «справедливого доступа» к ним коренных жителей; расширение их образовательных возможностей для успеха в современной экономике. В 1988 г. старейшины ряда племен обра-

тились к Хоуку с «Заявлением Барунга» (названо по месту проведения фестиваля аборигенов, который посетил премьер-министр). В тексте этого документа содержались требования предоставить коренному населению право на самоуправление; законодательно закрепить на федеральном уровне их собственность на родовые земли; выплатить денежную компенсацию за утраченные угодья; уважать их традиционную культуру; покончить с дискриминацией и даровать всю полноту гражданских, экономических и культурных прав. Такая программа вызвала неоднозначный отклик в австралийском обществе, и в итоге никаких серьезных шагов не последовало. Но публичным признанием важности проблем коренного населения можно считать тот факт, что в 1989 г. «Австралией года» была объявлена Лоуитья «Лоуис» О'Донахью, которая возглавила Комиссию по делам аборигенов и жителей островов Торресова пролива – только что созданный общенациональный орган управления делами коренных жителей.

Лейбористы продолжили и курс на расширение политики мультикультурализма. В 1990-х гг. выходцы из стран Азии составляли уже около 20% населения страны, и ряд заселенных ими районов крупных городов получили яркую этническую окраску. При этом этнические общины становились проводниками правительственной политики: они были получателями дотаций на культурные нужды своих членов, защищали их права, а их лидеры включались в процесс управления обществом. Была создана мощная, охватывающая все уровни власти – от федерального в лице Департамента по делам иммиграции и мультикультурализма до местного в виде самих этнических общин – структура. В ее задачи входила разработка и проведение в жизнь программ помощи этническим сообществам. Немалые государственные средства выделялись на организацию их школ и культурных центров, действовала Специальная Радиовещательная служба, которая вела вещание на 68 языках, а телевидение – на 60 языках этнических меньшинств с субтитрами на английском языке.

Этот курс принес ощутимую экономическую выгоду: оживились торговые связи с соседними странами, в 1987/88 гг. число бизнес-мигрантов из Азии составило 83% от общего числа пред-

принимателей, прибывших в АС и принесших с собой более 1 млрд. австрал. долларов. Быстрее росло население страны; наблюдалось и некоторое увеличение числа браков между европейцами и не-европейцами (дети этих людей, как правило, считали себя австралийцами). Заинтересованными в проведении данного курса оказались сотни тысяч людей: чиновники соответствующих государственных ведомств, преподаватели и переводчики, юристы и, наконец, члены этнических общин, почувствовавшие не только вкус сыпавшихся на них социальных благ, но и свою растущую политическую значимость как групп давления. Австралийские «политики оказались загипнотизированы голосами этнических меньшинств», чем воспользовались в первую очередь лидеры наиболее сплоченных азиатских сообществ: уже в конце 1980-х гг. голоса вьетнамцев и ливанцев оказывали серьезное влияние на исход местных выборов.

Первыми почувствовали опасность и выступили против политики мультикультурализма австралийские аборигены, усмотревшие в этой уравнилельной демократии по отношению к этническим меньшинствам ущемление своего уникального статуса, к которому они уже привыкли как к особой привилегии. Рядовым белым гражданам на бытовом уровне также были совершенно не симпатичны пригороды с высокой концентрацией этнических групп, где «австралийцы чувствовали себя нежеланными гостями». В 1988 г. только 8% участников опроса общественного мнения поддерживали курс на расширение иммиграции, а 68% выступали за ее сокращение. Особенный протест вызвал рост въезда именно из стран Азии. Некоторые общественные деятели попытались предостеречь об опасностях фрагментализации общества. В 1984 г. профессор Мельбурнского университета Джеффри Блейни, а вслед за ним один из ведущих либералов Джон Говард попытались повлиять на сокращение иммиграции из стран Азии, выступив с публичными заявлениями в поддержку сохранения британских традиций в культуре Австралии. В ответ левые силы внутри страны и правительства азиатских соседей АС обвинили Блейни в расизме и заставили его покинуть стены университета; Говарду же пришлось уйти в политическую тень. В австралийском обществе стали появляться новые запреты и ограничения, никому не позволялось выходить из жестких рамок

политкорректности, а замалчивание негативных фактов в угоду различным меньшинствам, весьма агрессивно реагировавшим на нелестные о них оценки, стало определять характер печати в Австралии.

Такое культурологическое утверждение самобытности Австралии сопровождалось дальнейшим развитием процесса ее размежевания с Великобританией. В 1985 г. австралийское правительство официально запретило все обращения в Тайный Совет королевы, и Высокий суд стал последней и единственной апелляционной инстанцией в АС. В 1986 г. был принят Закон об Австралии, зафиксировавший окончательное отделение АС от Великобритании: законы Соединенного Королевства объявлялись нелегитимными на территории АС, а единственным правом номинального главы государства – монарха Великобритании – оставалось право назначения своего представителя в Австралии – генерал-губернатора. Но проблема реформы КАС оставалась нерешенной, ибо в тексте Основного закона страны по-прежнему сохранялось много положений, фактически утративших силу за прошедшие с момента его принятия годы. Исправления в тексте КАС все так же регулировались 128 статьями, которая предусматривала сложную и длительную процедуру их принятия, что и было основным камнем преткновения для юристов и политиков Австралии. Начатая процедура пересмотра КАС затянулась на несколько лет и не привела к каким-либо ощутимым результатам. В сенат поступали петиции от представителей общественности, в которых заявлялось, что «Конституция Союза хорошо служила Австралии и не устарела, доказала свою гибкость и не должна быть радикально изменена».

Внешняя политика лейбористов. Определенные успехи наблюдались в области внешней политики. Главным внешнеполитическим и военно-стратегическим партнером Австралии оставались США, и на австралийской территории по-прежнему действовали американские военные базы. Лидеры АЛП неоднократно заявляли, что их курс не предусматривает полного подчинения своим американским партнерам. АС критиковал позицию США относительно Гренады, оказался участвовать в испытаниях американских стратегических ракет «МХ», скептически отнесся к американской Стратегической оборонной инициативе (СОИ),

активно участвовал в движении за ядерное разоружение. Кроме того, не были ликвидированы трения с США по поводу протекционистской политики американских властей, нацеленной на защиту интересов своих фермеров. Убытки, которые несли на мировых рынках австралийские сельскохозяйственные производители, не пользовавшиеся столь же мощным прикрытием со стороны своего правительства, серьезно влияли на австрало-американские связи.

Тесные военно-стратегические отношения с США были серьезно омрачены в 1985 г., когда Новая Зеландия в рамках борьбы за создание безъядерной зоны в ЮТР запретила заход в свои порты всех кораблей с ядерными установками на борту. По сути дела, это ставило трехстороннее сотрудничество в рамках АН-ЗЮС на грань распада, и австралийское правительство сделало все возможное, чтобы смягчить ситуацию и делом доказать верность своим партнерам. В 1991 г. премьер-министр Р. Хоук одобрил решение американского правительства оказать поддержку Кувейту во время Войны в заливе. На Ближний Восток были отправлены части австралийских ВМФ, сухопутные силы и медицинские подразделения численностью около 2 тыс. человек.

В такой непростой обстановке для АС оставался весьма актуальным вопрос поиска и сохранения союзников. Одним из основных, испытанных и давних партнеров была Новая Зеландия. В 1983 г. страны заключили важный Договор о тесном экономическом сотрудничестве, снимавший препятствия на пути передвижения товаров и капиталов. В 1991 г. было подписано Соглашение о создании тесного оборонного сотрудничества, что предполагало создание объединенной системы обороны с совместным военным командованием, координацию действий вооруженных сил и т.п.

Не обошли представители АЛП своим вниманием и страны соцлагеря. Улучшились отношения с СССР. Начавшиеся в нашей стране процессы перестройки привлекали пристальное внимание австралийских политиков, а инициативы М.С. Горбачева по мерам доверия в районе Тихого океана нашли понимание в Канберре. В 1987 г. состоялся важный обмен визитами: АС принял у себя министра иностранных дел Э.А. Шеварднадзе, а Москва встречала премьер-министра Р. Хоука. Итогом проведенных

переговоров стала подписанная обеими сторонами программа широкого торгово-экономического сотрудничества на 1987–1995 гг. Интерес к процессам, происходившим в СССР в тот период, был как никогда ранее высок практически среди всех слоев австралийского общества. Было также открыто посольство АС в Венгрии; расширялись связи с КНР. В 1984 г. министр иностранных дел АС У. Хэйден провозгласил Азию частью «нашего общего дома», сохранялось и самое пристальное внимание правительства к соседним странам. Если учесть тот факт, что именно в то время торговые отношения АС переживали серьезные трудности не только с Соединенными Штатами, но и с Европейским Союзом, также практиковавшим протекционистские меры для защиты своих товаров, станет понятно, насколько важным для страны стало открытие азиатских рынков. На страны АТР приходились теперь две трети австралийского экспорта и импорта.

Сохранялись и претензии АС на лидерство в ЮТР. Поддерживались постоянные контакты с главами соседних государств, принималось активное участие в проведении переговоров по целому ряду важных пунктов – от проблем ядерного разоружения и создания безъядерной зоны в ЮТР до вопросов конкретной помощи странам региона. Не отказываясь от союза с США, АС не забывал о своей роли регионального лидера, выступив с инициативой о провозглашении южной части Тихого океана безъядерной зоной и подписав в 1985 г. Договор Раротонга. Следующим самостоятельным шагом Австралии стали инициативы в области экономического регионального сотрудничества. В 1989 г. в Сеуле Р. Хоук предложил своим ближайшим соседям создать зону свободной торговли в азиатско-тихоокеанском регионе, и в составе новой организации Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС) представители АС на первых порах пытались играть ведущую роль. Главной целью этого соглашения был режим либерализации торговли в АТР, на который возлагали большие надежды руководители австралийской экономики, которая нуждалась в рынках сбыта своей продукции.

Впрочем, далеко не всегда этот поворот в сторону Азии приносил правительству АС желаемые плоды. Когда в начале 1990-х гг. экономическая ситуация в стране стала ухудшаться, некото-

рые лидеры более успешных стран ЮВА стали отзываться об Австралии как о «ненужном белом хламе Азии».

Смена руководства в АЛП в 1991 году. Внутриполитическая ситуация в конце 1980-х гг. также оставляла желать лучшего. С увеличением социальных выплат, которых постоянно требовали профсоюзы, росли дефицит бюджета и внешний долг АС. В качестве мер по борьбе с финансовыми проблемами стали сокращаться ассигнования на социальные нужды, вводилась плата за обучение в вузах, увеличивались налоги. Тогда же потерпели фиаско несколько крупных частных и государственных корпораций. Страну сотрясали забастовки, самой крупной их которых стала забастовка пилотов гражданской авиации в 1989 г. Безработица достигла 10%, и 94% австралийцев считали, что лейбористы ничего не сделали для улучшения общего положения дел.

Пол Китинг и Артур Бойд

Внутри АЛП ширилось сопротивление ряду экономических проектов правительства: левые лейбористы использовали малейшие промахи Хоука и его команды для укрепления своих позиций в партии и стране в целом. Стало практически открытым противостояние Хоука и Китинга в их борьбе за лидерство в пар-

тии. Впрочем, симпатии избирателей все еще оставались на стороне Хоука: 63% опрошенных признавали его лучшим премьер-министром АС. В этом смысле победа АЛП на выборах 1990 г. стала по сути дела личной победой ее лидера. Тем не менее, П. Китинг сумел привлечь на свою сторону видных фигур в составе кокуса, и в конце 1991 г. Хоук вынужден был уйти в отставку, что по австралийским законам автоматически означало смену главы кабинета.

Став премьер-министром, П. Китинг начал явно проводить политику, рассчитанную на одобрение левых сил в обществе. Его основными направлениями стали составляющие так называемой «большой картины» будущего АС: установления республики, примирения с аборигенами и тесных связей с Азией. Одной из наиболее радикальных его инициатив стал вопрос об изменении государственного устройства в АС с монархического на республиканское. Китинг, с одной стороны, рассчитывал на поддержку возникшего в 1991 г. Австралийского республиканского движения (АРД), а с другой – всерьез полагал, что окончательный разрыв с «европейским прошлым» поможет ему установить более доверительные отношения с азиатскими партнерами. Уже во время предвыборной кампании 1993 г. он объявил о своем намерении создать Федеративную республику Австралии к 2000 г. Премьер-министр учредил Совецательный комитет по вопросу о республике, но, осознавая, как трудно юридически провести столь радикальную перемену во властных структурах, в задачу ему поставил только разработку минимальных поправок к тексту КАС. Главой комитета был назначен юрист, предприниматель и один из лидеров АРД Малколм Тернбулл. Кампания по пропаганде республиканских идей в АС набирала обороты, но Китинг в первую очередь пытался приспособить республику к своим политическим амбициям и нуждам своей партии, и развернутая им кампания по вопросу о смене формы правления в АС больше походила на попытку отвлечь внимание избирателей от растущих сложностей.

В те годы проблемы аборигенов продолжали оставаться болевой точкой в политической жизни АС. В 1995 г. лужайка «палаточного посольства», ставшая местом проведения акций протеста коренных жителей, была объявлена Комиссией Австралий-

ского Наследия территорией культурного значения. Однако уровень жизни аборигенов разительно отличался в худшую сторону от среднестатистических показателей для белых австралийцев и продолжал падать до конца XX в. В 1991 г. была начата кампания национального примирения с аборигенами, целью которой стало достижение всеобщей гармонии к 2001 г. – столетию провозглашения федерации. Но решение Высокого суда 1992 г. по делу, возбужденному Эдди Коики Мабо – представителем племени, жившего на одном из островов в Торресовом проливе, – о земельных угодьях его народа отодвинуло этот срок. Высокий суд декларировал права аборигенов на их исконные территории и опроверг правомочность доктрины «ничейной земли», на основании которой территории аборигенов беспрепятственно занимались белыми австралийцами в течение всего периода европейской колонизации континента. Суд подтвердил право аборигенов и жителей островов Торресева пролива владеть и пользоваться землей в местах их традиционного обитания. Это право получило название Native Title (туземное, или аборигенное право собственности), по которому правительства штатов, заинтересованные в приобретении прав на разработку природных ресурсов, обязаны были выплатить традиционным владельцам компенсацию.

Принятый на основании этого решения в 1993 г. Закон об исконных правах аборигенов на их племенные земли стал рубежом в общественной жизни и юридической практике АС. Закон относился только к тем районам, на которые аборигены не просто претендовали, но могли доказать свои неразрывные связи с такими территориями. Для разрешения споров между держателями земель и аборигенами создавались специальные трибуналы по земельным правам. Активно включились в решение спорных проблем и аборигенные земельные советы, получавшие от правительства немалые средства для отстаивания своих прав на землю. Власти штатов оказались заваленными исками аборигенных общин на территории, которые в течение теперь уже столетий принадлежали другим людям.

В свете этого важными стали предпринимавшиеся попытки объединения усилий всех коренных жителей континента. Защитники их прав перешли на новый уровень политический борьбы: в конце 1991 г. в Кэрнсе на севере Квинсленда активисты борьбы

за права аборигенов сформировали Объединенную партию аборигенов, главной задачей которой было привлечь внимание общественности к нуждам коренных народов. В 1992 г. в Квинсленде была создана Австралийская партия коренных народов – первая политическая партия аборигенов. Ее организаторами стали представители всех общин аборигенов, живших вокруг города Брисбена. Причина ее учреждения была в том, что «широкие круги черных сообществ потеряли веру в главные политические партии ..., народу нужна была реальная и позитивная альтернатива». Все вышеперечисленное свидетельствовало о том, что одно из самых малочисленных национальных меньшинств АС постепенно занимало прочное место в политических структурах страны.

Чуть позже движение зеленых объявило о своих намерениях создать свою политическую партию в ответ на невнимание правительства АЛП к их требованиям. В 1983 г. под их давлением было остановлено строительство дамбы на реке Франклин в Тасмании, которое могло бы разрушить уникальные леса острова. Партия австралийских зеленых (ПАЗ) считает своим истоком именно эту борьбу и движение за ядерное разоружение в Западной Австралии; потому с самого начала она включала в свои требования не только защиту окружающей среды, но и лозунги мира, демократии и социальной справедливости. В качестве главы создававшейся Зеленой партии предлагалась кандидатура известного рок-певца и общественного деятеля Питера Гэррета. Чуть позже эту идею поддержал Боб Браун, лидер независимых зеленых в парламенте Тасмании, который уже в течение года обсуждал такой вариант с представителями экологических групп Австралии. В 1992 г. экологические организации создали всеавстралийскую Партию Австралийских Зеленых, первым их успешным кандидатом стал Б. Браун, получивший в 1996 г. место в сенате.

Появление на большой политической арене ПАЗ, как и АД, стало очередной попыткой поиска альтернативы основным политическим партиям, которые все больше сближались между собой в общем крене вправо. Именно годы правления Хоука–Китинга считаются периодом наибольшего влияния АД, когда представители этой партии умело использовали свое положение третьей силы в сенате. Электоральная поддержка АД ко-

лебалась в пределах от 5 до 10% голосов – главным образом, за них голосовали зажиточные обитатели спальных районов крупных городов.

Трудности во внутривнутриполитической жизни переплетались с проблемами во внешней политике. П. Китинг и министр иностранных дел Гэррет Эванс стали основной движущей силой в проведении в жизнь азиатской стратегии внешней политики АС. Премьер-министр заявлял: «Все, что мы делаем в нашей стране, зависит от наших успехов как торговой нации. А поскольку АТР является самым быстро развивающимся экономическим регионом мира, мы должны ощутить себя частью Азии». Все внимание дипломатов было обращено на Восточную Азию – наиболее динамично развивавшийся в те годы район. Механизмом проведения такого курса стал АТЭС, куда лидеры Австралии, во-первых, стремились привлечь новых членов (Китай, Тайвань, Гонконг) и, во-вторых, придать этой организации новое качество – основы системы коллективной безопасности в регионе. Но самое любопытное, эту инициативу приняли без особого восторга именно ее адресаты: страны АСЕАН, предпочитая действовать самостоятельно, затягивали переговоры, а в 1994 г. объявили о создании собственной организации по безопасности – Азиатско-го регионального форума.

В области внешней политики Китинг, несмотря на стремление укрепить связи с Азией, допустил ряд персональных промахов, главным образом, из-за резкости своих высказываний. Так, отношения с Малайзией ухудшились после того, как ее лидер д-р Махатхир бин Мохамад, обидевшись на определение «непокорный», данное ему австралийским премьером в одном из выступлений, пригрозил свертыванием экономических отношений АС. Австралийские правозащитники были недовольны дружбой Китинга с президентом Индонезии Сухарто и его сотрудничеством с индонезийскими военными на Восточном Тиморе.

Еще одно направление внешнеполитической активности, на котором АС стремился всегда к ведущим позициям, – участие в работе ООН, где австралийские дипломаты для создания нового имиджа Австралии в общественном мнении стран АТР взяли на себя роль посредника в отношениях между странами Запада и Азии. Дипломаты АС принимали активное участие в процессе

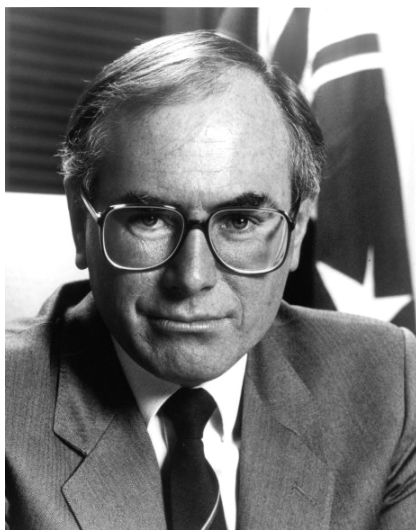
проведения демократических выборов в Камбодже и Бирме; в начале 1990-х гг. правительство отправляло миротворческие контингенты для участия в операциях ООН в Намибии, Персидском заливе, Западной Сахаре, Сомали, Боснии-Герцеговине и других государствах.

Таким образом, в годы правления АЛП в 1980 – начале 1990-х гг. были заложены основы нового курса АС, способствовавшего началу рыночных реформ и постепенному вхождению страны в глобальную экономику. Однако зависимость от профсоюзов и внутренние противоречия в рядах лейбористов не позволили завершить эти начинания.

Глава 10. Эпоха Говарда (1996–2007)

Реформы по версии оппозиции. Тем временем в лагере оппозиции происходили важные процессы. Годы правления АЛП либералы использовали для преодоления глубокого разлада в своих рядах и разработки новых программных документов. Особая роль в этом принадлежала Джону Говарду, занимавшему в 1985–1989 гг. пост лидера ЛПА. Себя он называл «экономическим радикалом» и социальным консерватором, что достаточно точно определяло направление его мысли: резкие изменения в экономической политике и максимальное сохранение традиционных ценностей австралийского общества. Его кредо было изложено в документе под названием «Будущие направления». Основой стали «пять Ключевых принципов»: «Укрепление семьи. Восстановление контроля людей над их собственной жизнью. Обеспечение большего набора побудительных мотивов и выбора. Утверждение справедливости для всех. Построение единой Австралии». Откликом на революцию нравов стали установки партий коалиции, главное внимание в которых уделялось проблемам семьи. В федеральных платформах Либеральной партии 1982 и 1987 гг. семья рассматривалась как «фундаментальная и наиболее важная общественная и связующая сила», но в годы упоения свободой от устаревших условностей такие призывы поначалу были признаны ретроградными и не снискали особой популярности в Австралии.

У аграриев были свои проблемы. Их социальная база естественным образом сокращалась по мере уменьшения доли сельского хозяйства в экономике страны, а вместе с ней падало и влияние на электорат. Попытки расширить ряды своих сторонников повлекли за собой смену названия партии: с 1982 г. она стала называться Национальной партией Австралии (НПА). Кризисные явления, наблюдавшиеся в партии, достигли своего апогея в 1987 г., когда в ходе предвыборной кампании амбициозный премьер Квинсленда Й. Бьелке-Питерсен решил без согласования с коллегами по коалиции выдвинуть свою кандидатуру на пост премьер-министра АС. Но его широкая популярность в собственном штате далеко не была таковой в масштабах всего государства. В результате шумной кампании «Джо в Канберру» он потерял пост главы правительства Квинсленда и сорвал очередную для либералов возможность добиться победы на федеральном уровне. Главным направлением в поисках своего пути стало участие аграриев в разработке новых программных документов коалиции. В связке с либералами они по-прежнему занимали по ряду вопросов более консервативные позиции, чем их поправевшие союзники.

Джон Говард

Все эти события переплетались с борьбой внутри самой Либеральной партии. В ходе разработки новой программы «План экономического действия» победу одержали идеи правого крыла ЛПА. Главной целью ее авторы видели восстановление конкурентоспособности австралийской экономики на мировых рынках и делали ставку на поощрение частного предпринимательства. В основе налоговой реформы лежали введение нового потребительского налога и снижение покровительственных таможенных тарифов. Предусматривалась также жесткая регламентация государственных расходов на социальные нужды, отказ от нерациональных трат. Предлагалось рассмотреть ряд новаций в области иммиграционной политики, сделать основной акцент на поощрении бизнес-иммигрантов и квалифицированных рабочих. Оппозиция предлагала скорректировать и политику мультикультурализма, сделав упор на праве государства самому решать, кому разрешить поселиться в АС, и обязанности новых граждан «быть готовыми поставить преданность Австралии превыше других лояльностей».

Наиболее значимым из программных документов оппозиции, обобщившим и детализировавшим все предыдущие, стал опубликованный в 1991 г. двухтомник под названием «Ответный удар», в котором излагался «план Либеральной и Национальной партий по перестройке Австралии». По сути своей, этот документ был тщательно просчитанной, детализированной и обобщенной дальнейшей разработкой «Плана экономического действия». Однако автор «Ответного удара» новый лидер либералов Дж. Хьюсон казался избирателям чересчур академичным, а его план реформ – сложным и подозрительным. Лейбористы умело создали ему репутацию экономического технократа, далекого от нужд простых людей, и пугали обывателей новой налоговой схемой. В результате очередные выборы 1993 г. позволили АЛП остаться у руля правления.

Период 1993–1996 гг. стал решающим для обеих сторон. Сохранив власть, П. Китинг главное внимание уделял хозяйственным вопросам: закончил дерегулирование финансового рынка, значительно снизил тарифы и сделал экономику Австралии одной из самых открытых в мире. Но полностью справиться с проблемами бюджетного дефицита и налоговой реформы ему не

удалось, и это не прибавило премьеру популярности среди широких слоев своих сограждан. Китинг так и не научился говорить по душам с рядовыми австралийцами, не простивших ему ни его обычной грубости и несдержанности, ни внутрипартийного «тихого переворота» 1991 года. Главной социальной опорой лидера АЛП оставалась левая интеллигенция, которую вдохновляла нарисованная им картина будущей Австралии: пестрой по этническому составу, полностью вписавшейся в АТР, с республиканской формой правления. В итоге у современников П. Китинг снискал больше популярности в качестве удачливого казначея при Р. Хоуке, нежели на посту его преемника.

Начало «неолиберальной эры». В результате симпатии избирателей к АЛП пошли на убыль, тем более что программные заявления двух ведущих политических сил страны к этому моменту сблизились настолько, что о них говорили, как о двойниках, отличавшихся лишь по названию. Выборы 1996 г. принесли ошеломляющую победу коалиции: ее представители получили подавляющее число мест в обеих палатах федерального парламента. Триумф либералов во многом был связан с вернувшимся в большую политику Дж. Говардом. Будучи осторожным и закаленным политиком, учитывая опыт собственных ошибок, в публичной риторике Говард умело перемешивал монетаристские постулаты с противоречащими им неокейнсианскими рецептами, воздерживаясь при этом от изложения конкретных приемов, с помощью которых либералы намеревались решать насущные проблемы. При этом правительство заверяло граждан, что оно ничего не будет изменять в государственном устройстве АС, не получив на то согласия избирателей. В области внешней политики премьер обещал восстановить связи АС со странами Европы и Америки, закрепив за Австралией статус европейской державы в АТР, а не просто придатка Азии.

Главным помощником премьер-министра и казначеем в его кабинете стал Питер Костелло, сторонник и проводник консервативной фискальной политики, чье имя стало пугалом для большинства средств массовой информации в АС. В какой-то степени этот дуэт консерваторов напоминал о когда-то весьма удачном тандеме Хоука и Китинга. Следует отметить, что впервые в состав кабинета министров вошли сразу четыре женщины, полу-

чившие портфели министров по социальным вопросам, занятости и образования, делам семьи, а также оборонной промышленности, науки и кадровой политики. Эти назначения отражали произошедшие в стране перемены в положении австралиек в 1990-х гг. Теперь уже никого не удивляли женщины у руля правления крупных корпораций, женщины-пилоты в ВВС, главы политических партий; посты премьеров и губернаторов в отдельных штатах тоже занимали женщины.

Ничто не препятствовало премьер-министру в проведении в жизнь его программы. Ключевыми моментами ее стали налоговая реформа, отношения в промышленности, иммиграция, борьба с терроризмом и война в Ираке, аборигены. Впрочем, осуществлялось все это весьма осторожно, и проведение преобразований растянулось на все сроки пребывания Говарда у власти: с 1996 г. по 2007 г., поскольку австралийцы четыре раза подряд отдавали на выборах предпочтение партиям коалиции. В первый год пребывания у власти был издан свод правил поведения государственных чиновников, предусматривавший, в частности, строгое соблюдение этики расходов и доходов самих госслужащих и их ближайшего окружения, а также запрет на злоупотребления своими привилегиями и на лоббистскую деятельность. «Кодекс министерской честности» был призван навести порядок в управленческом аппарате Австралии. Затем началось проведение реформы государственных служб, которая предусматривала сокращение штата и финансирования госаппарата, приватизацию госпредприятий, реструктурирование управленческих структур. Этими мерами Говард стремился сломить засилье бюрократов, воплотить в жизнь идеал правых либералов о «малом правительстве» и максимально возможно перевести деятельность госаппарата на рыночную основу. Фактически он и его кабинет проводили политику, начатую еще при лейбористах, но более ускоренными темпами. Кроме того, закон о государственной службе 1999 г. заменил строго централизованную систему управления на ряд самостоятельных агентств, ввел более жесткие критерии отчетности и стал первым камнем в основании дальнейших преобразований в деле усиления эффективности госуправления.

В области экономики либералы стали проводить в жизнь положения «Ответного удара», делая это крайне аккуратно. Учи-

тывая настороженное отношение населения к планам налоговой реформы, Говард отложил на потом введение непопулярного в Австралии налога на товары и услуги (НТУ). Режим же жесткой финансовой экономии был введен в первый же срок правления коалиции: для покрытия 8 млрд. долларов – таков был размер дефицита бюджета – сокращались государственные расходы на проведение существовавших при АЛП 70 программ социальной помощи, которые осуществляли 16 федеральных агентств, стоивших государству 1,2 млрд. долларов ежегодно. В том числе ограничивалось финансирование министерств и ведомств, частично снизились непроизводительные расходы на нужды образования, обороны, транспорта; была свернута помощь развивающимся странам.

Аналогичным образом либералы подстраивали под критерии рыночных отношений социальную политику. Выплаты пособий и пенсий регулировались новым законом о социальной безопасности 1999 г., контроль за его соблюдением осуществлял департамент по делам семьи и социальных служб. В 2001 г. федеральное правительство объявило о введении 4-годичной программы «Австралийцы, работающие вместе», в которой предусматривалось истратить 1,7 млрд. долларов на реформу социальной поддержки для малообеспеченных граждан. В результате этих изменений с 1997 по 2001 гг. практически на одном уровне (с поправкой на инфляцию) остались пенсии по старости. Сократили часть платежей в категории поддержки инвалидов и некоторые виды пособий для безработных. Подверглись пересмотру и по ряду показателей выросли платежи в категории поддержки семьи, пособия студентам и учащимся. В 1998 г. были введены новые правила получения пособия по безработице для молодых людей, получившие название «взаимных обязательств»: государство выплачивало им пособия при условии более активного поиска ими новой работы, переподготовки или повышения их квалификации. Таким образом, речь шла не просто о сокращении числа получателей пособий, а поощрении молодежи к активным действиям по поиску заработка в противовес безделью за счет казны.

Сохранялась в неприкосновенности система «Медикэар», постепенно росли лишь суммы страховых взносов; суммарно эти сборы составляли 17,5% от федеральных расходов на здраво-

охранение. В 1996 г. федеральное, штатные и правительства территорий заключили соглашение под названием Национальное общественное партнерство в вопросах здравоохранения, «как признание необходимости национального подхода к здоровью общества и развитию здравоохранения». Проводились масштабные мероприятия по профилактике и лечению самых опасных заболеваний: сердечнососудистой системы, рака, диабета и астмы. Принимались меры по борьбе с наркоманией: проблема эта была весьма серьезной, и в 1999 г. смертность от наркотиков и передозировки лекарств стояла на третьем месте после самоубийств и автокатастроф.

Коалиционное правительство немало времени уделяло коррекции проблем федерации. Велась постоянная работа со штатами по пересмотру финансовых отношений: им было предоставлен ряд налоговых полномочий в обмен на сокращение дотаций из центра. В рамках заключенного на 1998–2003 гг. соглашения по здравоохранению предоставлялись специальные гранты на развитие государственных госпиталей. Впрочем, принимая деньги от центра, штатные власти не всегда прислушивались к требованиям федерального правительства и пытались отстоять интересы своих граждан, там, где, по их мнению, таковые нарушались. Порой премьер-министру приходилось самым жестким образом настаивать на соблюдении федеральных законов. Так, несмотря на сопротивление жителей глубинки, для которых оружие было предметом обихода, в 1996 г. был принят закон, ограничивший свободный доступ граждан к полуавтоматическому оружию. Штатные власти сначала саботировали его исполнение, и только в 1999 г., после очередной трагической перестрелки в Новом Южном Уэльсе, они изменили свою позицию.

Продолжалась широкая программа приватизации государственных корпораций. По мнению специалистов, в 1996–1998 гг. была осуществлена «самая большая распродажа государственных предприятий в австралийской истории». Поменяли владельцев ряд крупных аэропортов, предприятий военного профиля, судоходных и железнодорожных компаний. Правительство рассчитывало за счет полученных средств (а они приближались к 100 млрд. долл.) погасить государственные долги и преуспело в этом: в начале XXI в. этот показатель составлял 7% от ВВП, что

приближалось к уровню ряда европейских стран, США и Японии. Государственные расходы в АС действительно стали одними из самых экономных в мире. Однако процесс приватизации вызывал ожесточенное сопротивление жителей глубинки, опасавшихся повышения тарифов на услуги со стороны новых распорядителей. Их поддерживали защищавшие интересы граждан Национальная партия, Австралийские демократы, лейбористы и профсоюзы. Чтобы смягчить эту болезненную реакцию, правительство обещало пустить полученные средства на общественные нужды. Так, средства от поэтапной продажи акций крупнейшей в стране телекоммуникационной компании «Телстра» направлялись на проведение мероприятий по охране окружающей среды и на осуществление ряда социальных программ.

Забота о сохранении природной уникальности страны к концу XX в. прочно вошла в сознание нации как неотъемлемая часть австралийского образа жизни. Огромную роль здесь сыграли средства массовой информации, активно пропагандировавшие идеи экологов, деятельность национальных парков, которые находились под управлением правительства и аборигенов, а также поддержка охраняемых объектов, включенных в списки национального наследия. Из этого обширного перечня 14 крупнейших природно-культурных заповедников Австралии входили в реестр мирового наследия. В 1999/2000 фин. г. выплаты правительства на содержание музеев, библиотек и ботанических садов составляли львиную долю в финансировании этих учреждений; зрелищная индустрия получала примерно треть необходимых для ее деятельности сумм все от того же государства.

Система образования стала еще одним проблемным направлением деятельности правительства. Общественность очень болезненно отреагировала на ограничение дотаций в системе народного просвещения, которые проводились либералами. Несмотря на значительные сокращения правительственных субсидий университетам, система высшего образования в АС оставалась одной из лучших в мире, а доходы от обучения иностранных студентов составляли пятую по величине экспортную статью. Учитывая эти факторы, правительство вынуждено было пойти на уступки. Отчисления в систему образования медленно, но росли; сохранялись в силе все принятые ранее законы и вы-

платы по ним. В конце столетия расходы на поддержку системы образования составляли 5,4% от ВВП, 59% грантов получали школы и 27% приходились на долю университетов. Кроме того, государство поддерживало науку и изобретательство; традиционно расходы на прикладные разработки значительно превышали ассигнования на гуманитарную сферу.

В результате выборов 1998 г. правительственное большинство в палате представителей сократилось с 45 до 12 мест. Сказывалось неприятие сокращения социальных расходов, и в свете этого проблемы налоговой реформы стали главным вопросом. Без кардинального решения давно назревших финансовых проблем нельзя было продолжать перевод АС на рельсы свободной рыночной экономики и соблюдать социальные обязательства. Правительство заручилось поддержкой партии Австралийских демократов в сенате, где ее представители держали баланс сил, и в 2000 г. после серии длительных и непростых переговоров со всеми заинтересованными сторонами был введен 10% налог на товары и услуги. Несмотря на то, что он был меньше планировавшегося ранее и сопровождался снижением других налоговых ставок в среднем на 28%, НТУ показался поначалу нелегким бременем для многих категорий австралийских налогоплательщиков, особенно для представителей малого и среднего бизнеса. Лишь спустя два года эта система начала приносить ожидавшиеся от нее положительные плоды и способствовала оживлению экономической жизни страны. Последовавшие за реформой налоговой системы изменения в хозяйственной жизни страны привели к тому, что в 2003 г. экономика АС была официально признана одной из наиболее успешных, а жизненный уровень оставался одним из самых высоких по мировым стандартам. В 2002 г. среднегодовой доход австралийцев составлял порядка 20 тыс. долл. на человека; к тому же в конце XX в. приблизительно 40% взрослого населения стали владельцами акций различных компаний.

Итоги экономических реформ правительства Говарда в целом были успешными, и это стало самой сильной стороной его деятельности. В сфере агропроизводства постоянно рос объем производимой продукции. Добыча полезных ископаемых оставалась главным источником экспортных поступлений: Австралия со-

храняла свои позиции крупнейшего в мире экспортера бокситов, алюминия, алмазов и ряда других минералов. Промышленность в 1990-х гг. в целом развивалась достаточно успешно: показатели росли в семи из девяти ключевых отраслей. Лидерами по-прежнему оставались Виктория и Новый Южный Уэльс, где промышленное производство давало соответственно 33% и 32% от общенационального оборота. Сфера услуг расширялась самыми быстрыми темпами; новой и весьма перспективной отраслью оказался туризм. Главным показателем устойчивого развития экономики АС в те годы стал следующий факт: в стране не произошло резкого падения производства в ответ на разразившийся в 1997–1998 гг. финансовый кризис в Азии, как это обычно случалось в предшествовавшие десятилетия. Уровень безработицы в 2007 г. снизился до 4,1%, а средний еженедельный заработок увеличился в реальной стоимости на 24,4%. Данные обстоятельства несколько смягчили критику социально-экономической политики коалиции со стороны недовольных ею работников государственного сектора, профсоюзных и общественных деятелей.

Проблемы отношений с аборигенами. Отношения между правительством коалиции и коренными австралийцами всегда были напряженными. Одним из первых шагов Дж. Говарда стало решение об аудите деятельности Комиссии по делам аборигенов и жителей островов Торресова пролива. Результатами этой проверки стали сокращение финансирования Комиссии и попытки министра по делам аборигенов поставить ее деятельность под свой контроль. В 2005 г. после выявления целого ряда злоупотреблений в действиях ее чиновников, Комиссия была распущена. Это, естественно, вызвало недовольство аборигенной общественности.

Нуждался в пересмотре ряд принятых в начале 1990-х гг. судебных решений, требовалось снять напряженность в отношениях между белыми и аборигенами, определив более четко права европейских пользователей этих земель. Однако этого сделать не удалось, поскольку даже внутри правительственных кругов на сей счет не существовало единства мнений. Особый резонанс вызвало решение Высокого суда, принятое в декабре 1996 г. по иску племени вик, которое признавало одновременное сосущество-

ование прав аборигенов на их земли и лицензий на использование этих же земель для нужд сельскохозяйственных и горнодобывающих компаний. Оно повлекло за собой вал исков аборигенов теперь уже на земли, занимаемые европейцами. Правительство Говарда постаралось исправить ситуацию, разработав в начале 1997 г. и согласовав с правительствами штатов и территорий план из 10 пунктов, по которому можно было примирить интересы всех заинтересованных сторон – аборигенов и арендаторов. Вслед за этим в парламент был внесен билль по делу племени вик, однако он оказался настолько «длинным, сложным образцом законодательства, что не только не сумел предложить удовлетворительное решение для большинства проблем, затронутых в делах Мабо и Вик, но создал еще и новые». Лидеры аборигенов заявили, что это дискриминация, а фермеры – что их права тоже не защищены. По подсчетам специалистов, если решение по делу вик передавало аборигенам 78% территории Австралии, то билль Говарда лишь сокращал ее до 70%, что практически не играло особой роли. В результате трудных переговоров поправки к закону о правах аборигенов на их земли прошли в июле 1998 г. в сенате, и это, по словам премьера, гарантировало, что в итоге «и аборигены, и фермеры смогут выступать в суде на равных». Такое решение отражало принципиальный подход главы кабинета к решению проблем коренного населения – только на основе полного гражданского равноправия всех составляющих общества.

В этом контексте представляют интерес инициативы, исходившие от самих коренных австралийцев. В частности, большой резонанс вызвал план реформ одного из самых известных в АС правозащитников-аборигенов Ноэля Пирсона. Он настаивал, что главными причинами бедственного положения коренного населения Австралии были пьянство и наркотики, а не расизм и ущемление гражданских прав. Средствами реальной помощи он видел полный запрет на алкоголь и наркотики в общинах, а также постепенный переход от потребительской психологии и зависимости от правительственных пособий к возврату в активную экономическую жизнь. Всю свою энергию и целеустремленность Пирсон сосредоточил на создании организаций и предприятий, которые стали базой «реальной экономики» для общин полуост-

рова Кейп Йорк, став основателем и главой центрального мозгового штаба этой программы – Института Кейп Йорк. В конце XX в. наметились первые подвижки в сторону реального участия аборигенов в экономической жизни страны. Пресса писала о 15 млрд. долларов, которые составляли базу для предпринимательства коренного населения, поддерживаемого налоговыми льготами, новыми схемами для начала своего дела, планами занятости и инвестиций. Туризм, например, оказался той сферой приложения сил и источником финансовых поступлений, которая позволяла коренным австралийцам сочетать свой традиционный образ жизни с плодотворным сотрудничеством с австралийскими туристическими компаниями, поставлявшим любопытных посетителей в их общины.

В стенах федерального парламента эти начинания нашли своих сторонников. На смену Н. Боннеру в конце 1990-х гг. сюда пришел еще один абориген по происхождению – Эйден Риджуэй, сенатор из Нового Южного Уэльса от партии Австралийских демократов. Он вел переговоры с премьер-министром об организации свободных от налогов зон на территории общин аборигенов. Примером воплощения в жизнь этих идей могла служить деятельность созданной на волне решения по делу Мабо Земельной корпорации коренных жителей, которая распоряжалась 200 владениями, охватывавшими 15% территории Австралии, стоимостью более миллиарда долларов. Аналогичные агентства были созданы в сферах инвестиций и малого бизнеса. Главной проблемой для предпринимателей-аборигенов был ограниченный доступ к финансированию, который решался путем учреждения специального аборигенного банка. Эти инициативы находили живой отклик в правительстве, так как соответствовали в целом его намерениям стимулировать предпринимательскую активность населения и сократить сферу государственной ответственности. Для поощрения предпринимательской активности коренного населения были учреждены национальные премии за успехи в области бизнес-партнерства общин. Успешно продавались предметы искусства, изготовленные руками художников-аборигенов; в стране появились художественные центры, стоимость продукции которых на мировых аукционах доходила до десятков тысяч долларов.

Еще одной болевой точкой во взаимоотношениях с чернокожими австралийцами стала публикация в 1997 г. доклада «Возвращая их домой», составленного представителями аборигенов и защитниками их прав для рассмотрения в парламенте. Газеты и журналы запестрели сообщениями о судьбах «украденных поколений» – жертв политики насильственной ассимиляции 1910–1970-х гг. Прогрессивная общественность устраивала многотысячные марши примирения с аборигенами, национальные Дни извинения с участием представителей властей всех уровней: по стране перевозили «Книги извинений», куда белые австралийцы писали свои просьбы о прощении, обращенные к аборигенам. Потребовали извинений за эти злоупотребления и от Говарда, но премьер-министр отказался это сделать официально на том основании, что исторические обиды не могут быть поводом для унижения потомков. Тем не менее, он публично принес свои личные извинения, выразив «глубокое сожаление тем моим согражданам-австралийцам, кто пострадал от несправедливости в условиях практики прежних поколений по отношению к коренным народам».

Однако сам термин «примирение» лидеры аборигенов по-прежнему трактовали по-своему: по их словам, «истинное примирение» означало признание «особых» прав коренного населения, проистекающих из их «статуса первопоселенцев». Ответ Дж. Говарда был прежним: «Я всегда был сторонником единой нации. Я твердо верю в то, что все австралийцы должны управляться единым сводом законов... любое заявление о самоопределении, которое вносит идею о нации внутри нации, является тем, против чего я категорически возражаю». Тем не менее, правительство Говарда продолжало ассигновать деньги на создание очередных организаций по примирению и открыло в центре Канберры мемориальное Место примирения, символизировавшее важность этого процесса в жизни нации. К слову, с 2000 г. пост министра по делам коренного населения стал называться «министр по примирению и делам аборигенов и жителей островов Торресова пролива».

К сожалению, шаги, исходившие от власти, часто воспринимались обществом в штыки. Правозащитники в канун Дня Австралии в 1999 г. заявляли в прессе: «Геноцид продолжается здесь

уже 210 лет и не останавливается. Завтра для аборигенных народов состоится “День вторжения”. Для нас это день скорби». В итоге так и не удалось выработать приемлемую для всех политику по отношению к коренному населению, чьи лидеры не пожелали прислушаться к доводам умеренно настроенной части доминирующего населения страны. Впрочем, это никак не сказывалось на государственной поддержке аборигенов, и в 2007 г. правительство предоставило Северной Территории субсидии на сумму в 1,6 млрд. долл. для помощи коренным жителям этого региона. Правда, с рядом условий: деньги должны были идти целевым образом на поддержку медицины и помощь детям при одновременном запрете на алкоголь и порнографию в общинах; оговаривалось и право правительства в течение пяти лет вмешиваться в практику регулирования земельных лицензий аборигенными сообществами. Ряд правозащитников усмотрел в этом очередную дискриминацию коренных австралийцев, и общество вновь разошлось во мнениях о методах помощи нуждающимся аборигенам.

Коррекция мультикультурализма. Впрочем, в начале XXI в. проблемы примирения с аборигенами отошли на второй план. В условиях экономических трудностей, возникших в период проведения рыночных реформ, прорвалось наружу скрытое за ширмой политкорректности недовольство простых австралийцев европейского происхождения. Отражением этих настроений стало появление на политической арене страны радикального по австралийским критериям политика – Полин Ли Хэнсон. Пройдя в 1996 г. в палату представителей как депутат от либеральной партии, она шокировала всех своими публичными выступлениями. Хэнсон открыто призывала, во-первых, отказаться от «расизма наоборот», вернувшись к равному без привилегий, статусу всех граждан Австралии; во-вторых, сохранять национальное, англосаксонское единство страны, пересмотрев для этого политику культурной многоукладности и ограничив иммиграцию из Азии. Хэнсон призывала оказывать государственную поддержку не по этническому, а по социальному критерию – тем, кто сами не в состоянии решить свои проблемы: молодежи, малоимущим белым горожанам, фермерам, забытым жителям австралийской глубинки. Фактически она отвергала основы политики, разрабо-

танной как АЛП (иммиграцию из Азии, искусственное благосостояние аборигенов и политкорректность), так и Либеральной партией. Она апеллировала к нуждам простых австралийцев и их исторически укорененному чувству недоверия к профессиональным политикам, умело используя свой имидж женщины из народа.

Эту риторику сочли крайне реакционной, и партийный истеблишмент постарался отмежеваться от одиозной, по местным политическим меркам, фигуры. В 1997 г., покинув ряды либералов, П. Хэнсон создала собственную Партию Одной Нации (ПОН), которая спустя год на выборах в Квинсленде одержала неожиданно крупную победу. Ей отдали голоса 23% избирателей, что позволило ПОН провести в парламент штата 11 депутатов. На логотипе новой партии был размещен ее лозунг «Голос народа». Платформа ПОН определялась как «широко популистская и протекционистская». Австралийские политики определяли ее позицию как крайне правую, расистскую и националистическую. В целом по стране в поддержку ПОН в июне того же года высказывались 14,5% участников опросов общественного мнения, и эта цифра далеко превзошла рейтинг всех малых партий, действовавших в то время на федеральной арене.

Подобный поворот событий всполошил как азиатские общины в АС, так и правительства стран ЮВА, выразивших свою озабоченность по поводу роста в Австралии ксенофобных настроений. Лидеры китайской диаспоры АС сразу же пригрозили урезать пожертвования в фонд Либеральной партии, если правительство не предпримет жестких мер по обузданию ПОН. Впоследствии любое проявление активности сторонников Хэнсон трактовалось в прессе союзников АС по АСЕАН и АТЭС только как знак популярности расизма среди австралийского электората. Активизировались и противники ПОН внутри страны, и Дж. Говард счел за лучшее дистанцироваться от новой партии. Не сумев создать мощную и профессиональную команду единомышленников, Хэнсон не добилась и переизбрания в федеральный парламент. В 1999 г. ей были предъявлены обвинения в неправильной регистрации ПОН в Квинсленде. По существу эта партия постепенно уходила в политическую тень, переживая внутренние расколы и уже к 2000 г. превратившись из политиче-

ского игрока в некое пугало. В 2001 г. провалилась попытка П. Хэнсон пройти в сенат под лозунгами: «Справедливое отношение к народу Австралии» и «Давайте отделаемся от ублюдков» (последний был заимствован у партии Австралийских Демократов и несколько переиначен в еще более агрессивном ключе). В 2003 г. ее отправили в тюрьму по обвинению в финансовых махинациях, где она провела 11 недель, после чего приговор был аннулирован. Выборы 2004 г. также оказались для ПОН неудачными, что знаменовало закат политической карьеры ее лидеров.

Но ПОН обозначила контуры реальных проблем, котлорые действительно нуждались в коррекции. Неподдельную озабоченность общества вызывало резкое увеличение потоков нелегальной иммиграции в АС. В конце 1990-х гг. северное побережье АС было буквально атаковано судами индонезийских контрабандистов, перевозивших в АС за немалые деньги целые партии из сотен нелегальных иммигрантов. В массе своей это были молодые люди, главным образом, выходцы из Китая, Ирака, Афганистана и стран Индокитая, которые намеревались самовольно проникнуть в Австралию, привлеченные слухами о неслыханных благах там для беженцев. Правительство с трудом справлялось с потоком тысяч нелегалов, поместив их в специально построенные фильтрационные лагеря, на содержание которых шли десятки миллионов долларов. В 2001 г. в ответ на международный нажим после случая с норвежским судно «Тампа», пытавшимся высадить в АС подобранных им в море нелегалов, парламент принял закон о защите границ, который декларировал право австралийского государства «решать, кто будет приезжать и селиться в Австралии». Была достигнута договоренность с Науру о приеме и временном размещении беженцев и усилена охрана морских рубежей. Правительством Дж. Говарда был разработан план – Тихоокеанское решение, который предполагал размещение нелегальных иммигрантов на близлежащих островах Тихого океана на время рассмотрения властями в установленном законом страны порядке их документов и запросов о виде на жительство в АС. На некоторое время острота проблемы с беженцами была снята.

Этот жесткий шаг резко поднял рейтинг австралийского премьер-министра среди большинства избирателей и помог ему

одержать на выборах 2001 г. очередную победу. По данным опроса 2002 г., 80% граждан АС поддерживало курс Говарда по отношению к нелегалам, что стало чрезвычайно редким для этой страны показателем единства мнений. В таком контексте на повестку дня вновь был поставлен вопрос о мультикультурализме – модели национального и социального развития АС. Естественно, возврат к политике «белой Австралии» был уже невозможен: в 2001 г. граждане АС говорили на 200 различных языках; из 19,5 млн. населения 16% дома пользовались своими родными языками, а число недавних иммигрантов, составляло 23% населения страны. Но огромные расходы на мультикультурные программы оказались тяжелым бременем для государственной казны. Только в 1998 г. правительство выделило около 60 млн. долларов на преподавание английского языка для иммигрантов. Прибывавшие в АС чужеземцы зачастую в массовом порядке не только не желали воспринимать базовые ценности доминирующего общества, но и приносили в него свои собственные, привезенные из стран исхода, споры и конфликты. Вполне закономерными выглядели опасения рядовых австралийцев, которые не хотели «получить в результате Ливан у себя дома». Значительное число граждан считали, что мультикультурализм «разбивает их страну на части», а поощрение данной доктрины способствует «началу сепаратизма». Тем более, что курс на поощрение культурного многообразия не привел к главному: азиатские общины не восприняли систему ценностей и приоритетов австралийского общества, не возникло ожидавшееся от мигрантов чувство признательности стране, приютившей их. Особенно отличались неприятием западных ценностей мусульмане, ибо, по словам их же проповедников, «ислам не только религия, это образ жизни», в рамках которого многие западные реалии просто не представляют никакой ценности. Таким образом, из идеальной схемы мультикультурализма сработал лишь элемент «разнообразия», а о «единстве» говорить не приходилось. Впрочем, в академических кругах АС существовали диаметрально противоположные взгляды. Так, Дж. Джапп – директор Центра по изучению иммиграции и мультикультуры при АНУ, и его сотрудники делали все, чтобы доказать преимущества полиэтничности, и старались убедить в этом власти и общественность.

Под давлением всех этих обстоятельств правительство Говарда пошло на некоторую ревизию курса национальной политики, стремясь сместить в формуле мультикультурализма акцент с идеи «разнообразие» на категорию «единство» австралийцев вне зависимости от их этнических корней. Этот подход лег в основу программных заявлений правительства: «Новая повестка дня для мультикультурной Австралии» (1999 г.) и «Мультикультурная Австралия: объединенная в разнообразии» (2003 г.), созданные при тесном сотрудничестве правительства и лидеров этнических общин. Провозглашалось соблюдение баланса прав и обязанностей всех без исключения граждан страны: от аборигенов до недавних мигрантов. В свете этого мультикультурализм определялся как доктрина, которая «принимает и уважает право всех австралийцев выражать и разделять их индивидуальное культурное наследие в рамках преобладающей приверженности Австралии и основным структурам и ценностям австралийской демократии». Австралийское гражданство выступало в документе как базис общества; при этом утверждалось, что «все австралийцы разделяют общую культуру, но каждая группа или индивидуум делает свой собственный и уникальный вклад в ее копилку». Этими положениями определялся курс правительства в области национального строительства, нацеленный теперь уже в большей степени на сплочение общества, чем на поддержку его разнородности.

Ответом на это стало нарастание недовольства со стороны мусульман АС, которые особенно активизировались после начала борьбы с терроризмом в 2001 г., увидев в этом нападки на их религию. В конце 2005 г. страну потрясли массовые беспорядки в Сиднее, продолжавшиеся, несмотря на оперативные действия полиции, две недели. Поводом стало нападение выходцев из арабских стран на белых австралийцев, работавших спасателями на расположенном в окрестностях города пляже Кроналла. Молодые мусульмане таким способом выказали недовольство присутствием «чужих» на «их» территории. Эти события продемонстрировали не только накал межнационального противостояния, но и издержки политкорректной юстиции. С одной стороны, на специальной сессии парламента штата НЮУ были приняты экстренные меры для противодействия насилию; с другой, задер-

жанные в ходе беспорядков в Кроналла мусульмане отделались чисто символическими наказаниями – общественными работами, тогда как их оппоненты получили до года тюрьмы. Такое правосудие с «этническим оттенком» никак не способствовало примирению обеих сторон.

Обострение проблем межэтнического и межконфессионального взаимодействия в стране на рубеже XX–XXI вв. и недовольство существующим положением дел основного населения, а не только диаспор, побуждало политиков к попыткам сделать модель культурной многоукладности более приемлемой для большинства австралийцев. Не отказываясь от концепции сохранения этнического многообразия, коалиционное правительство Говарда пыталось подкорректировать практику национального строительства, усилив в ней приоритетность общегражданских ценностей Австралии. Знаковым стало переименование Департамента по делам иммиграции и гражданства: слово «мультикультурализм» в нем не упоминалось. Одной из последних мер премьер-министра в данном направлении стал закон 2007 г. о гражданстве, который ужесточал требования к его получению, увеличивая для претендентов на натурализацию срок постоянного, без нарушения законов пребывания в АС с двух до четырех лет и вводя тест на знание английского языка, истории и культуры страны.

Референдум по республике 1999 г. Еще одним серьезным вопросом внутривнутриполитической жизни Австралии стала проблема возможности изменения государственного устройства, обсуждение которой началось еще при П. Китинге. Традиции австралийского радикализма и мощная пропагандистская компания 1990-х гг. делали свое дело. В декабре 1997 г., согласно опросам общественного мнения, 51% их участников высказывались за введение республиканской формы правления, и лишь 38% – за сохранение монархии. Учитывая рост общественного интереса к республике, партии оппозиции обещали поставить этот вопрос на детальное рассмотрение в ходе специальной Конституционной Конвенции, которая должна была решить вопрос о форме республиканской модели в АС. Она была создана в феврале 1998 г., большую часть делегатов составляли представители Австралийского республиканского движения во главе с финансовым магна-

том и миллионером М. Тернбуллом. Их усилиями была разработана концепция так называемой «минимальной республики», переход к которой осуществлялся главным образом посредством стилистической коррекции КАС – заменой в ней слов «королева» и «генерал-губернатор» на «президент». Делегаты после жарких споров сформулировали вопросы, вынесенные затем на общенациональный референдум. Было решено провозгласить республику в АС с 1 января 2001 г. в случае одобрения этого решения избирателями. Новая форма государственного устройства предусматривала, что президент назначался на совместном заседании обеих палат федерального парламента, а кандидатуры на этот пост обсуждались на уровне штатных легислатур и общественных организаций.

Дж. Говард, заявив о себе, как о твердом приверженце монархии, не препятствовал агитации республиканцев и даже принял активное участие в обсуждении предложенных ими проблем. Одновременно он сделал все возможное, чтобы показать реальные трудности, стоявшие на пути государственного переустройства, и недочеты в аргументации его оппонентов. Делегаты проявили живой интерес к выдвинутым вопросам, но разошлись в деталях. Часть из них поддерживала «минимальную» модель, другие выступали за всенародное избрание президента. Сторонникам АРД противостояли Австралийцы за конституционную монархию, к которым примкнули республиканцы, считавшие выборы президента узким кругом политиков недемократичными и нереспубликанскими по своей сути. Мнения избирателей также разделились: в феврале 1998 г. за выборы главы государства путем всенародного голосования высказывались 68% респондентов, а за передачу этого выбора в руки парламента – только 25%.

Референдум по вопросу о введении республиканской формы правления в АС состоялся 6 ноября 1999 г., в нем приняли участие 12,3 млн. избирателей, на суд которых были вынесены два вопроса: 1) о новой преамбуле к Конституции; 2) о непосредственном введении в стране республиканского строя. Оба предложения были отвергнуты. За республику проголосовало 45,13%, против – 54,87%; преамбулу поддержали всего 39,34%, отвергли – 60,66%. Итогом голосования на референдуме 1999 г. стал отказ от предложенной республиканцами модели, которую большин-

ство граждан АС расценили как недемократичную. То, что Австралия сохранила прежнюю форму правления и осталась конституционной монархией, не означало завершения давнего, уходящего корнями в эпоху принятия федеральной Конституции, спора монархистов и республиканцев на Южном континенте. Хотя Говард и объявил о закрытии «дела о республике», лидеры АЛП поклялись, что когда лейбористы в следующий раз придут к власти, они вновь поставят этот вопрос на референдум, изменив, с учетом общественного мнения, формулировку о порядке избрания президента.

На пути к региональному лидерству (внешняя политика на рубеже XXI столетия). Руководителем внешней политики АС при Дж. Говарде стал опытный функционер Александр Даунер, разделявший идеи главы правительства. Важными элементами в системе международных отношений для страны являлись приоритеты, отдававшиеся АТР (особенно странам Восточной Азии); укрепление двусторонних отношений с США, Японией, Индонезией и Китаем; приверженность к принципам либерализации торговли; поддержка инициатив ВТО и АТЭС. Страна была также заинтересована в ограничении распространения оружия массового поражения и придерживалась позиций ООН по программам разоружения.

Отношения с США были по-прежнему ключевыми во внешнеполитической стратегии АС. Это государство оставалось главным союзником Австралии, вторым по значимости торговым партнером и крупнейшим инвестором. Сохранялись и военно-стратегические отношения. После событий середины 1980-х гг. АНЗЮС действовал по большей степени как двустороннее соглашение, и роль АС в нем естественным образом увеличилась. В июле 1996 г. представители США и АС провели раунд важных переговоров по упрочению контроля над ситуацией. По их итогам была принята Сиднейская декларация, которая дополняла договор АНЗЮС мерами по укреплению региональной безопасности: оговаривались постоянное военное присутствие США в ЮТР и координация действий с такими организациями, как Региональный форум стран АСЕАН и АТЭС и т.п. Установилась практика регулярных встреч на министерском уровне, которые властями АС расценивались как меры по укреплению обороно-

способности страны. С началом претворения в жизнь новой «тихоокеанской доктрины Клинтона» отношение США к Австралии стало меняться в лучшую сторону: в Вашингтоне в ней, наконец, увидели надежного партнера. Правда, лейбористы усмотрели в этом чрезмерное подчинение США и ущемление национальных интересов Австралии, которая в случае любого вооруженного конфликта с участием США становилась второй по значимости целью. В 1999 г. журнал «Буллетин» приклеил к Дж. Говарду обидный ярлык «помощника американского шерифа» в ЮТР, который был тут же подхвачен средствами массовой информации как в АС, так и за его пределами.

Однако после трагедии 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке союзническая риторика премьер-министра стала созвучна подъему патриотизма, наблюдавшемуся в Австралии в связи с ее участием в кампании по борьбе с международным терроризмом, которую провозгласили и возглавили США. В октябре 2001 г. Дж. Говард заявил о решении послать 1550 австралийских военнослужащих для участия в наземных операциях в Афганистане. Он безоговорочно поддержал все действия США по борьбе с терроризмом. Такая позиция нашла понимание среди австралийцев, особенно в 2002 г. после взрыва клуба на о. Бали, где погибли 88 австралийских туристов. Однако отправка австралийского военного контингента в Ирак в 2003 г. не была столь же единодушно одобрена его согражданами, и к 2008 г. эти инициативы правительства перестали пользоваться полной общественной поддержкой в АС.

Важную роль в системе международных связей АС продолжала играть Новая Зеландия, с которой поддерживались самые активные политические и торговые отношения, получившие новый импульс с подписанием в 1998 г. Транстасманского соглашения о взаимном признании. В рамках, заданных этим документом, устанавливался фактически общий режим торговли и профессиональной деятельности для граждан обеих стран. В результате уже в 2000 г. АС стал для Новой Зеландии крупнейшим покупателем ее экспортной продукции, а Новая Зеландия, в свою очередь – крупнейшим рынком сбыта для модной одежды из Австралии. В мае 2004 г. впервые был созван Форум лидеров обеих стран, в работе которого с тех пор ежегодно участвовали веду-

щие политики, представители бизнеса и академических кругов. Его задача – обсуждение основных проблем развития двусторонних и региональных отношений. В январе 2006 г. вступил в силу Договор между правительствами Австралии и Новой Зеландии по установлению исключительной экономической зоны и границ континентального шельфа, касавшийся разграничений в акватории Тасманова моря и юго-восточных вод Тихого океана.

Для укрепления позиций Австралии в мире по-прежнему широко использовалось ее членство в международных организациях. Так, в рамках Содружества наций было удобно вести переговоры со странами ЮТР, входившими в его состав, влиять на их внешнеполитический курс, решать вопросы национальной и региональной безопасности. Посредством членства в МВФ, ВТО и ООН Австралия могла активно участвовать в программах оказания помощи малым странам Тихоокеанского региона, представлять их интересы во Всемирном банке и Азиатском банке развития, а также отстаивать и свои собственные интересы на международной арене. Созданная под ее эгидой Кэрнская группа производителей сельскохозяйственных продуктов следила за соблюдением правил честной торговли в этой области. В сфере развития экономических контактов одно из важнейших мест занимал АТЭС. В 2000 г. 74% товарного экспорта АС приходилось на страны АТЭС, куда отправлялась также половина австралийских зарубежных прямых инвестиций. Таким образом, рынки ближайших соседей были для Австралии чрезвычайно важными. Значимость регулярных саммитов АТЭС заключалась и в том, что они предоставляли возможность для личных встреч и переговоров лидеров всех стран-участниц этого объединения.

Внешнеторговые связи АС продолжали расширяться – в условиях глобализации вопрос о «выкупе Австралии» уже не поднимался, напротив, все чаще перед австралийскими политиками ставились задачи устранения каких-либо барьеров в сделках с иностранными партнерами. Проводились переговоры о расширении зон свободной торговли в регионе, которые помимо Новой Зеландии в перспективе должны были включать всех ближайших соседей по региону. Важнейшим среди них стал подписанный в 2004 г. договор о свободной торговле с США. В 1996 г. экспорт товаров из АС превзошел показатели импорта на 1,3 млрд. долл..

Главными торговыми партнерами стали государства Азии: Япония, Республика Корея, Тайвань, КНР. В 2007 г. в ходе очередного саммита АТЭС Дж. Говард и В.В. Путин подписали пакет важных экономических документов. Хозяйственный механизм АС удачно вписывался в региональные и мирохозяйственные связи.

Правительство АС особо выделяло АСЕАН, как «инструмент поддержания региональной политической гармонии и стабильности», и поддерживало с его участниками самый широкий круг отношений: развивались экономические, политические, культурные связи. Региональный Форум АСЕАН стал одной из важнейших составляющих оборонно-стратегических схем АС. Начало диалога с КНДР в рамках этой организации в 2000 г. всячески приветствовалось, и тогда же АС объявил о восстановлении дипломатических связей с Северной Кореей. При этом команда Говарда полностью отказалась от риторики Китинга и, сотрудничая со странами Азии, подчеркивала, что АС никогда не был и не будет азиатской страной, а останется приверженцем идеалов западной демократии. Премьер-министр сформулировал это следующим образом: «Мы – европейская, западная цивилизация, связанная крепкими узами с Северной Америкой, но мы находимся в Азии... Мы должны быть здесь самими собой».

Однако попытки сэкономить на помощи соседним странам, которые предпринял Говард в начале своего правления, исходя из проводимой им тогда стратегии финансовой экономии, привели к недовольству и протестам как со стороны правительств КНР, Индонезии, Филиппин и Вьетнама, так и со стороны их австралийских партнеров по бизнесу. Вскоре эта оплошность была исправлена: Австралия была весьма заинтересована в укреплении более тесных связей с ближайшими соседями. В апреле 2001 г. была подписана Сиднейская декларация об австрало-японском созидательном партнерстве, определившая основные направления двусторонних отношений. Набирали темп контакты с КНР, которую руководство Австралии рассматривало как важный компонент в создании системы региональной безопасности. Интерес к китайскому внутреннему рынку подстегивал правительство АС к поощрению развития торговых связей и интеграции КНР в глобальную экономику. В 2007 г. КНР впервые зая-

вила о себе, как «лидирующем торговом партнере» Австралии, обогнавшем по показателям торгового оборота и США, и Японию. Особым спросом в Китае пользовались австралийские железные руды, медь, уголь и другие виды полезных ископаемых, а также шерсть. В Австралийский Союз отправлялись китайские товары (одежда, игрушки, компьютеры, телекоммуникационное оборудование, игры, мебель и химикаты). Экономические связи, установленные между двумя странами, приносили баснословные прибыли в самые кратчайшие сроки всем участвующим в них сторонам. Так, в начале 2008 г. 3 из 8 миллиардеров Австралии получили свои сверхдоходы от сотрудничества с КНР. Объем обмена товаров и услуг с Восточной Азией составил 50% австралийских торговых связей с остальным миром.

А отношения с ближайшим соседом – Индонезией развивались непросто. Вопрос о статусе Восточного Тимора был внутренним делом Индонезии, однако богатства острова и прилегающего к нему шельфа всегда были привлекательны как сфера приложения предпринимательской активности. В 1999 г. жители этой территории высказались в пользу отделения от Индонезии, а введенные на территорию Восточного Тимора отряды индонезийской милиции провели кампанию «выжженной земли», что стало поводом для международного вмешательства в сложившуюся ситуацию. Дж. Говард согласился на организацию и оправку в Восточный Тимор миротворческих сил ООН, в которых главная роль принадлежала его стране. Сюда прибыли 4,5 тыс. австралийских военных под командованием генерала Питера Косгроува для предотвращения серьезных вооруженных столкновений, возникших на Тиморе после провозглашения там независимости, между сторонниками самостоятельности и проиндонезийскими силами. С одной стороны, этот шаг правительства принес Говарду поддержку сограждан, видевших в миссии ВС АС гарантию восстановления порядка и предотвращения дальнейших убийств. С другой, вмешательство в дела Восточного Тимора обострило отношения с Индонезией и мусульманским миром в целом. События на острове и вокруг него продемонстрировали и ненадежность США как союзника АС. В результате этот шаг правительства привел к разрыву дипломатических отношений с Индонезией. Ситуация осложнилась, когда лидер

Восточного Тимора А. Гужмао начал демонстрировать свою лояльность Индонезии, отказавшись от какой-либо помощи со стороны АС. Это вынудило Канберру начать новый раунд переговоров; в итоге правительство независимого Восточного Тимора в рамках заключенного под эгидой ООН соглашения по Тиморскому морю получило в 2001 г. 7 млрд. долл. от осуществлявшихся в его акватории разработок месторождений нефти и газа. Но общественность Австралии в этот раз смотрела на отношения с Восточным Тимором с большим скепсисом. В целом, вмешательство АС в эти события было оценено как ошибка внешней политики Говарда.

Осложняли отношения с Индонезией и проблемы торговли наркотиками, в которую оказались втянуты некоторые граждане АС, а также позиции, занятые правительством Австралии в вопросе о предоставлении «особой автономии» индонезийской провинции Западная Папуа. В 2002 г. в результате теракта на острове Бали пострадали около 200 австралийцев. Испорченные отношения с Индонезией были восстановлены только в ходе совместных операций против террористов и после оказания АС помощи в размере 1 млрд. долл. для восстановления Индонезии после катастрофических последствий землетрясения и цунами в Рождество 2004 г.

Большое внимание уделялось делам ЮТР, где по-прежнему политическая нестабильность порой определяла ситуацию. Совместно с Новой Зеландией АС оказывал финансовую помощь независимым государствам этого региона, которая исчислялась сотнями тысяч долларов ежегодно (только Папуа Новая Гвинея получала в год около 300 млн. долл.), а также помогал наладить мирную жизнь в процессе урегулирования частых вооруженных конфликтов. Помимо Восточного Тимора АС, отправлял своих военных и дипломатов в другие горячие точки региона: Фиджи, Соломоновы острова, ПНГ. На острове Бугенвиль, принадлежавшем Папуа – Новой Гвинее, где гражданская война бушевала почти 20 лет и лишь в 1998 г. закончилась подписанием соглашения о прекращении огня, поддержание мира только в 1999 г. обошлось австралийской казне в 24 млн. долларов. В результате военные расходы АС к 2001 г. выросли до 13 млрд. долларов, что было больше, чем суммарные траты на оборону ведущих игро-

ков региона (Малайзии, Сингапура, Филиппин и Новой Зеландии). Это вмешательство в дела беспокойных соседей отнюдь не вдохновляло австралийскую общественность, ибо усилия правительства не приносили ощутимых дивидендов.

Отношения с Европой, в противовес региональным, в целом складывались ровно. Суммарно государства Европейского Союза были важным торговым и политическим партнером АС как в рамках ООН, так и на двустороннем уровне. Важнейшим из них оставалась Великобритания – один из ведущих членов Содружества наций. Отношения с Российской Федерацией в период первых двух сроков правления Дж. Говарда не были столь интенсивными, как при его предшественниках. Причины тому многообразны, но главная – невысокий интерес, который проявляли друг к другу как предприниматели, так и правящие круги двух стран. В 1990-х гг. торговые отношения между нашими государствами находились на низком уровне и характеризовались, как и в предшествующие годы, явным дисбалансом – превышением австралийского экспорта в Россию над импортом из РФ в АС почти в 8,5 раз. Только в начале XXI в. наблюдался довольно быстрый рост показателей товарооборота (примерно в 3 раза), что повлекло за собой оживление и политических контактов. Главные сферы международного сотрудничества АС и РФ – нераспространение ядерных вооружений и региональная безопасность. Из договоров, заключенных в начале XXI в., официальная сводка МИД АС выделяла Соглашение о двойном налогообложении 2000 г. (вступило в силу в 2004 г.) и Соглашение о сотрудничестве в области использования ядерной энергии в мирных целях (2007 г.). Определенным символом оживления взаимного интереса наших стран стали проходившие в 2005 г. и 2006 г. в Москве недели Австралии и соответствующие мероприятия российского бизнес-сообщества в АС. Деловые связи все более приобретали региональное измерение: субъекты РФ на Дальнем Востоке имели с АС куда более тесные отношения, чем федеральный центр. За последние годы несколько оживилась программа визитов государственных деятелей. В рамках международных мероприятий, проходивших на территории РФ, нашу страну посетили: в 2002 г. министр иностранных дел АС А. Даунер, в 2005 г. генерал-губернатор М. Джеффри, в 2006 г. казна-

чей П. Костелло и в 2007 г. во главе австралийской парламентской делегации спикер палаты представителей Д. Хоукер. В АС побывали министр сельского хозяйства А. Гордеев в 2004 и 2007 гг., думская делегация и сопровождавшие В.В. Путина лица в 2007 г.

Этот умеренный курс характеризовал внешнеполитические связи АС в начале текущего столетия.

Глава 11. Австралия вступает в XXI век

Конец эпохи Говарда. Нетрудно заметить, что в целом длительное – с 1996 по 2007 г. – пребывание у власти коалиции Либеральной и Национальной партий было весьма продуктивным периодом в истории АС. Причины столь значительного успеха Дж. Говарда достаточно очевидны. Прежде всего, это – удачная экономическая и социальная политика его правительства в период третьего срока, а также и лидерские качества самого премьер-министра, в очередной раз продемонстрировавшего, что его честолюбие и решительность подкреплялись способностью гибко реагировать на ситуационные вызовы и стремлением соблюдать интересы Австралии на международной арене. Самое же важное, что Говард сумел грамотно озвучить интересы основного социального слоя страны – среднего класса. Как отметил его соратник П. Костелло, возможно, предложения премьера электорату были «не тем, что ожидала городская интеллигенция, но она представляет не большинство австралийцев, а ...большинство журналистов».

Далее, следует указать и на политический опыт премьер-министра. В ходе последних лет пребывания у власти Говард, сумев избавиться таких временных и ненадежных партнеров, как ПОН – справа, так АД – слева, сохранил свое влияние над консервативной частью электората. К 2006 г. партия АД практически утратила свое влияние в законодательных органах страны, и, по словам Р. Хоука, последовавшая в этом же году смерть ее основателя Д. Чиппа стала печальным совпадением «со смертельной агонией Демократов». Правда, предвыборная кампания 2004 г. вывела на австралийскую политическую арену очередную малую партию с несколько экстравагантным названием

«Семья прежде всего» (СПВ). СМИ охарактеризовали ее как правоконсервативную, клерикально-христианскую партию, проводя параллели с действовавшей в 1950–1960-х годах ДЛП (последняя опиралась на поддержку католических кругов). Лидеры СПВ, действительно, собирались «проводить социально-консервативную политику» и жестко выступили в защиту моральных устоев общества. В этой связи они осудили идею легализации однополых браков и пропаганду гомосексуализма, отказав в поддержке политикам, уличенным в супружеской неверности или нетрадиционной сексуальной ориентации. СПВ также намеревалась проводить или поддерживать на федеральном уровне законы, улучшающее положение традиционно понимаемой семьи, предложив создать королевскую комиссию по проблемам плохого и невнимательного обращения с детьми. В то же время она настаивала на «примирении с аборигенами» на условиях уступок коренному населению и принесении ему официальных извинений на правительственном уровне за «украденные поколения детей», и в числе руководителей СПВ была аборигенка Андреа Мейсон. Кроме того, прозвучало предложение о государственной поддержке семей иммигрантов, которые находились в специальных центрах для лиц, не получивших вида на жительство в Австралии, что являлось типичным образом левой риторики. Но если рассматривать политический спектр АС, эта партия, в целом, находилась ближе к ЛПА и не помешала коалиции победить и в четвертый раз.

Но это была последняя победа Говарда. Неизбежные для любого политика промахи вкупе с накоплением естественной «усталости» электората от одних и тех же лиц в правительстве не могли не дать о себе знать по прошествии столь долгого правления лидера либералов. Еще в 2001 г. избиратели стали высказывать недовольство тем, что, по их мнению, министры держатся «слишком надменно», «не слышат их» и не считаются с мнением большинства населения страны. Попытки Говарда изменить общественное мнение в свою пользу посредством поиска виновных в составе кабинета, привели к серьезным трениям между ним и его возможным преемником на посту лидера партии – федеральным казначеем П. Костелло. В результате оба политика получи-

ли весьма нелицеприятную оценку своей деятельности со стороны их рядовых соратников по партии.

Весьма спорным стали новации кабинета в области регулирования отношений на производстве. Воспользовавшись тем, что за предыдущие десятилетия уровень юнионизации в Австралии снизился почти вдвое (с более чем 50% в середине 1980-х гг. до 24,7% – в 2000 г.), правительство, опиравшееся на полученное в ходе последних выборов большинство в сенате, в 2005–2006 гг. провело в жизнь новое законодательство в области трудовых отношений. Отказавшись от прежней системы государственного арбитража с непременным участием профсоюзов, оно вводило новые принципы их регулирования, базировавшиеся на свободе индивидуальных контрактов. Тем самым в рамках новой системы отношений в промышленности «Рабочие альтернативы» (Work Choices) профсоюзы, ранее заключавшие коллективные договоры с работодателями, фактически устранялись из процесса регулирования оплаты труда и контроля над занятостью, а наемный работник оставался один ни один с предпринимателем. Попытки партий коалиции распространить принцип индивидуальной контрактации на все отрасли экономики стали камнем преткновения в отношениях с обществом. Такие подходы вызвали массовые протесты тред-юнионов и партии зеленых; митинги противников нового закона собирали более 100 тыс. участников. По данным опросов общественного мнения, в 2007 г. порядка 65% респондентов не одобряли линию правительства в сфере трудовых отношений. Всем этим не преминули воспользоваться пребывавшие одиннадцать лет в оппозиции лейбористы. Пережив смену лидеров (Ким Бизли – Марк Лэтем – Кевин Радд), они сумели сплотить ряды и выработать более привлекательную для многих избирателей предвыборную стратегию, главным козырем которой стала борьба против трудового законодательства кабинета Говарда. Именно это помогло лейбористам придти к власти: на федеральных выборах 24 ноября 2007 г. АЛП одержала убедительную победу, получив в палате представителей большинство в 23 места.

Лейбористы у руля АС: политика кабинета К. Радда. Этот успех лейбористам обеспечила в первую очередь их тщательно продуманная предвыборная программа, сфокусированная на

внутриполитических проблемах, особенно на начатой их предшественниками реформе отношений в промышленности. АЛП в полной мере использовала недовольство общественности практикой индивидуальных трудовых контрактов, пообещав пересмотреть курс своих политических противников. Кевин Радд шел на выборы с широкой программой действий не только относительно производственных отношений, но в области и охраны окружающей среды, отношений с аборигенами, жилищного строительства, «образовательной революции» и здравоохранения. Его предвыборные обещания показывали явный крен влево в политическом курсе АС, но при этом он проявлял определенную осторожность, давая «Австралии возможность для перемен – но не слишком больших». Помимо того, ставка была сделана на обновление кадров и омоложение руководства страной: впервые на пост заместителя премьер-министра была выдвинута женщина – Джулия Гиллард; аналогично на пост генерал-губернатора АС была назначена Квентин Эллис Брайс. Все это, несомненно, сыграло свою роль, и приход к власти АЛП во главе с Раддом вселял надежду на долгожданное обновление.

Кевин Радд

В некоторой степени ожидания избирателей оправдались. Так, не внося серьезных изменений в макроэкономический курс предшественников, новые лидеры АЛП уже в 2007 г. приступили к пересмотру непопулярных мер по введению индивидуальных контрактов, официально провозгласив новый курс АЛП в этой сфере, характеризовавшийся как «соглашение, дружественное интересам семей». С июля 2009 г. вступил в действие новый правительственный орган «Справедливая работа Австралии» (Fair Work Australia), задачей которого стали вопросы установленного минимума зарплаты, выплаты премий, разрешения производственных конфликтов и т.п. Лейбористы во многом восстановили ту систему регулирования производственных отношений, что существовала до Говарда, но сохранили ограничения на проведение бойкотов, локаутов, вмешательства профсоюзов и прав рабочих на забастовки. Это повлекло за собой критику со стороны ряда профсоюзных лидеров, окрестивших новшества «Облегченным вариантом “Рабочих альтернатив”» Говарда.

Джулия Гиллард

Выполняя предвыборные обещания, в декабре 2007 г. К. Радд подписал Киотский протокол, чего общественность никак не могла добиться от его предшественника. В следующем году правительство опубликовало официальный документ по проблемам выбросов газов, приводящих к парниковому эффекту. Для АС, где 86% электроэнергии производится на станциях, работающих на угле, страны – крупнейшем в мире производителе таких газов в расчете на душу населения, вопрос этот был особо важен. Климатические изменения для самого засушливого континента, жители которого регулярно страдают от засух и лесных пожаров, также делали экологические проблемы весьма актуальными. И первые шаги нового премьер-министра были восприняты позитивно.

Джулия Гиллард и Кевин Радд на пресс-конференции, 2004 г.

Что касается взаимоотношений с коренным населением, то в феврале 2008 г. Радд принес официальные извинения «украденным поколениям» аборигенов, что еще более укрепило его личную популярность. В ноябре 2009 г. он вновь публично извинился теперь уже перед «забытыми австралийцами» – выходцами из Великобритании, которых в детском возрасте в XX в. вывозили в АС для пополнения населения страны. Был также смягчен курс по отношению к нелегальным беженцам. Вновь на повестку дня вышла достаточно противоречивая концепция «Большой Авст-

ралии» (явная калька с идей кумира Радда – П. Китинга), предусматривавшая, в числе прочего, увеличение иммиграции с целью помочь нации справиться с проблемами старения населения и ответить на демографические вызовы экономического роста. По планам премьер-министра, к 2050 г. население АС должно было достичь цифры в 36 млн. человек главным образом за счет приезжих.

Такие действия вкупе с ярко выраженными проазиатскими симпатиями, вниманием к нуждам образования и выделением 16 млрд. долл. на нужды школ и библиотек и, наконец, апелляцией к авторитету ставших уже легендарными Г. Уитлема и его соратников – все это находило понимание в среде австралийской интеллигенции. В течение первых двух лет его правления рейтинги К. Радда в опросах общественного мнения, по словам обозревателей, «достигали стратосферы».

Отдельного внимания заслуживала внешняя политика. К. Радд переформулировал ее доктрину в терминах «Три Столпа»: связи с ООН, связи с Азией и союз с США. В ходе предвыборной кампании он высказался в поддержку размещения австралийских войск в Ираке, где в 2007 г. находились 1575 австралийских военнослужащих, но обещал в случае победы на выборах вывести часть боевых подразделений, оставив только те, что предназначались для службы по охране границ. Окончательный вывод австралийского контингента из Ирака завершился в 2009 г. Объявляя об этом, Радд, еще раз попрекнув Дж. Говарда избыточной, по его оценке, верностью союзникам, заявил: «Наше правительство не считает, что сотрудничество с США требует автоматического следования курсу внешней политики Соединенных Штатов». Что же касается еще одной болевой точки Среднего Востока – Афганистана, премьер-министр, напротив, поддержал австралийское военное присутствие в этой стране, считая ее центром терроризма. Он сохранил там австралийский контингент. Оживились отношения с КНР. Новым элементом в отношениях двух стран стал начатый двухсторонний Стратегический диалог АС и КНР, «отражающий важность отношений между двумя странами» и предоставляющий возможность постоянно обмениваться мнениями по самым важным проблемам международной жизни. Руководство Китая весьма рассчитывало

на то, что работавший в их стране и знавший их язык Радд будет «рукой Пекина» в Канберре, но по приходе к власти он занял достаточно твердые позиции в отношениях с КНР и Индией.

Очень осторожной была линия Рада во взаимоотношениях с Великобританией и связанной с этим проблемой республики в АС. Когда в 2007 г. АЛП получила бразды правления, глава ее МИД С. Смит заявил, что отделение от британской монархии неизбежно, но ввиду личной популярности королевы Елизаветы II это вряд ли осуществимо, пока та остается на троне. «В обществе есть мнение, что подходящее время для перемен – смена правящего монарха, когда бы это ни произошло». Ответ королевы на эти высказывания был прежним: она давно дала понять, что не будет возражать. В 2008 г. накануне визита в Великобританию К. Радд заявил, что он «всегда будет республиканцем», одновременно подчеркнув, что проводить референдум по этому поводу пока не время. Ибо, как он витиевато выразился, «сейчас у нас есть другая рыба для жарки в плане приоритетов дома». Впрочем, по возвращении в АС премьер-министр принял участие в проходившей в Канберре конференции с участием ученых, политических деятелей и представителей деловых кругов, где, в числе прочего, обсуждался проект будущего устройства Австралии. Согласно решениям конференции, референдум по вопросу о республике планировалось провести вместе с федеральными выборами 2010 г. Радд пообещал, что в случае его переизбрания система правления в АС сменится к 2013 г., но призвал своих сторонников не торопить события. «Тот факт, что саммит говорит "да" республике, это большой шаг вперед», – заявил он австралийскому ТВ.

Такие планы части политического класса АС, однако, противоречили позиции общества. Опросы показывали, что 64% молодых австралийцев в возрасте от 14 до 17 лет оставались приверженцами монархии. Социологи считали, что «Кевину Радду и его “республиканским” коллегам следует забыть об изменении Конституции на следующие несколько лет и сконцентрироваться на доказательстве того, что работающий австралиец сможет “выжить” в условиях высокой ставки процента и роста цен». По этой причине и на сей раз дальше разговоров с высокой трибуны дело

не пошло. Тем более, что ситуация в стране становилась неблагоприятной для такого рода изменений.

Приблизительно с декабря 2009 г. восторг по поводу новаций АЛП начал сменяться менее благоприятными оценками. Прежде всего, общество не простило Радду его неудачи на форуме по проблемам изменения климата в Копенгагене. Оппозиция не поддержала лейбористскую схему по торговле выбросами, и глава правительства отложил решение этого вопроса, по крайней мере, до 2013 г. Популярность его пошла вниз: в апреле 2010 г. его обвиняли уже в невыполнении своих предвыборных обещаний по решению проблем экологии и изменений климата.

Далее, в головную боль руководства страны стали превращаться правительственные меры в отношении нелегальных иммигрантов. К. Радд сразу по приходе к власти, по сути, сломал только отлаженный механизм сдерживания беженцев, созданный при Говарде. И число нелегалов, получивших прямой доступ в АС, начало расти, что, в свою очередь, вызвало неприятие в широких кругах населения НЮУ и Виктории. Понимая риск такого поворота дел, глава кабинета принял решение отложить рассмотрение прошений о предоставлении убежища беженцам из Шри Ланки и Афганистана, а это повлекло за собой обвинения уже в расистском подходе к иммиграционной политике.

Вдобавок политика поощрения иммиграции породила не только увеличение потока нелегальных беженцев, но и бунты в центрах их временного размещения. Реакцией со стороны большинства населения стали не только протесты против расширения влияния ислама, но и открытые столкновения, носившие выраженный межэтнический характер. Все это сопровождалось внешнеполитическими осложнениями АС со странами исхода мигрантов, ввиду тесных связей этнических диаспор со своей родиной. Так, когда в начале 2010 г. участились нападения на индийцев, дело сразу же обрело международное звучание. Министр иностранных дел Индии С.М. Кришна пригрозил австралийскому правительству санкциями, если не будут приняты адекватные меры по обеспечению безопасности его соотечественников. В течение ряда лет власти АС вынуждены вести нелегкие переговоры с Индонезией, рассчитывая на содействие ее правительства в деле прекращения или хотя бы ограничения контрабандных

перевозок нелегалов в АС. Сложность таких переговоров обусловлена зависимостью ключевых отраслей хозяйства Австралии от экспорта, финансовой выгодой от обучения в австралийских университетах иностранных студентов, интересами туристической индустрии. Порядок регулирования австралийскими властями иммиграции постоянно находился и в зоне внимания таких международных организаций, как Лига арабских государств или ООН. В руки оппозиции был дан мощный козырь. К. Радд вынужден был признать свои ошибки и нарушение предвыборных обещаний, и программа «Большой Австралии» отошла на второй план.

Нарастали сложности и во внутренних делах. Меры по предотвращению последствий экономического кризиса 2008 г., попытки правительства сохранить рабочие места и вывести страну из рецессии привели к росту бюджетного дефицита и отсутствию средств для выполнения всех предвыборных обещаний. Избиратели поддерживали меры премьер-министра по борьбе с мировым финансовым кризисом путем вливания миллиардов долларов для стимулирования экономики, но попытки выбраться из него путем введения новых налогов на большой бизнес не обрадовали никого. И хотя экономика Австралии выстояла за счет государственной помощи, по мнению наблюдателей, «правительство много говорило и мало делало». Столкновения по поводу новых налогов в горнодобывающей промышленности повлекли за собой ссору с богатейшей отраслью в экономике АС и привели к падению влияния АЛП в двух наиболее динамично развивающихся штатах страны – Квинсленде и Западной Австралии. В преддверии очередных федеральных выборов такая ситуация становилась опасной.

Сам же премьер-министр как политическая фигура перестал устраивать и его соратников по партии. Им были недовольны, например, лидеры профсоюзов, с пожеланиями которых Радд демонстративно не считался, формируя свое правительство. Его авторитарная манера управления с помощью собственного «кухонного кабинета» породила недовольство рядовых членов АЛП и заднескамеечников в парламенте, которых Радд никогда не любил и не уважал.

Оппозиция же за этот период сумела сплотить свои ряды. Либералы за без малого три года трижды поменяли своего лиде-

ра: сначала их возглавил Б. Нельсон, затем амбициозный М. Тернбулл, который уступил свой пост более опытному аппаратчику Тони Эбботу. Поскольку жесткий курс «экономического рационализма», отстаиваемый в свое время Дж. Говардом, не вызывал особых симпатий избирателей, новое руководство партии объявило себя правоцентристами и постаралось выработать более умеренные подходы. В итоге в начале 2010 г. либералы, согласно опросам общественного мнения, стали обгонять по популярности лейбористское правительство; к июню 2010 г. показатели популярности АЛП достигли предельно низкого уровня. Ответом руководства АЛП стала смена лидера: при поддержке левого крыла партии место К. Радда заняла его заместитель Джулия Гиллард, ставшая одновременно первой в истории Австралии женщиной – главой правительства. К слову, эти события весьма напоминали сценарий смещения Р. Хоука в конце 1991 г.

Первая женщина – премьер министр Австралии. В сложной для партии ситуации новый лидер предложила свою программу действий, которая сводилась к следующему: пересмотреть вопрос о введении новых налогов на прибыль и расценок на топливо в горнодобывающей промышленности; признать заслуги прежних руководителей АЛП от Хоука до Радда включительно; поменять руководство накануне выборов; выбить у оппозиции козырь о «хорошем правительстве, потерявшем свой путь». Этот план по избавлению АЛП от «некоторых запутанных вопросов» и спасению ее престижа в глазах избирателей позволил Дж. Гиллард, по словам одного из ведущих политических комментаторов АС, «в секунды подняться от нуля до 100».

Отличительной чертой характера нового премьера, как считают ее знакомые и коллеги, является бесконечная любовь к власти. Еще на студенческой скамье Гиллард начала проявлять интерес к политике, вступив в Лейбористский клуб, а в 1998 г. стала членом парламента от АЛП. В своем первом выступлении в палате представителей она сосредоточилась на «праве рядовых австралийцев – тех, у кого нет ни богатства, ни власти, – на справедливость». Дальнейшая партийная ее деятельность строилась главным образом вокруг проблем социального обеспечения, иммиграции и аборигенов.

Карьера Дж. Гиллард складывалась неоднозначно. Будучи президентом Австралийского Союза студентов, она входила в состав теневого кабинета как один из ведущих членов левой фракции АЛП от штата Виктория и участвовала в разработке проекта реформы под названием «Медикэар Голд». Однако критики тогда не оставили от ее предложений камня на камне, признав их несостоятельными, пристрастными и плохо просчитанными по расходам. По мнению ряда экспертов, провал «Медикэар Голд» стал решающим фактором поражения АЛП на выборах 2004 г. Впрочем, ее сторонники считали, что плюсы в биографии Гиллард перевешивают минусы: на их взгляд, она пользовалась популярностью у избирателей, была трезвым прагматиком и, что особо важно, «очень мощным адвокатом того, во что она верила».

В 2007 г. Гиллард была уже настолько известна и влиятельна, что вошла в правительство, где одновременно заняла посты заместителя премьер-министра, министра по делам занятости и отношений на рабочих местах и министра образования. Такое совмещение должностей дало повод неофициально именовать ее «министром по делам всего на свете». Во время зарубежных поездок К. Радда она успешно справлялась с ролью действующего премьер-министра АС.

Первые политические выступления Дж. Гиллард в 2010 г. говорили о ее крайней осторожности: она старалась не вдаваться в подробности линии своего кабинета и всячески обходить острые углы сложившейся ситуации. «Главным я считаю стабильность», – заявила она, не став делать серьезных перестановок в высших эшелонах власти. С этой же целью новый премьер-министр сменила централистские методы взаимодействия ее предшественника с руководством АЛП на практику консультаций, в которой она была сильна и опытна.

Она решительно открестилась от непопулярных решений, принятых своим предшественником. Подновленный кабинет АЛП старался формулировать свои позиции, увязывая их с доминирующими настроениями в обществе. Практически не затрагивая вопросов внешней политики, которая стала периферийным вопросом на выборах, Гиллард лишь подтвердила верность курсу АЛП. В частности, отметила, что присутствие АС в Афганистане

диктовалось борьбой с терроризмом: «Мы там теперь тренируем Афганскую Национальную Армию, чтобы стабилизировать Афганистан, чтобы быть уверенными, что не там подготавливаются террористы, которые приходят и приносят вред австралийцам, и чтобы быть уверенными, что это более безопасное место для афганского народа».

В области внутренней политики Гиллард призвала предпринимательские круги к переговорам по проблемам новых налогов и предложила компромиссный вариант: исключить налог на сверхприбыль в добыче минеральных ресурсов и заменить его на два других: налог на ренту минеральных ресурсов и налог на ренту нефтяных ресурсов. При этом правительство хотело бы снизить налог на компании до 29% и сверстать к 2013 г. бюджет с профицитом. Правительство по-прежнему рассчитывало на продолжение бума в добывающей отрасли и стремилось к тому, чтобы «австралийцы получили более справедливую долю» от этих доходов. Это несколько ослабило накал страстей вокруг налогов.

Особое внимание Дж. Гиллард обратила на вопросы иммиграционной политики, заявив, что ее правительство не интересуется проект «большой Австралии». Вместо этого она призвала разработать новую стратегию «сбалансированного населения». Премьер-министр подробно остановилась и на способах решения проблемы нелегальных мигрантов: «Я также открыто объявляю цель моего правительства: разрушить контрабандную торговлю людьми, убрав побудительные мотивы для лодок покидать свои порты приписки в первую очередь». Она также пообещала в случае своего переизбрания еще больше ужесточить меры по пресечению потока нелегальных мигрантов.

По вопросу о республике Гиллард высказывалась столь же уклончиво, как ее предшественник. Учитывая большую личную популярность королевы Елизаветы II и исход референдума 1999 г., когда более половины австралийцев высказались за сохранение монархии в АС, она – убежденная республиканка – перенесла решение этого вопроса в будущее: «Я думаю, подходящим временем для перехода этой нации к республике будет время смены монарха».

Такая предвыборная тактика оказалась успешной: большинство опросов общественного мнения показывало рост популярности лейбористов, которые на 4–5 пунктов опережали партии коалиции. Направление, избранное Гиллард, устраивало многих, в первую очередь, тех членов АЛП, которые считали, что она «находится на одной волне с простыми австралийцами». Выдвигая ее на пост главы правительства, члены кокуса надеялись на то, что она поможет поддержать популярность АЛП, став первой женщиной на этом посту. Но в целом шансы АЛП и оппозиции на победу на приближавшихся выборах были примерно равны: сказывалось, в первую очередь, то обстоятельство, что оппоненты в действительности не предложили электорату выраженной альтернативы. В этих условиях Гиллард продемонстрировала недюжинные способности по привлечению голосов избирателей: даже в Квинсленде – родном штате Радда, где к ней отнеслись весьма настороженно из-за его смещения, ей удалось очаровать аудиторию.

Выборы 28 августа 2010 г. были сопряжены с рядом интриг, главной из которых оказался их результат. Подсчет голосов показал, что ни одна из партий не набирала необходимого для формирования кабинета министров большинства голосов, и обозреватели заговорили о феномене подвешенного парламента. Судьба будущего правительства оказалась, по сути, в руках 4 прошедших в палату представителей независимых депутатов. Политическое искусство Гиллард помогло ей через 17 дней секретных переговоров привлечь их на свою сторону и сформировать свой кабинет, в котором пост министра иностранных дел получил К. Радд.

Это правительство стало в какой-то мере заложником очень ненадежных союзников – независимых депутатов, благодаря которым оно располагало в нижней палате большинством всего в один голос. При таком раскладе любое неосторожное действие могло повлечь за собой внеочередные парламентские выборы с непредсказуемым исходом, и лейбористы предпочли наиболее осторожный курс компромиссной политики. Вероятность такого варианта усиливалась тем, что повестка дня парламента включала порядка 40 вызывавших споры законопроектов (о мерах по усилению безопасности АС, охране окружающей среды и защи-

ты прав человека, усовершенствованию систем здравоохранения, транспорта, налогов, землепользования и т.п.). Ситуацию осложнили состоявшиеся в ноябре 2010 г. выборы в Виктории и Новом Южном Уэльсе: разделение мест в парламентах ведущих штатов страны практически поровну означало, что «огромное число избирателей откатнулось от лейбористского правительства», что делало положение лейбористов еще более уязвимым.

Шаткое положение кабинета Гиллард подвигло оппозицию на решительные действия. Страсти подстегнули результаты опроса общественного мнения, проведенного в феврале 2011 г. агентством Ньюсполл: показатели популярности АЛП и партий коалиции сравнялись, и только симпатии избирателей лично к Дж. Гиллард (53%) значительно превосходили рейтинг Т. Эббота (35%).

Премьер-министр сделала все от нее зависящее, чтобы выправить ситуацию. Ответный удар оппонентам она нанесла по ходу обсуждения одной из самых «болевых точек» в политической жизни АС – проблемы иммиграции. Споры разгорелись вокруг очередной трагедии, в ходе которой у берегов АС погибли нелегальные иммигранты из стран Азии. Попытки кабинета успокоить мусульманские диаспоры, выделив на похороны жертв значительные суммы, повлекли за собой заявление спикера по вопросам иммиграции от оппозиции С. Моррисона, что за последние три года «правительство, которое потерпело провал в политике усилении защиты границ, увеличило расходы на содержание беженцев более, чем в семь раз», забыв о трудностях сограждан, пострадавших от недавнего наводнения в Квинсленде и Виктории. В результате в обществе вновь заговорили о «мусульманской иммиграции», «мусульманах в Австралии» и их «неспособности интегрироваться» в доминирующее общество. Правительство Гиллард тут же обвинило своих политических соперников в попытке возродить политику «белой Австралии» и потребовало сместить с должности всех официальных членов теневого кабинета, в выступлениях которых усмотрели антиисламские настроения. В рядах оппозиции наметился кризис, и некоторые ее представители потребовали прекратить опасные разговоры вокруг мусульманских общин. Стремясь не допустить раскола своих сторонников, Т. Эббот заявил, что Австралия была

одной из наиболее успешных мультикультурных наций в мире и что его партия никогда не поддержит дискриминационных мер в сфере иммиграции. Получив свободу рук, лейбористы начали строительство новых центров для временного содержания беженцев, одновременно обещая в будущем отказаться от такой практики. В мае 2011 г. было объявлено о том, что АС и Малайзия подписали соглашение об обмене беженцами, согласно которому Австралия отправит назад 800 соискателей убежища, а взамен в течение четырех лет получит 4000 человек из Малайзии.

Оппозиция попыталась взять реванш при обсуждении вопросов охраны окружающей среды, которые являлись в последние годы одной из главных причин смены лидеров в обеих ведущих политических партиях АС. Поскольку в парламенте кабинет АЛП был весьма зависим от поддержки зеленых, в ходе обсуждения схем продажи квот на выбросы углекислого газа премьер-министр провела совместную с ними пресс-конференцию, где изложила основы нового законодательства. Согласно проектам правительства, с июля 2012 г. цена на выбросы будет фиксирована на период от 3 до 5 лет; предлагалось также ввести ряд существенных уступок для австралийских фермеров. Оценка плана АЛП была неоднозначной, и оппозиция инкриминировала Гиллард нарушение ее собственных предвыборных обещаний о неизменности режима углеродных выбросов. Не менее настороженно отнеслись к обещаниям главы кабинета и фермеры, расценившие ее слова лишь как начало огромной работы по согласованию интересов всех сторон.

В области здравоохранения правительством АЛП была принята обновленная схема финансирования медицинских учреждений, в которой штаты и федеральный центр участвовали на равных паях, внося по 50% требуемых сумм. Кроме того, особое внимание должно было уделяться психическому здоровью граждан и предотвращению самоубийств, особенно в группах риска. Эта часть деятельности правительства прошла более спокойно, не встретив большого сопротивления.

По поводу внешней политики Дж. Гиллард заявила уже во время одного из первых визитов за рубеж в качестве премьер-министра, что международные дела никогда «не были ее страстью». Сделав кадрового дипломата К. Радда министром ино-

странных дел, она, тем не менее, активно участвовала во всех совещаниях на высшем уровне: и в Брюсселе, и в Вашингтоне. Гиллард посетила Афганистан и высказалась в поддержку проведения военной кампании США в этой стране. В ходе первых международных визитов в США, Японию, Новую Зеландию и Северную Азию глава правительства АС вела переговоры с лидерами этих государств по целому ряду вопросов региональной и мировой политики. Во время встречи с президентом РФ Д. Медведевым они обменялись ратификационными грамотами по договорам 2007 г.

Таким образом, первые шаги премьер-министра в сложившейся непростой ситуации показали, что она – опытный политический игрок, для которого интриги не новость. В определенном смысле ее фигуру можно считать знаковой для современной политической жизни АС: осторожный и вместе с тем хваткий, прагматичный политик с неким флером феминизма и политкорректности.

Культура страны в конце XX – начале XXI века. Рубеж столетий стал свидетелем продолжения успешного развития культурной жизни Австралии. Последним знаковым событием XX в. для страны, где спорт искони был частью национальной культуры, стали Олимпийские игры 2000 г. в Сиднее – вторые по счету на территории Австралии. В течение 100 дней олимпийский факел пронесли через тысячу австралийских городов; за красочной церемонией открытия соревнований, в которой главные роли отведены были аборигену и маленькой девочке – как символам древней и юной Австралии (а всего в ней участвовали 12 тысяч человек) – следил весь мир. После исполнения корробори олимпийский огонь зажгла аборигенка-бегунья К. Фримен. Сопровождавшиеся в процессе их подготовки и проведения скандалами, курьезами и трагедиями, Игры, тем не менее, стали ярким событием мировой спортивной жизни, в немалой степени усилив интерес к государству-организатору Олимпиады и его жителям. Вслед за этим спортивным форумом здесь же были проведены международные Параолимпийские Игры. Регулярно спортсмены со всего мира съезжались на гонки парусных судов Сидней – Окленд и на открытый чемпионат Австралии по теннису. После встречи нового тысячелетия, праздновавшейся в янва-

ре 2000 г., и спортивных состязаний в Сиднее XX в. завершился на оптимистической ноте празднованием векового юбилея АС 1 января 2001 г.

Австралийцам было что праздновать. Прекрасно организованная система народного образования предоставляла все возможности для развития личности. Отлаженная структура государственных, конфессиональных и частных школ при поддержке правительства обеспечивала практически полную грамотность населения. Для Австралии как страны иммигрантов особую важность приобрела разветвленная система преподавания английского языка. В стране имелось более 100 центров, которые предлагали подготовку любого уровня, позволявшую учиться и работать в АС.

В секторе профессионального образования главная роль по праву принадлежала TAFE – самому крупному образовательному объединению в стране, исполнявшему роль средней ступени австралийской системы обучения, где готовили квалифицированный персонал для работы в среднем техническом и управленческом звеньях в области электроники, промышленности, строительства архитектуры и бизнеса. В области высшего образования Австралии на рубеже XX–XXI вв. успешно работали 37 государственных и 3 частных университета, где обучались около 900 тыс. студентов (австралийцы и приехавшие на учебу иностранцы). Старейшими и крупнейшими среди них являлись университеты Сиднея, Мельбурна и АНУ. В результате почти треть взрослого населения страны имела высшее образование – очень высокий показатель по международным стандартам.

Координацию научной деятельности осуществляли Организация научных и промышленных исследований АС (КСИРО) и ряд других правительственных организаций. Достижения австралийских ученых – геологов, астрономов, физиков, медиков, инженеров – неоднократно находили международное признание. В 2000 г. на пост президента Британского Королевского общества был выдвинут биолог сэр Роберт Мэй, который стал вторым по счету австралийцем, возглавившим Общество за 340 лет его существования (первым был Х. Флори, занимавший этот пост в 1960–1965 гг.). В 1997 г. Нобелевскую премию за работы в области иммунологии получил Питер Догерти, а в 2005 г. ее лау-

реатами были названы Барри Маршалл и Робин Уоррен за труды по выявлению причин самых распространенных заболеваний желудка.

Литературное творчество австралийцев уверенно выходило на мировую арену. Осенью 2001 г. австралийский писатель Питер Кэри получил Букеровскую премию за свой роман «Подлинная история банды Келли», причем впервые в истории присуждения этой награды он стал ее лауреатом дважды. В первый раз Кэри получил ее в 1988 г. за роман «Оскар и Люсинда». Всемирную известность получили книги Томаса Кенилли, особенно его роман «Ковчег Шиндлера», также удостоенный Букеровской премии и вскоре экранизированный С. Спилбергом. Наряду с книгами белых австралийцев во второй половине XX в. популярность приобрели произведения писателей-аборигенов. Главным образом, это автобиографии, на страницах которых перед читателями возникает сложный мир людей, вырванных из привычного для них круга жизни, нелегкий процесс их адаптации к условиям жизни белой Австралии. Наиболее интересен с этой точки зрения роман писательницы Сэлли Морган «Мое место», сразу по выходе из печати в конце 1980-х гг. ставший бестселлером.

Музыкальное искусство было всегда очень популярно в Австралии. И в наши дни вечера классической музыки и концерты гастролирующих музыкантов, зимние сезоны классики в Канберре и т.п. мероприятия регулярно проводятся усилиями различных государственных и частных спонсоров и организаций. В крупнейших городах страны регулярно выступают местные профессиональные и самодеятельные хоры и оркестры. Всемирно известны также исполнители поп- и рок музыки из Австралии: например, Кайли Миноуг, Питер Гаррет, группы AC/DC, INXS и другие. В начале XXI в. доходы музыкальной индустрии приблизительно равнялись прибылям от издательского дела и достигали миллиардов долларов. Музыкальный театр всегда пользовался в Австралии большим успехом. Мировая слава стала венцом творчества великой певицы Джоан Сазерленд. Одной из наиболее известных танцовщиц Австралии была Мэрил Тэнкард и ее труппа. Нередко молодые артисты балета из AC становились лауреатами премий престижных международных конкурсов.

В стране ежегодно ставилось около 250 оперных спектаклей и более 200 балетов. Регулярно проводились фестивали самого различного уровня – от местных до общенациональных и международных. Новинкой последних десятилетий стали театральные труппы аборигенов.

Огромную популярность в АС, как и во всем мире, завоевал кинематограф. В современном кино весьма успешно работают такие всемирно признанные мастера как кинорежиссеры Питер Уир и Бэз Лурманн, актеры Пол Хоган, Хью Джекман, удостоенные премии «Оскар» Кейт Бланшетт и Николь Кидман. В этой области, пожалуй, сильнее всего сказалось возросшее в XX столетии американское влияние на развитие австралийской культуры. Но и в этом феномене многие не видят ничего уникального или особо опасного. Оно лишь отражает господствующие в наши дни тенденции к универсализации быта и культурных явлений в западном мире. В последние десятилетия немало австралийских фильмов можно было увидеть и на российских экранах: начиная с «мыльной оперы» «Возвращение в Эдем» и «Крокодила Данди» и заканчивая прекрасными экранизациями австралийской классики – «Пикник у Висящей скалы» и «Все реки текут». Активно включились в кинопроизводство представители аборигенной интеллигенции: фильмы «Десять каное» и «Преграда для кроликов» можно бесспорно назвать одними из их наиболее интересных работ. С размахом поставлено дело в производстве видео и кинофильмов, чья продукция доступна также и в интернете. Правительство страны активно поддерживало мультимедийные программы, такие, как «Австралия на CD» и «Культурная сеть Австралии». Их продукция отправлялась в школы, библиотеки страны и представительства АС за рубежом.

Государственные и общественные организации стремились поддерживать на высоком уровне сохранность всех объектов, которые признаны национальным и культурным достоянием Австралии. В первую очередь, это природные заповедники, ботанические сады, зоопарки, аквариумы, разбросанные по всей территории континента. Они пользовались большой популярностью у австралийцев: в год их посещало до 36% взрослого населения страны. Кроме того, в АС прекрасно поставлено музейное дело. В стране со столь короткой в хронологическом исчислении исто-

рией все, что осталось от прошлого, сохраняется с особой тщательностью и любовью. Практически в каждом городе есть свои художественные галереи и краеведческие музеи, экспонаты которых рассказывают или о периоде каторги, или о золотой лихорадке, или об уникальной естественной истории Австралии. Среди военных мемориалов выделяются Усыпальница АНЗАКов в Мельбурне и Мемориал Галлиполи в Сиднее. В 2001 г. в Канберре был открыт Национальный музей, в экспозиции которого нашли отражение все этапы исторического пути Австралии: от истории аборигенов до наших дней. На рубеже XX–XXI вв. в стране насчитывалось 1700 действующих музеев, в которые ежегодно приходили порядка 4 млн. человек – главным образом, жители АС. В Национальной библиотеке АС и других крупных книгохранилищах регулярно устраивались экспозиции раритетов, хранящихся в их запасниках и фондах. Активную работу по хранению, популяризации и распространению исторических знаний вели учреждения, входившие в систему Национальных архивов Австралии.

Музеи изобразительного искусства – гордость столиц штатов. В них хранятся богатейшие коллекции произведений искусства, привезенные со всех уголков Земли. Наибольший интерес посетителей вызывали залы, в которых собраны наиболее полные коллекции работ австралийских живописцев и скульпторов. Наряду с ними огромной популярностью пользуются работы художников-аборигенов. В наши дни все чаще раздаются требования защитить их авторские права, поставив под жесткий контроль все случаи использования символики и мотивов произведений аборигенов в коммерческих целях. А 67% австралийцев в возрасте 14 лет и старше считают, что культура аборигенов – «важный компонент австралийского общества». Следует еще раз подчеркнуть, что все эти выдающиеся достижения культуры Австралии были бы значительно скромнее без постоянной поддержки со стороны правительственных органов страны.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

За совсем недолгие – по сравнению с Европой или странами Азии и Африки – исторические сроки Австралия прошла большой путь от слабо освоенного континента до одной из крупнейших экономик мира. На базе многочисленных и богатых месторождений угля, железных и полиметаллических руд, нефти, газа, драгоценных камней и металлов была создана мощная промышленность. Несмотря на климатические сложности, сельское хозяйство страны традиционно – одна из основ австралийской экономики, благодаря чему Австралия поставляет на внутренний и внешний рынки практически все необходимые продукты: от технических культур до деликатесов. Современная транспортная система давно позволила преодолеть географическую изолированность континента и связала страну со всеми частями Земного шара, и ныне АС поддерживает внешнеторговые операции с множеством стран мира.

В политическом отношении за 200 с небольшим лет основанные на этих землях крошечные британские колонии превратились в мощное независимое демократическое государство – одно из наиболее влиятельных не только в Южно-Тихоокеанском регионе, но и во всем мире. АС – участник всех крупных международных форумов и организаций, его дипломаты ведут активную работу во многих странах. Австралийский опыт государственного строительства весьма примечателен и поучителен во многих отношениях: в плане удачного заимствования достижений западной демократии и развития управленческих институтов с учетом местной специфики; в области социально обустройства – создания комфортных условий жизни для подавляющего большинства населения; в плане регулирования иммиграционных потоков и межнационального взаимодействия. Процессы эти не завершены и находятся в стадии постоянного развития.

Кардинальным образом изменился состав населения страны. Аборигены, до прихода европейцев бывшие полновластными хозяевами континента, в результате различий в культуре были оттеснены европейцами с их земель и отброшены на задворки нового колониального общества. Но вторая половина XX в. увидела возрождение коренных жителей Австралии и их культуры, которые в наши дни стали полноправными гражданами АС. Тогда же наметился отход от доминирования британцев – теперь австралийцами считают себя выходцы из многих стран мира. Население, по данным на март 2009 г., составляло 21,8 млн. человек. Из них на долю аборигенов приходилось около 2,5% (примерно 517 тысяч человек), на выходцев из Великобритании – 75%, иммигрантов из других государств – порядка 25%.

Современная Австралия – этнически гетерогенная нация: примерно 15,6% ее граждан, то есть в абсолютных цифрах – 3,1 млн. человек относят себя к представителям различных диаспор. Наиболее крупные этнические общности (в тыс. человек): китайцы – 465,2, вьетнамцы – 194,9, арабы – 243,7, греки – 252,2 и итальянцы – 316,9. Но несмотря то, что темпы роста иммиграции из Азии ныне высоки, АС, используя терминологию С. Хантингтона, продолжает оставаться в круге христианской цивилизации: христиане составляют – 63,9% населения страны; тогда как буддисты – 2,1%, мусульмане – 1,7%, индуисты – 0,7%, иудеи – 0,4% (остальные либо назвали себя атеистами, либо затруднились с определением своей конфессиональной принадлежности). Достижения, равно как и трудности австралийцев в области налаживания межнациональных отношений заслуживают самого пристального внимания.

За эти годы решительным образом изменилось положение женщин в Австралии. Из каторжанок и колониальных барышень, вплоть до начала XX в. довольствовавшихся главным образом положением матерей семейства, они превратились в равноправных партнеров мужчин, занимая самые высокие посты во всех областях общественной жизни. Стоит подчеркнуть, что это касается как европейек, так и аборигенок, и представительниц всех других наций, ставшими гражданками АС.

Складывание и становление современного общества сопровождалось не только победами феминисток, но и упрочением

новой морали и курса политической корректности, без которых картина нынешней Австралии была бы неполной.

За годы европейской колонизации континента его жители перешли от потребительского отношения к окружающему их миру к планомерному развитию системы экологической защиты. Для охраны удивительной природной среды в Австралии созданы около 2 тыс. национальных парков и заповедников, в том числе в акватории Тихого океана в районе Большого Барьерного рифа и в центре континента вокруг знаменитого монолита Айерз Рок (или, на языке местного племени аборигенов, Улуру). На границах страны действуют строгие карантинные законы, запрещающие ввоз в туда любых животных и растений, которые могли бы нарушить сложившийся природный баланс. Главное в том, что удалось воспитать целые поколения австралийцев, сознательно и с любовью относящихся к земле, на которой они живут.

За два столетия сложилась уникальная культура Австралии, в наши дни включающая в себя как аборигенный компонент, так и все составляющие, привнесенные в англо-кельтскую основу приезжавшими сюда иммигрантами из более чем 200 стран мира. Развитая система образования, по праву считающаяся одной из лучших в мире, позволила не только повысить грамотность населения до уровня международных стандартов, но дала человечеству великих ученых, заслуженно увенчанных высшими международными наградами. Богатая литература, своеобразная живопись, всемирно известные австралийские деятели театра и кино стали визитной карточкой своей страны. Города АС по сути дела стали музеями архитектуры под открытым небом. Конечно, от первых этапов освоения континента мало что осталось: развалины нескольких тюрем, превращенные в музеи, и редкие храмы, большинство из которых относится к середине XIX века. Однако все исторические здания, дошедшие до наших дней, сохраняются самым тщательным образом. Современные дизайнеры разрабатывают новые идеи градостроительства и создают интересные конструкции зданий – таких, как, например, прозрачный дом в Мельбурне, часть стен которого сделана из сплошных стеклянных панелей, что позволяет видеть сооружение сразу во всей его совокупности. Даже беглый взгляд на основные направления и тенденции культурной жизни Австралии показывает, что време-

на былой изоляции и подражания английским образцам остались давно в прошлом. Местное сообщество взрастило своеобразное и разветвленное древо глубоко национальной австралийской культуры, органично впитавшей в себя все те наслоения, которые встречались на ее историческом пути.

Итак, Австралия – одна из наиболее стабильных, не испытывавших в XX в. угрозы революционных изменений стран, – перешагнула рубеж третьего тысячелетия. Естественно сюда переместился и комплекс неурегулированных социально-экономических и политических вопросов. Это и потенциальные риски глобализационных процессов для национальной экономики, и решение проблем помощи малообеспеченным меньшинствам, и растущее в последние годы социальное неравенство, и сохраняющие свою остроту межнациональные трения. Стоит указать также и на необходимость пересмотра отдельных, явно анахроничных статей КАС; на решение давнего спора о государственном устройстве (конституционная монархия или республика); на разработку оптимальной концепции этнического развития и, соответственно, иммиграционной политики. Впрочем, перечисленные проблемы скорее обозначают точки приложения основных усилий политической и интеллектуальной элиты, тем самым, оттеняя благоприятные предпосылки будущего развития Австралии. На данный момент в стране не существует коллизий, которые нельзя было бы решить в рамках уже созданной государственной и партийно-политической системы. К тому же у руля правления стоят люди, обладающие достаточным политическим опытом для решения насущных вопросов без использования радикальных методов, применение которых могло бы повлечь за собой необратимые последствия для благосостояния всей нации.

Хронология

Около 40 тыс. лет назад – появление на континенте первых аборигенов

XV–XVII века – первые европейские мореплаватели у берегов Новой Голландии – так называли открытый ими континент голландские мореплаватели

1688, 1699 гг. – путешествия У. Дампира к берегам Новой Голландии

1770 г. – открытие Дж. Куком берегов Нового Южного Уэльса – восточного побережья Австралии

1788 г. – прибытие Первой флотилии, начало британской колонизации и строительства каторжных поселений в Австралии

1790 г. – прибытие Второй флотилии и полка Нового Южного Уэльса (НЮУ)

1793 г. – прибытие первых свободных иммигрантов из Британии, открытие первого храма в Сиднее

1797 г. – начало разведения овец в Новом Южном Уэльсе и разработки угольных месторождений в Ньюкасле, неподалеку от Сиднея

1796, 1798 гг. – в ходе экспедиций Дж. Басса и М. Флиндерса доказано, что Земля Ван Димена (ныне – Тасмания) – это остров

1800 г. – первая таможня учреждена в Сиднее

1802 г. – начало освоения района Порт Филлип

1803 г. – первая партия австралийской шерсти отправлена в Англию; начало публикации первой газеты в Сиднее – «Сидни Газетт»; М. Флиндерс доказал, что Новая Голландия и Новый Южный Уэльс – части единого материка

1804 г. – основан город Хобарт – административный центр Земли Ван Димена (Тасмания)

1807 г. – первый визит российских кораблей в НЮУ

1808 г. – арест губернатора У. Блая офицерами «ромового корпуса»

1809 г. – первая общедоступная школа открыта в Сиднее

1810 – 1821 гг. – правление губернатора Л. Маккуори

1810 г. – открыто первое почтовое отделение в Сиднее

1813 г. – экспедиция Г. Блэксленда, У. Лоусона и У.Ч. Уэнтворта, открыт проход через Голубые горы к равнинам внутренней части страны; начало «земельной лихорадки» в НЮУ

1814 г. – М. Флиндерс предложил называть континент «Австралией»

1816 г. – открыт Сиднейский госпиталь

1817 г. – первый банк Австралии – Банк Нового Южного Уэльса – открыт в Сиднее

1823 г. – принят закон об управлении Новым Южным Уэльсом, согласно которому НЮУ и Земля Ван Димена получили статус британских колоний; каторжное поселение основано в Мортон Бей и на о. Норфолк

1828 г. – второй закон об управлении НЮУ и соседними колониями, первая перепись населения

1829 г. – начало заселения Западной Австралии британскими колонистами

1831 г. – начало субсидируемой иммиграции в Австралию

1835 г. – основан г. Мельбурн, административный центр района Порт Филлип

1836 г. – основан г. Аделаида, центр колонии Южная Австралия

1838 г. – отмена практики использования труда приписанных заключенных

1840 г. – отменена отправка новых заключенных в НЮУ, Мортон Бей открыт для свободных поселенцев

1841 г. – Новая Зеландия получила административную самостоятельность от НЮУ

1842 г. – закон о введении выборов в представительные органы власти и местном самоуправлении – «первая конституция» НЮУ

1844, 1848 гг. – экспедиции Л. Лейхгардта

1849 г. – начало отправки каторжников в Западную Австралию

1850 г. – окончательная отмена каторги в НЮУ; закон о представительном правительстве в восточных колониях; основан Сиднейский университет

1851 г. – открытие золота в Нью-Юк и Виктории, начало «золотой лихорадки» в Австралии

1853 г. – отмена каторги в Тасмании, основан Мельбурнский университет

1854 г. – восстание золотоискателей у озера «Эврика» в Балларате, начало работы телеграфной связи и строительство железных дорог в Австралии

1858 г. – в восточных колониях введены всеобщее избирательное право для мужчин и процедура тайного голосования; население Австралии достигло 1 млн. человек

1859 г. – Квинсленд стал самостоятельной колонией

1860 – 1861 гг. – экспедиции Р. О’Хара Берка и Дж. Макдауэла Стюарта, открытие пути через географический центр Австралии

1861 г. – первые законодательные ограничения на иммиграцию из Китая; начало экспорта мяса из Австралии; проведены первые скачки на Приз Мельбурна

1863 г. – первая межколонияльная конференция проведена в Мельбурне

1864 г. – начало производства сахара в Квинсленде

1866 г. – первые верблюды завезены в Австралию

1870 г. – межколонияльная выставка в Сиднее

1874 г. – основан университет г. Аделаиды

1876 г. – телеграфный кабель связал Австралию и Новую Зеландию

1877 г. – население Австралии достигло 2 млн. человек

1878–1887 гг. – пребывание и работа в Австралии Н.Н. Миклухо-Маклая

1880 г. – начало телефонной связи в Австралии

1881 г. – впервые перепись населения проведена одновременно во всех колониях

1883 г. – железная дорога соединила Нью-Юк и Викторию, создание Федерального Совета

1885 г. – контингент австралийских добровольцев отправился на войну в Судан

1887 г. – состоялись заседания первой колониальной конференции в Лондоне

1888 г. – всемирная выставка состоялась в Сиднее в ознаменование 100 лет освоения Австралии

1889 г. – население Австралии достигло 3 млн. человек

1890 г. – Западная Австралия получала права самоуправления; основан университет Тасмании

1891 г. – начало работы первой федеральной конференции; гастроли Нелли Мельба в Санкт-Петербурге

1893 г. – финансовый кризис в Австралии

1894 г. – впервые женщины получили право голоса на выборах в Южной Австралии

1895 г. – введение поземельного и подоходного налогов в НЮУ

1899 г. – австралийские войска посланы в Южную Африку

1900 г. – участие австралийцев в подавлении восстания в Китае

1900 г. – королева Виктория утвердила акт о Конституции Австралийского Союза; Э. Бартон сформировал первое правительство страны

1901 г. – официальная церемония провозглашения Австралийского Союза в Сиднее; первый федеральный парламент начал свою работу в Мельбурне; провозглашена свобода торговли между штатами, политика «белой Австралии»

1902 г. – начало политики протекционизма

1903 г. – приведен к присяге первый состав Высокого суда

1904 г. – принят закон о федеральном Арбитражном суде

1905 г. – население Австралии достигло 5 млн. человек

1906 г. – Папуа передана под управление АС

1908 г. – Канберра выбрана в качестве федеральной столицы; основан Квинслендский университет; введены федеральные пенсии по старости

1911 г. – проведена первая общеавстралийская перепись населения; Территория Федеральной Столицы и Северная Территория переданы под управление центра; учрежден пост Высокого комиссара АС в Лондоне; введена обязательная военная подготовка населения

1912 г. – учрежден Государственный банк АС; приход к власти правительства лейбориста Э. Фишера; основан университет Западной Австралии

1913 г. – начато строительство Канберры

1914 г. – вступление АС в первую мировую войну; создание Австралийской лейбористской партии (АЛП); начало работы авиапочты в Австралии

1915 г. – участие АНЗАК в боях на полуострове Галлиполи

1916 г. – появление первых фермерских партий – начало создания Аграрной партии Австралии; первый референдум по вопросу об обязательном военном призыве; создание Националистической партии У.М. Хьюза

1917 г. – второй референдум по вопросу о призыве на военную службу; завершено строительство трансконтинентальной железной дороги

1918–1919 гг. – завершение первой мировой войны; участие АС в Парижской мирной конференции; население страны – 5 млн. человек

1920 г. – создание Коммунистической партии Австралии (КПА) и вступление ее в Коминтерн; начало деятельности авиакомпании «Квонтас»

1923 г. – начало радиовещания в Австралии; создание первой коалиции либералов и аграриев на федеральном уровне

1925 г. – население Австралии – 6 млн. человек

1927 г. – федеральное правительство переезжает из Мельбурна в Канберру

1930 г. – начало Великой депрессии в Австралии; впервые пост генерал-губернатора занял австралиец по происхождению сэр А. Айзекс; создание Партии Единой Австралии Дж.А. Лайонса

1931 г. – принятие Вестминстерского статута, согласно которому АС получил статус доминиона

1932 г. – начало радиовещания в Австралии

1933 г. – часть Антарктиды передана под управление АС

1939 г. – вступление АС во вторую мировую войну; население страны – 7 млн. человек

1940 г. – установление дипломатических отношений между АС и США – первое дипломатическое представительство Австралии за рубежом

1941 г. – Австралия вступила в войну с Японией; приход к власти правительства Дж. Кертиса

1942 г. – военный союз АС и США; заключение дипломатических отношений с СССР; введение единого федерального подоходного налога

1944 г. – создание Либеральной партии Австралии; подписание договора о сотрудничестве с Новой Зеландией (Канберрский пакт)

1945 г. – завершение второй мировой войны; участие АС в создании ООН

1946 г. – расширение полномочий федерального правительства в социальной сфере – начало политики «государства всеобщего благоденствия»

1948 г. – введение закона о 44 часовой рабочей неделе: производство первых австралийских автомобилей марки «Холден»

1949 г. – принят закон о гражданстве; начато строительство гидроэнергетического комплекса в Снежных горах; приход к власти правительства Р. Мензиса; население АС – 8 млн. человек

1950–1953 гг. – участие АС в войне в Корее

1953 г. – начало государственного телевидения в АС; аборигены Северной Территории получили гражданские права; учреждена Комиссия по атомной энергии

1954 г. – первый визит королевы Елизаветы II в АС; «дело Петрова» и временный разрыв дипломатических отношений с СССР

1955 г. – австралийские войска посланы в Малайю; население АС – 9 млн. человек

1956 г. – проведение Олимпийских игр в Мельбурне; начато регулярное телевидение в АС

1959 г. – население страны достигло 10 млн. человек

1960 г. – начало выплаты социальных пособий аборигенам

1961 г. – начало разработки нефтяных месторождений в АС

1963 г. – АС подписал акт о запрете ядерных испытаний; население страны – 11 млн. человек

1964 г. – отправка первых подразделений ВС АС во Вьетнам

1965 г. – подписание первого торгового соглашения между СССР и АС

1966 г. – переход АС на новую денежную систему – австралийский доллар

1967 г. – начало запусков ракет с космодрома в Вумера; гражданские права получили аборигены АС

1969 г. – Арбитражный суд ввел принцип равной оплаты труда для мужчин и женщин

1971 г. – австралийские войска выведены из Вьетнама; население АС – 13 млн. человек

1972 г. – приход к власти правительства Г. Уитлема; установление дипломатических отношений с КНР и ГДР

1973 г. – введение самоуправления в Папуа – Новой Гвинее; начало снижения протекционистских тарифов; начало проведения политики мультикультурализма

1975 г. – первый визит в СССР главы правительства АС Г. Уитлема; конституционный кризис в АС; приход к власти правительства М. Фрейзера

1976 г. – население страны – 14 млн. человек

1977 г. – принят закон о земельных правах аборигенов; возникновение партии Австралийских демократов во главе с Д. Чиппом

1978 г. – Северная Территория получила права самоуправления; прибытие беженцев из Индокитая

1981 г. – население страны – 15 млн. человек

1982 г. – в Канберре открыта Австралийская национальная галерея; принят закон о свободе информации

1983 г. – приход к власти правительства Р.Л. Хоука

1984 г. – создание Партии за ядерное разоружение; впервые в мире в Мельбурне родился ребенок, развившийся из замороженного эмбриона

1986 г. – принят Закон об Австралии; визит папы римского в АС; взорваны бомбы у полицейского отделения и турецкого консульства в Мельбурне; население АС – 16 млн. человек

1988 г. – торжества по поводу 200-летия британской колонизации Австралии

1989 г. – мощное землетрясение в Ньюкасле; создание по инициативе Р. Хоука организации Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС)

1990 г. – впервые женщины заняли посты премьеров в штатах Виктория и Западная Австралия; население страны – 17 млн. человек

1991 г. – смена лидера в АЛП – во главе правительства встал П. Китинг

1992 г. – создание Партии Австралийских Зеленых во главе с Б. Брауном; решение Высокого суда по делу Э.К. Мабо

1995 г. – численность населения – 18 млн. человек

1996 г. – приход к власти партий коалиции во главе с Дж. Говардом

1997 г. – возникновение Партии Одной Нации П. Хэнсон

1999 г. – референдум по вопросу о республике

2000 г. – Олимпийские игры в Сиднее; численность населения – 19 млн. человек

2001 г. – террористические акты в Нью-Йорке; участие АС в антитеррористических операциях США в Афганистане и Ираке

2002 г. – террористический акт на о. Бали

2003 г. – после громкого скандала отправлен в отставку генерал-губернатор П. Холлигворт

2004 г. – террористический акт у ворот австралийского посольства в Джакарте; четвертая подряд победа партий коалиции под руководством Дж. Говарда на выборах в АС

2005 г. – население страны достигло 20 млн. человек

2006 г. – перепись населения АС

2007 г. – приход к власти правительства АЛП во главе с К. Радом

2010 г. – сильнейшие в истории страны наводнения в штатах Квинсленд и Виктория; Дж. Гиллард стала первой в истории страны женщиной-премьер-министром АС

2011 г. – австралийцы признаны одной из самых дружелюбных наций на планете по результатам исследования, проведенного Организацией экономического сотрудничества и развития среди 29 государств мира.

Рекомендуемая литература

- Австралия в русском восприятии. 1807–2007. М., 2007.
- Австралия-2000. Иммиграция, туризм, Образование, работа. / Сост. Михайлова Л.М. М., 2000.
- Австралия и Новая Зеландия. Лингвострановедческий словарь. М., 1998.
- Артем. (Сергеев Ф.С.) Счастливая страна. Австралийские очерки. М., 1926.
- Антонова И.Ф. Экономическая география Австралии. М., 1986.
- Берег Юмереллы. Австралийские народные песни. Л., 1990.
- Берндт Р.М., Берндт К.Х. Мир первых австралийцев. М., 1981.
- Бетти Дж. Наматжира. М., 1963.
- Библиография Австралии. Сост. Е.В. Говор. М., 1985.
- Вайль И.М. Австралия: федерация и высшие органы власти. М., 1970.
- Вревский В.А. Либеральная и аграрная партии Австралии после II мировой войны. М., 1976.
- Выборнов В.Я. Тяжелая промышленность в экономике и политике Австралии. М., 1982.
- Джиффорд Д. Дж., Джиффорд К.Х. Правовая система Австралии. М., 1988.
- Дорофеев Б.Я. Профсоюзы Австралии: этапы развития, проблемы, тенденции. М., 1987.
- Жарова О.В. Австралийский лейборизм после II мировой войны. М., 1987.
- Иванов В.И. Иностранный капитал в Австралии после II мировой войны. М., 1976.
- Иванов П.М. Австралия и Китай. История развития отношений. М., 1984.
- Каневская Г.И. История образования Австралийской федерации. Л., 1974.

Каневская Г.И. Культура Австралии и Новой Зеландии. Владивосток, 2000.

Кэмпбелл Э. 60 семейств, владеющих Австралией. М., 1964.

Лебедев И.А. Экономика и политика Австралии после второй мировой войны. М., 1966.

Локвуд Д. Я – абориген. М., 1971.

Макинтайр Ст. Краткая история Австралии. М., 2011

Малаховский К.В. История Австралии. М., 1980.

Малаховский К.В. Пять капитанов. М., 1986.

Мартынов А.И., Русакова О.К. Австралия в международных отношениях XX века. М., 1978.

Массов А.Я. Андреевский флаг под Южным Крестом. Из истории русско-австралийских связей первой трети XIX в. СПб., 1995.

Массов А.Я. Россия и Австралия во второй половине XIX в. СПб., 1998.

Миддлтон Х. Теперь пусть нам вернут землю. М., 1983.

Мижухев П.Г. Счастливая Австралия. Пг., 1917.

Мифы и сказки Австралии. М., 1965.

Мухин Г.И. Австралия и Океания. М., 1967.

Паркс Г. 50 лет общественной деятельности в Австралии. СПб., 1905.

Петриковская А.С. Австралийский роман. Литература и общество. М., 1990.

Петриковская А.С. Российское эхо в культуре Австралии. М., 2002.

Петриковская А.С. Культура Австралии XIX–XX вв. М., 2007.

Пучков П.И. Этническое развитие Австралии. М., 1987.

Рафси Д. Луна и радуга. М., 1978.

Росс Э. В бурях и борьбе: страницы из истории рабочего движения. М., 1986.

Российские моряки и путешественники в Австралии. М., 1993.

Роуз Ф. Аборигены Австралии. Традиционное общество. М., 1989.

Рубцов Б.Б. Австралия – государство и континент. М., 1988.

Рудницкий А.Ю. Двести лет австралийской истории. М., 1987.

Рудницкий А.Ю. Другая жизнь и берег дальний. Русские в австралийской истории. М., 1991.

Свет Я.М. История открытия и исследования Австралии и Океании. М., 1965.

Скоробогатых Н.С. История Австралии. Учебное пособие (издание 2, переработанное и дополненное). М., 2006.

Скоробогатых Н.С. Вехи конституционного пути Австралии (1788–2000 гг.). М., 2006.

Солодкина М.М. Этапы и особенности экономического развития Австралии (1788-1914). М., 1981.

Стрит Дж. В поисках правды. М., 1967.

Фортунатов А.Ф. Население и хозяйство Австралии. М., 1898.

Чехонин Б.И. Австралийцы у себя дома. М., 1975.

Интернет-ресурсы

1. www.apf.gov.au – Официальный сайт парламента Австралийского Союза.
2. www.smh.com.au – электронная версия газеты “The Sidney Morning Herald”.
3. www.theage.com.au – электронная версия газеты “The Age”.
4. www.canberratimes.com.au – электронная версия газеты “The Canberra Times”.
5. www.australia-voyage.ru/news.php?limit=1&j=1 – Новости Австралии (русскоязычный сайт)

ПРИЛОЖЕНИЕ 1
Премьер-министры Австралийского Союза

Год избрания	Имя	Партийная принадлежность
1901	Эдмонд Бартон	либерал
1903	Альфред Дикин	либерал
1904	Джон Уотсон	лейборист
1904	Джордж Рид	фритредер
1905	Альфред Дикин	либерал
1908	Эндрю Фишер	лейборист
1909	Альфред Дикин	либерал
1910	Эндрю Фишер	лейборист
1913	Джозеф Кук	фритредер
1914	Эндрю Фишер	АЛП
1915	Уильям Хьюз	АЛП
1917	Уильям Хьюз	Националистическая партия
1923	Стэнли М. Брюс	Националистическая партия

1929	Джеймс Г. Скаллин	АЛП
1932	Джозеф А. Лайонс	Партия единой Австралии
1939	Эрл Пейдж	Аграрная партия
1939	Роберт Г. Мензис	Партия единой Австралии
1941	Артур Фэдден (и.о.)	Аграрная партия
1941	Джон Кертин	АЛП
1945	Фрэнк Форд	АЛП
1945	Джозеф Чифли	АЛП
1949	Роберт Г. Мензис	Либеральная партия
1966	Гарольд Холт	Либеральная партия
1967	Джон Макюэн (и.о.)	Аграрная партия
1968	Джон Гортон	Либеральная партия
1971	Уильям Макмагон	Либеральная партия
1972	Эдвард Гоф Уитлем	АЛП
1975	Малколм Фрейзер	Либеральная партия
1983	Роберт Ли Хоук	АЛП

1991	Пол Китинг	АЛП
1996	Джон Говард	Либеральная партия
2007	Кевин Радд	АЛП
2010	Джулия Гиллард	АЛП

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Карта Австралийского Союза

Учебник

Скоробогатых Н.С.

История Австралии

Компьютерный набор - Скоробогатых Н.С.

Верстка – Булатов В.С.

Сдано в набор 15.08.11.

Подписано к печати 10.12.11

Формат 60х90/16.

Отпечатано в ООО «Белый ветер»
Заказ №2943 Тираж 150 экз.